В. Квадри
М. Соколовский

Кр. истор. обзор
имп. гл. квартиры
...
Т. II

У 46/122

Э 46/122

Вмѣсто рукописи.

КРАТКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ

ИМПЕРАТОРСКОЙ ГЛАВНОЙ КВАРТИРЫ

II

ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I

1825—1855

Главный редакторъ генералъ-лейтенантъ Д. А. Скалонъ
Составили В. В. Квадри и М. К. Соколовскій

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1902

2007081646

2915. 5

Вмѣсто рукописи.

КРАТКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ

ИМПЕРАТОРСКОЙ ГЛАВНОЙ КВАРТИРЫ

II

ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I

1825—1855

Главный редакторъ генералъ-лейтенантъ Д. А. СКАЛОНЪ

Составили В. В. КВАДРИ и М. К. СОКОЛОВСКІЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1902

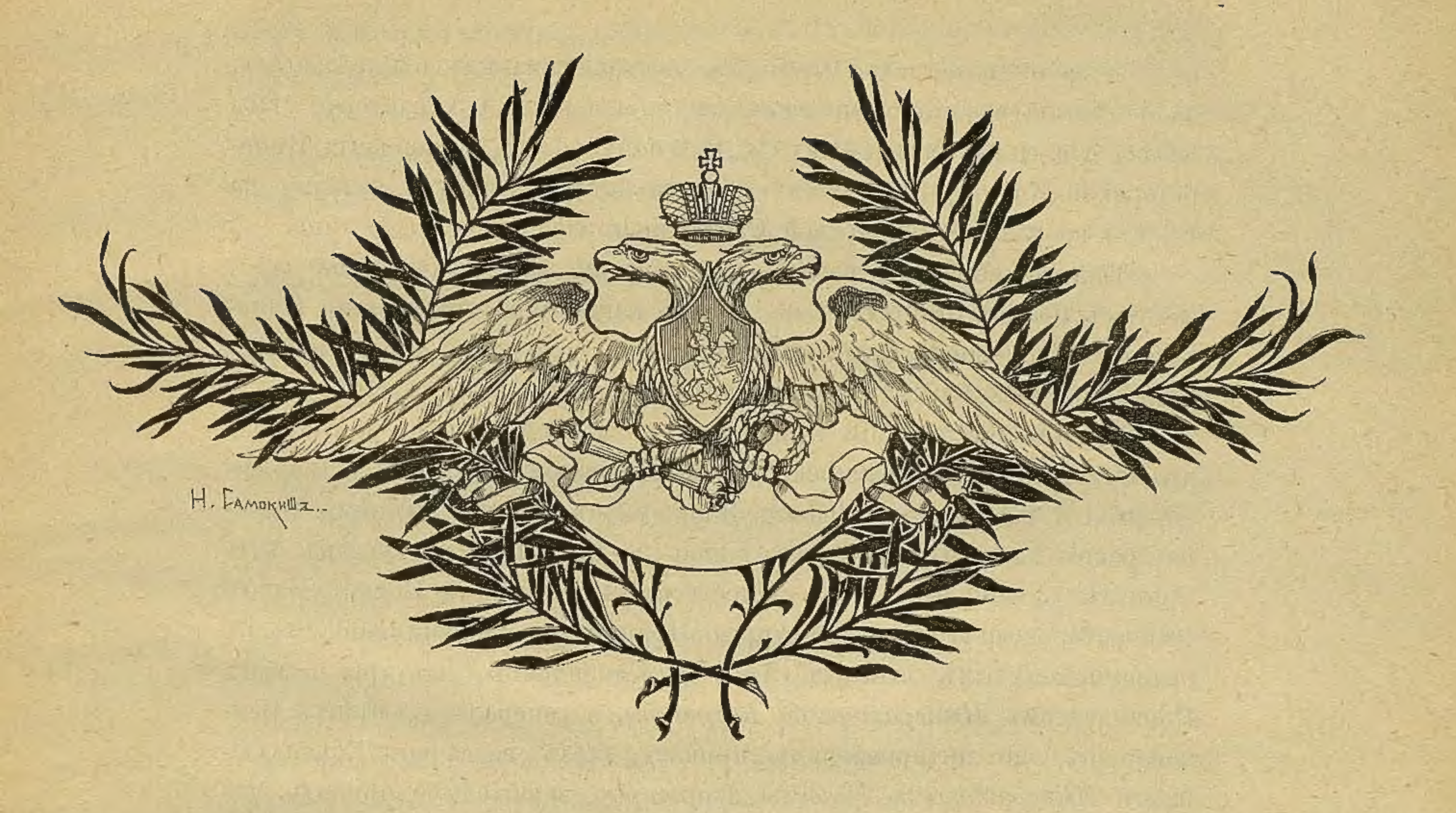
ПЕЧАТАНО ПО РАСПОРЯЖЕНІЮ КОМАНДУЮЩАГО ИМПЕРАТОРСКОЮ ГЛАВНОЮ КВАРТИРОЮ.

ТИПОГРАФІЯ П. П. СОЙКИНА, СПБ., СТРЕМЯННАЯ УЛ., СОБСТ. ДОМЪ. № 12.

II.

ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

1825—1855.

I.

Учрежденіе должности Командующаго Императорскою Главною Квартирою.— Первые Командующіе ею.

Учрежденіе должности Командующаго Императорскою Главною Квартирою.

Императорская Главная Квартира, включающая въ настоящее время въ свой составъ всѣхъ генералъ- и флигель-адъютантовъ и генералъ-маіоровъ Свиты Его Величества, а также генераловъ, при Особѣ Его Величества состоящихъ, не имѣетъ какого-либо законодательнаго акта о своемъ учрежденіи. Но на самомъ дѣлѣ, не нося, впрочемъ, никакого наименованія, Императорская Квартира существовала съ тѣхъ поръ, какъ появилась Государева Свита.

Въ 1808 г. впервые появляется попытка объединить властью одного начальствующаго лица общее завѣдываніе всѣми чинами Государевой Свиты: въ этомъ году послѣдовало распоряженіе о томъ, чтобы всѣ генералъ- и флигель-адъютанты состояли „въ командѣ“ старшаго генералъ-адъютанта Уварова. Однако, такое „состояніе въ командѣ“ Уварова, за отсутствіемъ несомнѣнныхъ доказательствъ,

не можетъ быть признано чѣмъ-либо постояннымъ и положительнымъ; надо думать, что это назначеніе носило временный характеръ, тѣмъ болѣе, что въ штатахъ 1815 г. [1]), гдѣ поименованъ Комендантъ Императорской Квартиры, отсутствуетъ хотя бы какое-нибудь указаніе на то, что во главѣ Государевой Свиты поставлено извѣстное лицо.

Такимъ образомъ начало царствованія Императора Николая I застаетъ полное отсутствіе не только какой-либо организаціи Императорской Главной Квартиры, но даже и должности лица, долженствовавшаго завѣдывать дѣлами всѣхъ чиновъ Свиты.

Краткій Высочайшій Приказъ, отъ 25 іюня 1826 г. [2]), гласилъ, что начальникъ 1 Кирасирской дивизіи генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ 1-й назначается Шефомъ Жандармовъ и Командующимъ Императорскою Главною Квартирою, и день 25 іюня 1826 г. долженъ быть принятъ за первый день существованія должности Командующаго Императорскою Главною Квартирою. Принимая же во вниманіе, что въ вышеупомянутыхъ штатахъ 1815 г. Комендантъ Квартиры названъ Комендантомъ *Императорской Квартиры*, а генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, по цитированному приказу, былъ назначенъ Командующимъ *Императорскою Главною Квартирою*, необходимо принять, что послѣднее наименованіе, безъ измѣненія сохранившееся и донынѣ, впервые появилось 25 іюня 1826 г. Какихъ-либо другихъ законодательныхъ актовъ относительно должности Командующаго Квартирою не было издано въ 1826 г., и она упоминается лишь въ штатахъ 1827 года. При этомъ, въ виду того, что генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ былъ назначенъ, помимо Командующаго Квартирою, еще Шефомъ Жандармовъ, должность Командующаго Императорскою Главною Квартирою была указана слитно съ должностью Шефа Жандармовъ, въ Штатѣ Управленія Корпуса Жандармовъ [3]).

Далѣе замѣтимъ, что въ штатѣ чиновъ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества, отъ 1832 г., между прочимъ, показаны: подъ № 6—Командующій Императорскою Квартирою, подъ № 8—генералъ- и флигель-адъютанты Его Величества, подъ № 9—генералы, состоящіе въ Свитѣ Его Величества, подъ № 11—Комендантъ Главной Квартиры, подъ № 13—Оберъ-Вагенмейстеръ, подъ № 14—капитанъ

[1]) П. С. З., т. XXXIII, № 26021.

[2]) Рус. Инв., 1826 г., № 152.

[3]) П. С. З., т. II, 1827 г., 28 апрѣля, № 1062.

надъ вожатами (который назначается въ случаѣ присутствія Государя Императора при дѣйствующей арміи) и подъ № 15—оберъ-священникъ [1]).

Приведенными штатами и Высочайшимъ Приказомъ о назначеніи генералъ-адъютанта Бенкендорфа Командующимъ Императорскою Главною Квартирою исчерпываются всѣ законодательные акты объ учрежденіи этой должности. Объ учрежденіи же собственно Квартиры акты, какъ сказано выше, не обмолвливаются ни однимъ словомъ.

Первый Командующій генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ.

Обращаясь прежде всего къ историческому выясненію обстоятельствъ назначенія генералъ-адъютанта Бенкендорфа 1-го на должность Командующаго Императорскою Главною Квартирою, нельзя оставить безъ отвѣта невольно зарождающагося вопроса о томъ, почему именно на немъ остановился Высочайшій выборъ.

Отвѣтъ на вопросъ не представляетъ затрудненія для разрѣшенія. Естественно, Высочайшій выборъ Бенкендорфа проистекалъ изъ особаго къ послѣднему Монаршаго довѣрія и полной увѣренности въ его высокихъ вѣрноподданническихъ чувствахъ. Вотъ, напримѣръ, что писалъ неизвѣстный авторъ замѣтки „Въ память сослуживца на военномъ поприщѣ“ на страницахъ Русскаго Инвалида въ 1830 г. про братьевъ Бенкендорфовъ [2]): „Константинъ Бенкендорфъ [3]) былъ второй сынъ заслуженнаго генерала, коего супруга имѣла счастіе быть подругою великодушной Той Монархини, которая, къ несказанному сожалѣнію всѣхъ ею облагодѣтельствованныхъ, скипетръ благотворительности въ обширной Имперіи своихъ сыновей, носила не болѣе тридцати лѣтъ“; словомъ, мать обоихъ братьевъ Бенкендорфовъ (Александра и Константина Христофоровичей) пользовалась личною дружбою Императрицы Маріи Θеодоровны, а отсюда, какъ слѣдствіе, и личная извѣстность ихъ Августѣйшимъ Ея Дѣтямъ—Императорамъ Александру I и Николаю I. Самъ Александръ Христофоровичъ, въ обширной перепискѣ, которую онъ велъ съ княземъ М. С. Воронцовымъ, намѣстникомъ Кавказа, неоднократно указываетъ на особое расположеніе Императора Николая I, и въ письмѣ, датированномъ 16 января 1826 г., т. е. писанномъ чуть-ли не за полгода до разбираемаго назначенія, Бенкендорфъ, между прочимъ, пишетъ про Императора:

[1]) Собр. зак. и пост., до части воен. управл. относящ. 1832 г., кн. II, стр. 365.

[2]) № 26.

[3]) Т. е. Бенкендорфъ 2-й (Константинъ Христофоровичъ), родной братъ Бенкендорфа 1 (Александра Христофоровича), Командующаго Квартирой.

„il daigne me traiter avec une bonté toute particulière; ce que je puis lui offrir, c'est un zèle pur et infatigable" [1]). Отношеніе Николая I къ первому Командующему Квартирою -замѣтимъ здѣсь же—не измѣнилось, въ общемъ, въ продолженіе весьма долгаго времени, и въ письмѣ, напримѣръ, отъ 3 іюля 1837 г., Бенкендорфъ тому же Воронцову сообщаетъ [2]): „je retourne donc tristement à Fall et y passerai le reste de la belle saison à soigner ma santé et à tacher à être pour la suite capable de servir le Souverain que j'adore, et la publique qui m'a comblé d'èpreuves d'intérêt pendant ma maladie et qui a la bonté maintenant de s'intéresser à mon rétablissement avec une amitié qui me touche audela de toute expression"; очевидно, Бенкендорфъ подразумѣваетъ здѣсь то Высочайшее посѣщеніе, коимъ удостоилъ его Николай I и во время коего—какъ передавала въ то время стоустая молва—были Императоромъ произнесены лестныя для Бенкендорфа слова: „вотъ человѣкъ, помирившій меня со многими и не поссорившій ни съ кѣмъ". Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, въ письмѣ отъ 25 ноября 1826 г. [3]), писалъ Бенкендорфу: „довѣріе, которымъ почтилъ васъ нынѣ царствующій Государь Императоръ, служитъ для меня вѣрнымъ ручательствомъ того, что вы удвоите свойственныя вамъ дѣятельность и усердіе".

Каратыгинъ также въ своихъ воспоминаніяхъ передаетъ, что Бенкендорфъ пользовался большимъ расположеніемъ Императора Николая I; однажды, Бенкендорфъ осмѣлился доложить Государю, что изъ приговоровъ, конфирмованныхъ Императоромъ наканунѣ, исполнены только тѣ, по которымъ преступники вполнѣ заслужили постигшее ихъ наказаніе, и что два приговора, постановленные Государемъ, слишкомъ строги, превышая мѣру содѣяннаго; къ сему Бенкендорфъ присовокупилъ: „зачѣмъ ожесточать людей? Зачѣмъ возбуждать напрасно ропотъ? Ненавистниковъ у Васъ, Государь, и безъ того довольно!"—За то, другъ одинъ!—отвѣтилъ Императоръ, обнимая Бенкендорфа. Даже оставляя въ сторонѣ оцѣнку достовѣрности сообщаемаго Каратыгинымъ случая, это свидѣтельство, какъ всякое свидѣтельство современника, важно по тому, что указываетъ, если и не на

---

[1]) Арх. кн. Воронцова, кн. XXXV, письмо № 110.

[2]) Ib., письмо № 147.

[3]) Переписка Великаго Князя Константина Павловича съ графомъ А. Х. Бенкендорфомъ. Рус. Арх., 1884 г., № 6, письмо № 8.

то, что было, то, по крайней мѣрѣ, на то, что могло бы быть. Тотъ же Каратыгинъ сообщаетъ, что бюстъ Бенкендорфа, послѣ его кончины, находился въ кабинетѣ Императора Николая I, среди бюстовъ и портретовъ членовъ Августѣйшей Фамиліи, гдѣ находится и понынѣ, на каминѣ, въ ногахъ желѣзной кровати, на которой почилъ Николай Павловичъ [1]).

Такимъ образомъ, довѣріе, коимъ пользовался у Императора Николая I А. Х. Бенкендорфъ, привело послѣдняго на должность Командующаго Императорскою Главною Квартирою.

Еще болѣе подчеркивается довѣріе Императора къ Бенкендорфу тѣмъ, что въ лицѣ послѣдняго была совмѣщена и должность Главнаго Начальника III отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Конечно, руководство разнообразною дѣятельностью этого отдѣленія, долженствовавшаго олицетворять собою высшій органъ государственной полиціи и заботиться объ общественномъ благосостояніи и спокойствіи, требовало лица, облеченнаго особымъ Монаршимъ довѣріемъ. И такимъ былъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, лишь исключительнымъ расположеніемъ къ коему Императора Николая I и возможно объяснить соединеніе въ одномъ лицѣ такихъ различныхъ другъ отъ друга функцій, какъ завѣдываніе Императорскою Главною Квартирою, сосредоточивавшей дѣлопроизводство по личному составу Государевой Свиты, и III отдѣленіемъ канцеляріи и корпусомъ жандармовъ, какъ органами высшей государственной полиціи.

Изъ формулярнаго списка [2]) перваго Командующаго Квартирою видно, что онъ 31 декабря 1798 г. былъ произведенъ въ прапорщики Л.-Гв. Семеновскаго полка, съ назначеніемъ флигель-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству; 2 марта 1807 года онъ произведенъ въ полковники, 27 іюля 1812 г.—въ генералъ-маіоры, 22 іюля 1819 г. — пожалованъ въ генералъ-адъютанты, 20 сентября 1821 г.—произведенъ въ генералъ-лейтенанты, 6 декабря 1826 г.—назначенъ сенаторомъ, 21 апрѣля 1829 г.—произведенъ въ генералъ отъ кавалеріи, 8 февраля 1831 г.—назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ, а 7 января 1837 г.—членомъ

---

[1]) П. П. Каратыгинъ. Бенкендорфъ и Дубельтъ. Истор. Вѣстн., 1887 г., окт., 167.

[2]) Выписано изъ кн. форм. списковъ за 1843 г., по архиву № 6401/2.

сибирскаго комитета. Кромѣ сего, Бенкендорфъ былъ возведенъ въ графское достоинство 10 ноября 1832 г.

Особыя, по Высочайшему повелѣнію, командировки графъ Бенкендорфъ сталъ выполнять со второго года своей службы, и уже въ 1800 г. онъ былъ отправленъ въ Мекленбургъ-Шверинъ. Съ назначеніемъ же на должность Командующаго Квартирою, гр. Бенкендорфъ начинаетъ сопутствовать Государю въ Высочайшихъ путешествіяхъ [1]). Въ 1841 году графъ Бенкендорфъ, „по особой Высочайшей волѣ Государя Императора, отправился чрезъ г. Ревель въ Лифляндію, гдѣ распространяемые съ давняго времени злоумышленными людьми ложные слухи о возможности тамошнимъ крестьянамъ переселяться въ южныя губерніи Россіи съ большими для нихъ выгодами произвели, наконецъ, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Лифляндіи, особенно съ іюня мѣсяца настоящаго года, сильное между поселянами волненіе, которое принятыми мѣстнымъ начальствомъ и правительствомъ мѣрами не только было не утишено, но, все болѣе и болѣе развиваясь, начинало принимать видъ явнаго возмущенія; въ самое короткое время, успокоивъ всѣ умы и совершенно возстановивъ прежній порядокъ, возвратился въ С.-Петербургъ".

Для болѣе яснаго представленія о дѣятельности графа Бенкендорфа во время Высочайшихъ путешествій приведемъ отрывокъ изъ его дневника, касающійся любопытнаго эпизода, происшедшаго въ 1836 г., близъ Чембара. Вотъ что пишетъ Бенкендорфъ [2]).

[1]) Въ 1828 г., какъ значится по послужному списку, онъ сопровождалъ Императора Николая I „изъ Шумлы къ Варнѣ, откуда Чернымъ моремъ до Одессы"; въ 1829 г.—въ Варшаву, „по случаю бывшаго тамъ, мая 12-го, коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, а оттуда въ Берлинъ и, обратно, чрезъ Варшаву, Тульчинъ и Кіевъ, въ С.-Петербургъ"; въ 1830 г.—опять въ Варшаву, „по случаю бывшаго тамъ отъ 16 мая по 16 іюня сейма, а оттоль обратно въ С.-Петербургъ"; въ 1833 г.—„въ путешествіи Его Величества, сначала моремъ, но, бывъ въ первый день плаванія настигнуты бурею, возвратились въ С.-Петербургъ, откуда отправились сухимъ путемъ въ Пруссію и Австрію"; въ 1834 г.—въ Москву, Калугу, Орелъ, Ярославль, Нижній-Новгородъ, Владиміръ и, обратно, въ С.-Петербургъ; въ 1835 г.—въ Калишъ, „по случаю бывшихъ тамъ большихъ маневровъ, и въ Пруссію"; въ 1836 г.—въ Москву и въ губерніи Нижегородскую, Казанскую, Симбирскую, Пензенскую и изъ г. Чембара обратно въ С.-Петербургъ; въ 1839 г.—въ Москву; въ 1840 г.—въ Новгородъ, Гомель, Кіевъ, Брестъ-Литовскъ, Варшаву и, обратно, въ С.-Петербургъ; въ 1841 г.—въ Рыбинскъ, Ярославль, Москву и, обратно, въ С.-Петербургъ, а также въ Варшаву и, обратно, въ С.-Петербургъ.

[2]) Отрывокъ изъ записокъ графа А. Х. Бенкендорфа. Рус. Арх., 1865 г.

„Государь и я крѣпко спали въ коляскѣ, но вдругъ, въ часъ пополуночи насъ разбудилъ крикъ форейтора и кучера; лошади понесли, и почти въ ту же минуту коляска опрокинулась съ грохотомъ пушечнаго выстрѣла". У Государя оказалась переломленной ключица. Вскорѣ „настигъ насъ слѣдовавшій всегда за Государемъ фельдъегерь, котораго я тотчасъ отослалъ обратно ускорить, сколько можно, прибытіе лейбъ-медика Арендта, ѣхавшаго въ одной коляскѣ съ генералъ-адъютантомъ Адлербергомъ. Государь велѣлъ мнѣ дать знать во всѣ мѣста, чрезъ которыя лежалъ нашъ дальнѣйшій маршрутъ, чтобы его туда не ждали, а Адлербергу, завѣдывавшему въ пути военною частію, приказалъ разослать такія же извѣстія князю Паскевичу, военному министру и начальникамъ собранныхъ въ разныхъ пунктахъ войскъ. Городокъ, въ которомъ мы принуждены были устроиться, одинъ изъ самыхъ ничтожныхъ въ цѣлой Имперіи, не представлялъ никакихъ мѣстныхъ ресурсовъ; поэтому надо было тотчасъ позаботиться о снабженіи нашей кухни нужными припасами, добыть какую-нибудь мебель, выписать изъ Москвы вина, образовать родъ пожарной команды въ нашемъ деревянномъ домикѣ, покрытомъ въ большей его части соломою; наконецъ, устроить движеніе курьеровъ и дать повсемѣстно знать о новой резиденціи Государя. Безсрочно-отпускные изъ гвардейскихъ и армейскихъ полковъ поспѣшили къ намъ со всѣхъ концовъ губерніи, съ просьбой употребить ихъ въ дѣло; первыхъ я опредѣлилъ въ комнатную прислугу, а вторыхъ — въ составъ полицейской команды. Чембарскіе жители цѣлыми днями окружали наше скромное жилище въ грустномъ молчаніи, составляя такимъ образомъ царскую стражу и удаляя всякій шумъ. Сосѣдніе помѣщики наслали фруктовъ и запасовъ всякаго рода, и кладовыя нашего дорожнаго метръ-д'отеля Миллера вскорѣ обильно всѣмъ наполнились. Дорожные мои спутники, Адлербергъ и прусскій полковникъ Раухъ, въ особенности же Арендтъ, съ ранняго утра приходили изливаться предо мною въ жалобахъ и плачахъ. Утромъ до обѣда и потомъ опять послѣ стола я оставался у Государя по цѣлымъ часамъ, стараясь развлекать его разговорами; въ промежутки моего отсутствія, Адлербергъ по утру приносилъ ему бумаги по военному министерству, а вечеромъ что-нибудь читалъ". Пробывъ въ Чембарахъ съ 26 августа по 9 сентября, Государь, приказавъ „наградить всѣхъ прислуживавшихъ ему, а

также раздать значительныя суммы въ церковь, въ училище и на бѣдныхъ", отправился въ Москву, а затѣмъ въ Петербургъ.

Мнѣнія и ходатайства графа Бенкендорфа пользовались большимъ значеніемъ у Императора Николая I. Это доказываютъ тѣ прошенія и письма, которыя сохранились въ архивѣ штаба корпуса жандармовъ.

Приведемъ нѣкоторые изъ этихъ неопубликованныхъ документовъ.

Въ Динабургѣ случилось наводненіе; въ числѣ прочихъ потерпѣвшихъ убытки былъ мѣщанинъ Тарасъ Панковъ, подавшій во время Высочайшаго пребыванія въ Динабургѣ прошеніе о пособіи. Графъ Бенкендорфъ Всеподданнѣйшимъ докладомъ отъ 18 августа 1829 г. вошелъ съ ходатайствомъ объ удовлетвореніи просьбы Панкова. Государь 10 августа положилъ резолюцію: *„дать 1000 сер.“*. Гр. Бенкендорфъ принялъ также участіе въ судьбѣ отставнаго подпоручика Павлова, который, „показывая, что по недоброжелательству полковаго командира онъ былъ отставленъ отъ службы, будто бы за пьянство, и чрезъ то приведенъ въ самое крайнее положеніе, просилъ объ оказаніи ему вспомоществованія“; собранныя чрезъ мѣстнаго губернатора справки показали, что поведеніе Павлова „похваляется всѣми начальствующими лицами и многими благородными гражданами“ и что Павловъ, „къ тому же будучи старъ, дряхлъ и совершенно бѣденъ, не имѣетъ никакихъ средствъ къ дневному даже пропитанію, которое снискиваетъ отъ благотворительныхъ особъ“. На докладѣ, отъ 5 іюля 1830 г., Государь положилъ резолюцію: *„дать 200 сер.“*. Не отказался точно также просить гр. Бенкендорфъ и о зачисленіи въ кадетскій корпусъ двухъ дѣтей умершаго генералъ-маіора Родзянко, служившаго въ корпусѣ жандармовъ. На докладѣ, отъ 5 іюля 1830 г., Государь положилъ собственноручную резолюцію: *„записать кандидатами“*. Вдова генералъ-маіора Родзянко, въ письмѣ отъ 1 марта 1829 г., писала гр. Бенкендорфу, между прочимъ: „я рѣшилась безпокоить васъ моею покорнѣйшею просьбою о принятіи надъ ними (ея дѣтьми) и оставшимся послѣ покойнаго мужа моего имѣніемъ званіе попечителя; зная многочисленныя государственныя занятія ваши, я никогда не осмѣлюсь безпокоить васъ въ семъ отношеніи, кромѣ случаевъ совершенной необходимости, но одно имя ваше и извѣстность, что вы не оставите вашимъ покровительствомъ и защитою вдовы и сиротъ отъ всякихъ утѣснительныхъ намѣреній небла-

гонамѣренныхъ людей, могутъ много содѣйствовать распоряженіямъ моимъ къ ускоренію уплаты долговъ". На письмѣ имѣется помѣтка рукою Бенкендорфа: „беру очень охотно на себя званіе опекуна".

Отзывчивое отношеніе гр. Бенкендорфа къ различнымъ просьбамъ и близость его къ Особѣ Императора, конечно, повлекли обильное количество неосновательныхъ ходатайствъ. Для примѣра приведемъ хотя бы просьбу подполковника Полтавскаго гарнизоннаго баталіона Плохова, который привезъ въ Петербургъ своего 18-лѣтняго сына, для обученія художеству и отдалъ его, по контракту, на шесть лѣтъ, содержателю литографіи Беггрову. Оказалось, что „молодой человѣкъ теперь теряетъ зрѣніе надъ работами мелочными, но крайне обременительными, и не только не усовершенствуется никогда въ художествѣ, но ожидать должно, что въ немъ погаснетъ и геній истинный, коего искры видны въ немъ несомнѣнно". Бенкендорфъ по этому дѣлу положилъ резолюцію: „Государь не можетъ измѣнять того, что сдѣлалъ отецъ, имѣющій полную власть надъ сыномъ".

Иногда ходатайства графа Бенкендорфа, видимо желавшаго оказать помощь лицамъ, къ нему обращавшимся, вызывали неудовольствіе Императора. Торговый домъ астраханскихъ купцовъ братьевъ Сапожниковыхъ занимался крупною рыбопромышленностью и мукодѣліемъ, воспользовавшись для этой цѣли крѣпостнымъ недвижимымъ имуществомъ своей сестры, коллежской ассесорши Милашевой. Докладомъ отъ 11 декабря 1834 г. графъ Бенкендорфъ, испрашивая Всемилостивѣйшаго пожалованія дворянскаго права коммерціи совѣтнику Алексѣю Сапожникову и дѣтямъ умершаго его брата, личнаго дворянина и кавалера Александра Сапожникова, дабы они тѣмъ получили право владѣнія деревнями, присовокуплялъ, что „за таковую милость Сапожниковъ готовъ пожертвовать до двухсотъ тысячъ рублей наличными деньгами въ пользу коммерческаго училища, требующаго улучшенія во многихъ отношеніяхъ". Государь 12 декабря 1834 г. положилъ резолюцію: *„Дворянское право не покупается* [1]*), и впредь не смѣть входить ко мнѣ съ подобными представленіями"*.

Приведемъ еще любопытный примѣръ прошенія, прошедшаго чрезъ руки гр. Бенкендорфа. Корреспондентъ военно-ученаго комитета Лешевичъ-Бородулинъ подалъ на Высочайшее Имя прошеніе,

---

[1]) Слово „не покупается" подчеркнуто собственноручно.

представивъ „въ маломъ видѣ неоконченные пострѣлы, заключающіе въ себѣ пять свойствъ — ядра, брандкугля, книпеля, гранаты и шострапы“; въ прошеніи изобрѣтатель излагалъ, что эти „пострѣлы“ изобрѣтены „при помощи Бога для Твоихъ армій и флотовъ, а также корпусу Киргизской степи, для постепеннаго покоренія Тебѣ и потомству Твоему всей Азіи“; далѣе онъ просилъ дать ему послѣднюю секретную аудіенцію, „для изустнаго объясненія вышеупомянутыхъ предметовъ и открытія неминуемаго способа, вопреки вооруженію противъ Тебя цѣлаго свѣта на сушѣ и на моряхъ, присоединить къ Россіи на вѣчныя времена всѣ крѣпости по обѣ стороны Дуная, обще съ Константинополемъ и сдѣлаться повелителемъ всѣхъ морей“. Письмомъ отъ 8 февраля 1829 г., за № 114, графъ Бенкендорфъ сообщилъ Лешевичу-Бородулину, что онъ имѣлъ счастіе представить прошеніе лично Государю Императору и что Его Величество поручить ему изволилъ поблагодарить г. Бородулина за усердіе и ревность его къ пользамъ отечества и объяснить, что Его Величество „не желаетъ завоевывать чуждыя земли безъ всякой къ этому причины, ибо Онъ имѣетъ довольно заботъ при утвержденіи благосостоянія настоящихъ своихъ подданныхъ“; самый же „инструментъ“ Государь нашелъ „столь ужаснымъ, что и не желаетъ даже, чтобы изобрѣтеніе онаго было извѣстно и увѣренъ, что такой, по крайней мѣрѣ во время Его Царствованія, въ Его владѣніяхъ вѣрно употребленъ не будетъ“.

Нельзя также не привести, для характеристики того большого значенія, какимъ пользовался графъ Бенкендорфъ въ средѣ лицъ, занимавшихъ даже крупные служебные посты и не состоявшихъ съ нимъ въ отношеніяхъ какой-либо подчиненности, ходатайствъ барона Розена и графа Уварова.

„Призванный къ главноначальствованію на Кавказѣ“, пишетъ 25 апрѣля 1835 г. баронъ Розенъ графу Бенкендорфу, „я находилъ, что, въ силу самаго положенія вещей, было моею задачею—поддержать достоинство занимаемой мною должности и вести образъ жизни, соотвѣтствующій званіямъ командира корпуса и генералъ-губернатора; между тѣмъ, издержки послѣднихъ лѣтъ значительно превышаютъ состояніе мое и моей жены, а получаемое по службѣ содержаніе достигаетъ въ общей суммѣ 39,000 р. въ годъ, при ежегодномъ расходѣ въ 75,000 р.“.

Графъ Бенкендорфъ нашелъ нужнымъ, письмомъ отъ 3 мая 1835 г., обратиться къ Военному Министру съ просьбою исходатайствовать увеличеніе содержанія барону Розену до 75,000 р.

Въ письмѣ же отъ 2 января 1828 г. сенаторъ и президентъ Академіи Наукъ Уваровъ [1]) писалъ Бенкендорфу, что онъ, имѣвъ счастіе быть постоянно принимаемымъ на всѣ придворные балы и вечера, не получилъ, между тѣмъ, приглашенія на два послѣднихъ бала; такъ какъ, по произведенной Уваровымъ справкѣ, оказалось, что приглашенію его помѣшало званіе сенатора, то онъ и просилъ графа Бенкендорфа исходатайствовать ему, въ видѣ исключенія, право присутствія на придворныхъ празднествахъ и въ новомъ званіи.

Второй Командующій генералъ-адъютантъ графъ Орловъ.

11 сентября 1844 г. скончался за границею генералъ-адъютантъ графъ Бенкендорфъ, и Высочайшимъ приказомъ отъ 17 сентября того же года на его мѣсто былъ назначенъ членъ Государственнаго Совѣта, генералъ-адъютантъ, генералъ отъ кавалеріи, графъ Алексѣй Өедоровичъ Орловъ. Графъ Орловъ еще ранѣе, въ 1837 г., во время болѣзни Бенкендорфа, исполнялъ его должность, а при отъѣздѣ его въ отпускъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1844 г. былъ назначенъ, на время его отсутствія, Высочайшимъ приказомъ отъ 18 апрѣля, „Командующимъ корпусомъ жандармовъ и Императорскою Главною Квартирою“.

Въ дѣлахъ Штаба Корпуса жандармовъ [2]) сохранилось отношеніе Военнаго Министра [3]) къ графу Орлову, въ коемъ первый увѣдомлялъ послѣдняго о состоявшемся назначеніи графа командующимъ Квартирою; на отношеніи рукою графа Орлова написано: „дай Богъ оправдать довѣренность Государя Императора и ожиданіе добрыхъ людей“.

Въ проектѣ приказа по корпусу жандармовъ [4]) (безъ означенія числа, а съ проставленіемъ одного лишь мѣсяца сентября), по поводу смерти гр. Бенкендорфа, читаемъ: „Высочайшимъ приказомъ 17 сентября [5]) Государю Императору благоугодно было назначить меня

[1]) Впослѣдствіи Министръ Народнаго Просвѣщенія.

[2]) Д. Ш. К. Ж., 1844 г., № 209.

[3]) Отъ 17 сентября 1844 г., № 194.

[4]) Д. Ш. К. Ж., 1844 г., № 209.

[5]) Въ томъ же Высочайшемъ приказѣ, кстати замѣтимъ, напечатано: „умершій, по кавалеріи, шефъ жандармовъ, Командовавшій Императорскою Главною Квартирою, сенаторъ и членъ Государственнаго Совѣта, генералъ-адъютантъ, генералъ отъ кавалеріи графъ Бенкендорфъ—исключается изъ списковъ“.

шефомъ жандармовъ и Командующимъ Императорскою Главною Квартирою, вмѣсто умершаго генералъ-адъютанта графа Бенкендорфа, который исключенъ изъ списковъ; съ душевнымъ прискорбіемъ объявляя чинамъ корпуса жандармовъ о кончинѣ доблестнаго ихъ начальника, всегда находившаго въ подчиненныхъ своихъ отголосокъ чувствъ усердія и высокой преданности къ Престолу, которыми постоянно отличалось блистательное его поприще, я вмѣняю себѣ въ священную обязанность исполнить предсмертное желаніе графа Бенкендорфа, передавая душевную его признательность всѣмъ его сослуживцамъ, для коихъ память его останется, я увѣренъ, навсегда незабвенною; съ благоговѣніемъ принимая назначеніе, которымъ Государю Императору угодно меня удостоить, я убѣжденъ, что единодушное содѣйствіе подчиненныхъ будетъ постоянно поддерживать во мнѣ силы для достиженія единственнаго желанія, оправдать высокое довѣріе Монарха и доставить возможность свидѣтельствовать предъ Его Величествомъ о томъ усердіи и ревности, которыми служба ихъ донынѣ отличалась".

Конечно, и назначеніе графа Орлова на должность Командующаго Императорскою Главною Квартирою должно разсматриваться, какъ одно изъ осязательныхъ доказательствъ особаго Монаршаго къ нему довѣрія. Ниже будетъ упомянуто его участіе въ подавленіи волненія „14 декабря". Здѣсь же у мѣста привести изъ его формулярнаго списка данныя, касающіяся его службы до назначенія на должность командующаго.

Графъ Орловъ, имѣя семнадцать лѣтъ отъ роду, былъ произведенъ [1]) въ корнеты 28 октября 1804 г. и уже въ 1805 г. участвовалъ въ Аустерлицкомъ сраженіи, за что получилъ орденъ Св. Анны 4 ст., а въ 1807 г.—въ битвѣ подъ Фридландомъ, за что награжденъ золотою саблею съ надписью за храбрость. Въ Отечественную войну графъ Орловъ, конечно, не оставался нѣмымъ зрителемъ вторженія великой арміи Наполеона: онъ участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Витебскомъ, Смоленскомъ, при Бородинѣ, гдѣ получилъ семь ранъ, и подъ Краснымъ. Вмѣстѣ съ россійскою арміею онъ перешелъ Прусскую границу и участвовалъ въ битвахъ подъ Люценомъ, Бауценомъ, Дрез-

[1]) Нижеприводимыя данныя излагаются по двумъ формулярнымъ спискамъ, сохранившимся въ дѣлахъ штаба корпуса жандармовъ (1844 г., № 209) и изъ коихъ одинъ составленъ въ іюнѣ 1835 г., а другой—13 мая 1841 г.

деномъ и Лейпцигомъ [1]); 30 августа 1813 г., въ день Тезоименитства Императора Александра I, онъ произведенъ за отличіе въ полковники, а за участіе при взятіи въ мартѣ 1814 г. Парижа награжденъ орденомъ Св. Владиміра 3 ст. Съ 31 августа 1814 г. по 1 августа 1815 г. гр. Орловъ состоялъ въ отставкѣ. Снова поступивъ на службу, онъ 12 апрѣля 1817 г. пожалованъ флигель-адъютантомъ, 16 января 1819 г. назначенъ командиромъ Л.-Гв. Коннаго полка и 4 іюня 1820 г. пожалованъ генералъ-адъютантомъ. Высочайшимъ указомъ, даннымъ 25 декабря 1825 г. Правительствующему Сенату, было повелѣно [2]: „въ воздаяніе отличнаго служенія Намъ и Отечеству, Нашего генералъ - адъютанта, командира Л. - Гв. Коннаго полка, генералъ-маіора Орлова пожаловавъ ему лично и его потомству графское Россійской Имперіи достоинство, повелѣваемъ поднести къ подписанію Нашему установленную на оное достоинство грамоту“. Высокая награда застала, какъ видно, Орлова всего лишь въ чинѣ генералъ-маіора [3]). Уволенный 21 апрѣля 1828 г. отъ командованія Л.-Гв. Коннымъ полкомъ, графъ Орловъ входитъ въ составъ дѣйствующей арміи и 27 мая, во время перехода чрезъ Дунай близъ Сатунова, состоитъ при Особѣ Государя Императора, а затѣмъ участвуетъ при взятіи Мачина и Гирсова, въ сраженіи подъ Шумлою и пр. Произведенный 25 іюня 1829 г. въ генералъ-лейтенанты, графъ Орловъ былъ командированъ, въ качествѣ перваго полномочнаго, для заключенія съ Турціею мира въ Адріанополь; за успѣшное выполненіе каковой миссіи онъ былъ, 22 сентября того же года, пожалованъ орденомъ Св. Александра Невскаго. Тридцатые года девятнадцатаго столѣтія сплошь наполнены различными отвѣтственными порученіями, выполнявшимися графомъ: въ 1830 г. онъ ѣздилъ къ Турецкому [illegible]у, „съ особенными порученіями“ и въ Вѣну—„для присутствованія при коронованіи Короля Венгерскаго“, въ 1831 г.—въ дѣйствующую армію съ Высочайшими къ генералъ-фельдмаршалу порученіями; въ этомъ же году, при возникшихъ въ Петербургѣ, по случаю холеры, безпорядкахъ, онъ былъ назначенъ Военнымъ Губернаторомъ въ 1 Адмиралтейской, Московской и Нарвской частяхъ, послѣ чего

---

[1]) За битву подъ Лейпцигомъ гр. Орловъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 4 степени.

[2]) Рус. Инв., 1826 г., № 2.

[3]) Въ этотъ чинъ онъ произведенъ 6 октября 1817 г.

былъ командированъ въ Новгородскія и Старорусскія поселенія, для усмиренія и прекращенія „безпокойствъ“; въ слѣдующемъ, 1832 г., графъ былъ отправленъ въ Пруссію, Голландію, Англію опять-таки съ Высочайшими порученіями. Въ 1833 г. Орловъ назначенъ чрезвычайнымъ посломъ въ Константинополь и Главноначальствующимъ Черноморскимъ флотомъ, находившимся въ Босфорѣ, и десантными войсками; по „счастливомъ возвращеніи войскъ и флота въ Россію“, графъ Орловъ, 11 іюля 1833 г., произведенъ въ генералы отъ кавалеріи. Въ 1835 году, по случаю кончины австрійскаго Императора Франца I, Орловъ отправленъ чрезвычайнымъ посломъ въ Вѣну, для принесенія поздравленія Императору Фердинанду I. 11 января 1837 г. онъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, 26 марта 1839 г. получилъ орденъ Св. Андрея Первозваннаго, а 16 апрѣля 1841 г.— алмазныя къ этому ордену украшенія.

Изъ предыдущаго изложенія ясно, какъ значительны были боевыя заслуги графа Орлова и насколько почетныя и вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣтственныя порученія возлагались на него Высочайшею Волею. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что графъ Орловъ избирался Императоромъ, для сопровожденія, въ своихъ путешествіяхъ, въ каковыхъ онъ и принималъ участіе: въ 1837 г.—съ 31 іюля по 1 ноября, въ 1838 г.—со 2 мая по 3 іюня и съ 13 іюня по 26 сентября, въ 1842 г.—съ 31 августа по 5 октября и въ 1843 г.—съ 20 августа по 4 октября.

Назначеніе Орлова на мѣсто Бенкендорфа 1-го не было неожиданностью. П. Г. Дивовъ, въ своемъ дневникѣ, подъ 24 апрѣля 1837 г., при разнесшемся тогда ложномъ слухѣ о болѣзни Бенкендорфа, считая этотъ слухъ истиннымъ, отмѣчаетъ [1]: „графъ Бенкендорфъ скончался 52-хъ лѣтъ отъ роду; всѣ жалѣютъ о кончинѣ этого прекраснаго человѣка, котораго можетъ замѣнить только графъ Орловъ; эта потеря будетъ тяжела для Императора; Бенкендорфъ пользовался его неограниченнымъ довѣріемъ“. Слухъ о смерти Бенкендорфа оказался, какъ выше замѣчено, ложнымъ, хотя Бенкендорфъ былъ, дѣйствительно, боленъ, находясь временно за границей; туда Императоръ Николай писалъ 19 іюня 1837 г., между прочимъ, такое лестное письмо [2]:

---

[1]) Изъ дневника П. Г. Дивова. Рус. Стар., 1900 г., № 11.

[2]) Письма Императора Николая Павловича къ графу А. Х. Бенкендорфу. Рус. Арх., 1884 г., кн. I.

„d'abord je remercie Dieu de vous savoir heureusement continuer votre convalescence, et je vous remercie d'avoir été sage et d'avoir consenti à achever votre guérison sur place". Въ 1837 г. графъ Бенкендорфъ оправился отъ болѣзни, но чрезъ семь лѣтъ новая тяжелая болѣзнь его свела въ могилу, и его замѣстителемъ явился графъ Орловъ.

Довѣріе Императора Николая къ графу Орлову было, можно сказать, неограниченнымъ. Да и иначе не могло быть, такъ какъ такого довѣрія требовалъ самый характеръ занимаемаго имъ поста шефа жандармовъ. Вѣдь извѣстно, что когда Бенкендорфъ, назначенный Главноуправляющимъ III отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи, спросилъ Государя Императора объ инструкціи, то Николай Павловичъ вынулъ изъ кармана носовой платокъ и, показавъ его Бенкендорфу, сказалъ: „вотъ тебѣ инструкція,—чтобъ ни одинъ платокъ въ Россіи не былъ омоченъ слезами" [1]. Слѣдовательно, постъ шефа исключалъ возможность имѣть какую-нибудь писанную, точно регламентированную инструкцію: поставлялась лишь одна цѣль, а способъ ея достиженія зависѣлъ отъ лица, занимавшаго эту должность. Точно также извѣстно, что, предъ кончиною, Николай I рекомендовалъ Наслѣднику Престола графа Адлерберга, графа Орлова и князя Долгорукова; про перваго онъ, между прочимъ, сказалъ: „этотъ былъ мнѣ другомъ въ теченіе сорока лѣтъ". Государь подарилъ князю Долгорукову свои часы, замѣтивъ при этомъ: „ты никогда не опаздывалъ ко мнѣ съ докладомъ"; графу Орлову Онъ отдалъ свою чернильницу, прибавивъ: „изъ этой чернильницы мы съ тобой много переписали"; графу Адлербергу достался портфель [2].

На должности Командующаго Императорской Главной Квартирой графъ Орловъ оставался до кончины Николая I; лишь въ царствованіе Александра II, 5 апрѣля 1856 г., онъ былъ назначенъ Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта.

Говоря о графѣ А. Ѳ. Орловѣ, нельзя не привести характеристики его, сдѣланной въ 1819 г. А. С. Пушкинымъ, въ стихотвореніи „Къ Алексѣю Ѳедоровичу Орлову, отсовѣтовавшему мнѣ вступить въ военную службу" [3]. По поэтическому выраженію Пушкина,

---

[1]) Изъ недавней старины. Рус. Арх., 1885 г., № 3.

[2]) Изъ записокъ стараго преображенца. Рус. Арх., 1885 г., № 1.

[3]) Автографъ хранится въ Соб. Его Величества библіотекѣ, Лобановскій отдѣлъ.

*

Орловъ—„у трона вѣрный гражданинъ, сочеталъ съ душою пылкой, откровенной, любезность, разумъ, просвѣщенной“, и далѣе — „съ каждымъ днемъ вставая на военну муку, усталымъ усачамъ верхомъ преподаешь князей науку, но не безславишь сгоряча свою воинственную руку презрѣнной палкой палача!“. Въ это время А. Θ. Орловъ былъ командиромъ Конногвардейскаго полка. Любопытно, что тутъ же Пушкинъ говоритъ о Киселевѣ, бывшемъ тогда командиромъ Кавалергардскаго полка. Вотъ характеристика Киселева: „на генерала Киселева не возложу своихъ надеждъ—онъ очень милъ, о томъ ни слова; онъ врагъ коварства и невѣждъ; за жирнымъ, медленнымъ обѣдомъ я радъ сидѣть его сосѣдомъ, до ночи слушать радъ его; но онъ — придворный; обѣщанья ему не стоютъ ничего“. Стихотвореніе заканчивается обращеніемъ къ Орлову и обѣщаніемъ, когда „возстанетъ съ одра покоя богъ мечей“—стать „подъ знамены твоихъ воинственныхъ дружинъ“; тогда—„въ шатрахъ, средь сѣчи, средь пожаровъ, съ мечемъ и лирой боевой, рубиться буду предъ тобою и славу пѣть твоихъ ударовъ“.

Чтобы дать нѣсколько болѣе полную картину служебной дѣятельности графа Орлова, приведемъ рескриптъ, коимъ удостоилъ его Императоръ Александръ II 22 августа 1855 г. Вотъ что читаемъ въ этомъ высоко милостивомъ и лестномъ рескриптѣ [1]):

„Графъ Алексѣй Θеодоровичъ! При совершившемся нынѣ пятидесятилѣтіи служенія Вашего Престолу и Отечеству, Я съ живѣйшимъ удовольствіемъ обращаюсь къ воспоминанію, сколь достохвально пройдено вами это долговременное служебное поприще. Участвовавъ въ главнѣйшихъ войнахъ, совершенныхъ въ царствованіе Императора Александра I и въ войнѣ 1828 года, вы ознаменовали себя примѣрною храбростію и неустрашимостью, о коихъ свидѣтельствуютъ семь ранъ, полученныхъ вами на поляхъ битвы Бородинской. Впослѣдствіи, командуя Л.-Гв. Коннымъ полкомъ, вы оказали важную услугу Престолу, явивъ истинную преданность Августѣйшему Дому Нашему. Незабвенный Мой Родитель, съ самаго начала Своего царствованія, приблизилъ васъ къ Себѣ, вполнѣ цѣня твердость вашего характера и прямоту вашей души, сдѣлалъ васъ однимъ изъ главнѣйшихъ исполнителей Его высокихъ мыслей и предначертаній, постоянно

---

[1]) Рус. Инв., 1855 г., № 183.

возлагая на васъ дѣла особенной важности и вѣривъ вамъ главное наблюденіе за порядкомъ и спокойствіемъ въ государствѣ. Вы оправдали Его неограниченное къ вамъ довѣріе, исполняя возложенныя на васъ обязанности всегда согласно Его видамъ и желаніямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ прозорливыми дѣйствіями въ поручавшихся вамъ дѣлахъ дипломатическихъ содѣйствовали къ возвеличенію славы и могущества Россіи. Но, независимо отъ уваженія къ вашимъ заслугамъ, Мой Родитель искренно васъ любилъ со всею теплотою и откровенностью Его возвышенной души. Онъ видѣлъ въ васъ не только вѣрнаго Ему слугу, но друга Своего Семейства, и лучшимъ тому доказательствомъ служитъ, что Онъ назначилъ васъ состоять при Мнѣ во время Моего путешествія за границу; предъ вашими глазами совершилось избраніе Моимъ сердцемъ Той, которая составляетъ нынѣ счастіе и утѣшеніе Моихъ дней. И эти чувства Моего Родителя остались неизмѣнны: въ послѣднія предсмертныя минуты, въ послѣдней, такъ сказать, уже неземной бесѣдѣ со Мною — Онъ поручилъ Мнѣ благодарить васъ, *какъ друга, постоянно Ему преданнаго и вѣрнаго* [1]). Я исполнилъ это въ присутствіи всего Государственнаго Совѣта, а нынѣ исполняю долгъ душевной признательности за ваше достохвальное служеніе Престолу и Отечеству и Всемилостивѣйше жалую вамъ украшенный алмазами портретъ съ изображеніемъ Моего незабвеннаго Родителя и Моимъ, для ношенія въ петлицѣ на Андреевской лентѣ. Какъ Наши изображенія будутъ соединены на вашей груди, такъ да сольются въ сердцѣ вашемъ чувства ко Мнѣ съ тѣми чувствами, которыя вы питали къ Моему Незабвенному Родителю, нашему общему благодѣтелю".

Подъ рескриптомъ Императоръ Александръ II сдѣлалъ собственноручную приписку: „и душевно преданный другъ вашъ Александръ".

Приведемъ еще другой рескриптъ. Не взирая на то, что онъ данъ 25 іюня 1832 г., т. е. значительно ранѣе только что приведеннаго, его содержаніе исполнено самыхъ милостивыхъ выраженій.

Въ рескриптѣ читаемъ [2]):

„Точнымъ исполненіемъ воли Нашей во многихъ важныхъ обстоятельствахъ Вы заслуживали всегда благоволеніе Наше. Благоразумною же ревностію, съ которою совершено Вами особенное порученіе, воз-

---

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

[2]) Рус. Инв., 1832 г., № 171.

ложенное на Васъ при отправленіи Вашемъ къ дворамъ Нидерландскому и Лондонскому, Вы пріобрѣли новое право на признательность Нашу. Сіе порученіе сопряжено было, дѣйствительно, съ особенною важностію, ибо оно имѣло цѣлью засвидѣтельствовать предъ Европою правоту Нашей политики и постоянство усилій Нашихъ къ сохраненію всеобщаго спокойствія. Представивъ миролюбивыя Наши намѣренія въ настоящемъ ихъ видѣ и съ должною твердостію, Вы оправдали въ полной мѣрѣ довѣренность Нашу къ вамъ и содѣлались достойными совершеннаго Нашего одобренія. Въ ознаменованіе Монаршаго благоволенія Нашего, справедливо Вами вновь заслуженнаго, Мы жалуемъ Вамъ знаки ордена святаго Александра Невскаго, алмазами украшенные".

II.

Учрежденіе и дѣятельность Управленія Императорской Главной Квартиры.

Сосредоточеніе дѣлопроизводства по Императорской Главной Квартирѣ въ Штабѣ Корпуса жандармовъ.

Дѣлопроизводство Императорской Главной Квартиры, въ первые годы царствованія Императора Николая, было сосредоточено при канцеляріи шефа жандармовъ. Объясненіе этому обстоятельству надо, повидимому, искать въ той сравнительно ограниченной перепискѣ, которую долженъ былъ вести генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, по своему званію Командующаго Квартирою. По крайней мѣрѣ, особой канцеляріи при Императорской Квартирѣ учреждаемо не было, и служебную переписку исполняли чины жандармскаго корпуса, старшіе адъютанты Штаба шефа жандармовъ, сперва Александръ Николаевичъ Леонтьевъ [1]), а затѣмъ—Алексѣй Ѳедоровичъ Львовъ.

Учрежденіе должности Управляющаго дѣлами Квартиры.

28 марта 1839 г. послѣдовалъ указъ Министру Юстиціи [2]) о томъ, что 25 марта Государь Императоръ, признавая нужнымъ, дабы III отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи и Штабъ Корпуса жандармовъ управлялись однимъ лицомъ, подъ „главнымъ вѣдѣніемъ“ графа Бенкендорфа, повелѣлъ оба эти управленія подчинить Свиты Его Величества генералъ-маіору Дубельту 1.

[1]) Про переводъ Леонтьева въ штабъ Корпуса Жандармовъ читаемъ въ Высочайшемъ приказѣ отъ 8 апрѣля 1830 г.: назначается „бывшій адъютантъ генералъ-адъютанта Голенищева-Кутузова, Л.-Гв. Семеновскаго полка поручикъ Леонтьевъ—адъютантомъ же къ Шефу Жандармовъ, Командующему Императорскою Главною Квартирою, генералъ-адъютанту Бенкендорфу“ (Рус. Инв., 1830 г., № 95).

[2]) П. С. З., 2 собр., т. XIV, ч. 1, 1839 г., № 12177.

Непосредственно вслѣдъ засимъ, въ 1839 г., Командующій Квартирою вошелъ къ Военному Министру съ рапортомъ [1]), въ коемъ просилъ, по случаю назначенія въ Штабъ Корпуса жандармовъ дежурнаго штабъ-офицера, исходатайствовать Высочайшее соизволеніе на отчисленіе старшаго адъютанта штаба полковника Львова отъ сего штаба и о назначеніи Львова управляющимъ отдѣльно дѣлами Императорской Главной Квартиры и Собственнаго Его Величества Конвоя [2]), а равно и въ должности секретаря собственной графа Бенкендорфа канцеляріи, съ оставленіемъ безъ измѣненія получаемаго имъ, Львовымъ, въ то время содержанія. Военный Министръ, предписаніемъ отъ 31 марта за № 2474, увѣдомилъ графа Бенкендорфа о состоявшемся Высочайшемъ соизволеніи на его ходатайство [3]).

Такимъ образомъ съ 31 марта 1839 г. начинается самостоятельное, безъ совмѣщенія со Штабомъ Корпуса жандармовъ, существованіе дѣлопроизводства Императорской Главной Квартиры. Однако, бумаги, относившіяся къ вѣдѣнію собственно Главной Квартиры, продолжали ошибочно направляться въ Штабъ Корпуса жандармовъ, такъ что начальникъ сего Штаба [4]) былъ вынужденъ, рапортомъ отъ 22 сентября 1839 г. за № 4304 [5]), войти въ Инспекторскій Департаментъ Военнаго Министерства съ представленіемъ о томъ, чтобы, согласно приведенному выше предписанію Военнаго Министра, Инспекторскій Департаментъ адресовалъ бумаги по предметамъ вѣдѣнія Главной Квартиры въ Канцелярію Командующаго Квартирою или къ „Управляющему сей Канцеляріи“ и, если возможно, сдѣлалъ бы „общее распоряженіе къ объявленію объ отдѣленіи Императорской Главной Квартиры отъ Штаба Корпуса жандармовъ“. Въ означенномъ рапортѣ, кстати замѣтимъ, начальникъ Штаба Корпуса жандармовъ допустилъ небольшую неточность въ наименованіи новаго званія полковника Львова: онъ его называетъ „Управляющимъ Канцеляріи“ Квартиры, тогда какъ и самъ Львовъ именовалъ себя „Управляю-

---

[1]) Отъ 28 марта 1839 г.; дѣло шефа жандармовъ 1839 г., № 87.

[2]) Собственный Его Величества Конвой былъ уже сформированъ въ то время и причисленъ къ Императорской Главной Квартирѣ.

[3]) То же изложено и въ Полн. Собр. Зак. (1839 г., № 12189).

[4]) Генералъ-маіоръ Дубельтъ 1.

[5]) Д. Ш. Ж., 1839 г., № 87.

щимъ дѣлами"; да и такое званіе его вытекаетъ изъ всей вышеприведенной переписки объ его отчисленіи отъ Корпуса жандармовъ.

Сухой канцелярскій языкъ перемѣнъ въ штатѣ или въ личномъ составѣ служащихъ любого учрежденія не даетъ еще полной картины служебной обстановки прошлаго времени, и, для ея уясненія, необходимо пользоваться частными дневниками и воспоминаніями современниковъ. По счастію, первый управляющій дѣлами квартиры, флигель - адъютантъ А. Θ. Львовъ, оставилъ собственныя любопытныя записки, и вотъ что онъ въ нихъ, между прочимъ, пишетъ про первые годы существованія Главной Квартиры [1]: „всѣ бумаги долженъ былъ писать почти я одинъ, потому что товарищи мои были люди неопытные и весьма, по части письменной, необразованные; Бенкендорфъ былъ совершенно чуждъ производству дѣлъ; онъ не постигалъ, что каждая бумага требуетъ времени для соображенія, времени, чтобы переписать и провѣрить; приказывалъ онъ всегда съ полъ-слова, потому что подробно и обстоятельно приказать не могъ и не умѣлъ; онъ меня къ себѣ приблизилъ болѣе прочихъ и чрезъ годъ, т. е. въ 1827 г., перевелъ меня въ гвардейскій жандармскій полуэскадронъ тѣмъ же чиномъ капитана".

Въ другомъ мѣстѣ своихъ записокъ Львовъ пишетъ: „Бенкендорфъ во всемъ хваталъ одни вершки, съ подчиненными былъ, какъ будто новый кучеръ, который, взявъ всѣ возжи въ одну руку, погоняетъ лошадей безъ разбору, и ревнивую, и лѣнивую, да и не замѣчаетъ, что отъ его ѣзды одна лошадь жирѣетъ, а другая изнемогаетъ; такъ было со мной; онъ меня употреблялъ, потому что я былъ способнѣе другихъ, и за секретаря, и за собственнаго адъютанта, и очень былъ радъ, что я трудился и молчалъ; по окончаніи кампаніи я непремѣнно вышелъ бы изъ службы, если бы отличныя качества благородной души Бенкендорфа меня къ нему не привязывали болѣе и болѣе; онъ былъ храбръ, уменъ [2]), въ обращеніи простъ и прямъ;

[1]) Рус. Арх., 1884 г., № 4.

[2]) О воспитаніи и образованіи братьевъ Бенкендорфовъ Вигель въ своихъ запискахъ замѣчаетъ: „оба брата, Александръ и Константинъ, въ малолѣтствѣ лишившись матери, которая была другомъ Императрицы Маріи Θеодоровны, возросли подъ ея покровительствомъ и были воспитаны въ пансіонѣ аббата Николя; для дальнѣйшаго усовершенствованія молоденькаго флигель-адъютанта Александра Бенкендорфа посредствомъ путешествій, подъ разными предлогами и съ разными ничтожными

сдѣлать зло съ умысломъ было для него невозможность; съ подчиненными хорошъ, но вспыльчивъ, въ дѣлахъ совершенно несвѣдущъ; болѣе скажу, къ производству дѣлъ совершенно неспособенъ, разсѣянъ и легокъ на все; безъ причины наградить по ходатайству другого никогда не останавливался, также дать отличный аттестатъ всякому у него служившему; награждать же самъ большой неохотникъ, и потому хорошую карьеру у него сдѣлали тѣ, которымъ случай благопріятствовалъ; собственной настойчивости никакой; Государь любилъ его, какъ друга".

Про свое назначеніе къ графу Бенкендорфу Львовъ отмѣчаетъ, что Бенкендорфъ самъ попросилъ его, Львова, къ себѣ на службу, говоря, что ему нужны люди, умѣющіе писать. Львовъ изъявилъ свое согласіе, прося, однако, для пользы службы, „не употреблять его по секретной части", къ которой онъ совершенно не способенъ. Бенкендорфъ взялъ за руку Львова и сказалъ: „будь спокоенъ, ты будешь имѣть часть отдѣльную". Съ тѣхъ поръ Львовъ велъ переписку по дѣламъ Квартиры и Конвоя и сопутствовалъ Государю въ Его путешествіяхъ. Для управленія Квартиры служба А. Ѳ. Львова оказалась весьма полезною, такъ что временно (въ 1837 г.) замѣнявшій графа Бенкендорфа графъ А. Ѳ. Орловъ писалъ первому изъ Вознесенска [1]): „Я во многихъ случаяхъ неопытенъ и не будь вашего добраго и превосходнаго Львова, я часто-бы дѣйствовалъ невпопадъ и долженъ бы былъ прибѣгать къ снисходительности Его Величества".

А. Ѳ. Львовъ авторъ русскаго народнаго гимна. Вотъ какія строки посвящаетъ онъ этому предмету: „въ 1833 году я сопутствовалъ Государю въ Австрію и Пруссію; по возвращеніи въ Россію, графъ Бенкендорфъ сказалъ мнѣ, что Государь, сожалѣя, что мы не имѣемъ своего народнаго гимна и скучая слышать музыку англійскую, столько лѣтъ употребляемую, поручаетъ мнѣ попробовать написать гимнъ русскій"; задача была и трудная, и отвѣтственная, но, „въ одинъ вечеръ, возвратясь поздно домой, я сѣлъ къ столу, и въ нѣсколько минутъ гимнъ былъ написанъ". Слова для гимна были составлены В. А. Жуковскимъ, который, однако, по словамъ Львова, „какъ не музыкантъ, не приноровилъ словъ къ минору окончанія

порученіями сперва безпрестанно разсылали его по всѣмъ концамъ Россіи, потомъ въ чужія государства, также въ Турцію и на Іоническіе острова" (Рус. Арх., 1892 г., № 2).

[1]) Письмо отъ 18 августа, Рус. Арх., 1889 г., № 8.

колѣна". „Положивъ гармонію простую, но твердую", Львовъ предложилъ прослушать гимнъ Бенкендорфу. Послѣдній доложилъ Государю, который вмѣстѣ съ Императрицей и Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ пріѣхали слушать гимнъ „въ пѣвческій корпусъ", гдѣ были приготовлены два оркестра и хоръ. „Государь,—пишетъ далѣе Львовъ, — прослушавъ нѣсколько разъ, сказалъ: s'est superbe, и 25 декабря, въ день изгнанія враговъ изъ Россіи, приказалъ играть гимнъ въ залахъ Зимняго Дворца". Впослѣдствіи, за сочиненіе гимна, Государь пожаловалъ Львову табакерку съ брилліантами, изъ которыхъ наилучшій былъ пожертвованъ Львовымъ на икону Божіей Матери Всѣхъ Скорбящихъ.

Львовъ весьма хорошо игралъ на скрипкѣ. Онъ принималъ видное участіе въ семейныхъ царскихъ концертахъ, и объ этомъ обстоятельствѣ въ своихъ запискахъ замѣчаетъ—„по зимамъ неоднократно бывали у Императрицы концерты, въ которыхъ я участвовалъ всегда съ большимъ успѣхомъ; въ одинъ изъ этихъ концертовъ Государь подзываетъ меня и говоритъ: что если бы ты попробовалъ составить у насъ домашній оркестръ и сочинилъ для насъ музыку? мы могли бы кое что сыграть; Императрица играетъ на фортепіано, Я—на трубѣ, Михаилъ Віельгорскій—на віолончелѣ, Апраксинъ—на басу, ты—на скрипкѣ, Волконскій Григорій, Бартенева, Бороздина могутъ пѣть, дѣти могли бы участвовать на чемъ-нибудь" [1].—Про изящный же мостъ, построенный Львовымъ въ имѣніи графа Бенкендорфа, Императоръ Николай выразился: „это Львовъ перекинулъ свой смычекъ" [2],—сравненіе, лестное для инженера-музыканта.

Въ дальнѣйшихъ своихъ запискахъ А. Ѳ. Львовъ передаетъ, что однажды, въ 1837 г., онъ получилъ приглашеніе на вечеръ отъ Государыни Императрицы. Войдя въ царскіе покои, Львовъ увидѣлъ на диванѣ Императрицу; у ногъ ея сидѣли три дочери и Наслѣдникъ; „у комелька" стояли графъ Віельгорскій и Толстой. Чрезъ нѣсколько минутъ Государыня предложила всѣмъ пѣть „Боже Царя храни", вполголоса, и сама начала первая; въ это время Государь спускался по лѣстницѣ и, услышавъ пѣніе, пріостановился; слезы

---

[1]) Рус. Арх., 1884 г., стр. 246.

[2]) Ib., I, примѣчаніе 3 на стр. 184. Львовъ не былъ чуждъ строительному искусству, такъ какъ получилъ образованіе въ Инженерномъ Училищѣ, при Бетанкурѣ.

покатились изъ глазъ его; наконецъ, онъ вошелъ въ комнату, кинулся цѣловать Жену, Дѣтей...

Отношенія Императора Николая къ Львову были весьма милостивыя. Мачиха Львова въ своихъ разсказахъ [1]) сообщаетъ, что на просьбу графа Бенкендорфа назначить къ нему въ адъютанты А. Ѳ. Львова, Государь сказалъ: „возьми его, отличный офицеръ, восемь лѣтъ выслужилъ у графа Аракчеева“. Приводитъ Е. Н. Львова и другой любопытный эпизодъ. А. Ѳ. Львовъ часто сопровождалъ Государя въ его путешествіяхъ; на свадьбѣ Львова, происходившей 6 ноября 1838 г. въ Аничковскомъ Дворцѣ, Государь, бывшій посаженнымъ отцомъ жениха, подошелъ къ его мачихѣ, поцѣловалъ ея руку и спросилъ: „не сѣтуете ли вы на меня за то, что такъ часто я у васъ беру Алексѣя?“ [2]) очевидно, Государь подразумѣвалъ сопутствіе Его Львовымъ въ довольно частыхъ и продолжительныхъ путешествіяхъ. Самъ А. Ѳ. Львовъ удостовѣряетъ высокую степень Монаршаго къ себѣ вниманія. Въ 1842 г. у него родился сынъ; „я сообщилъ, — пишетъ Львовъ [3]), — о моей радости доброму начальнику графу Бенкендорфу; онъ тотчасъ сказалъ Государю, который два раза въ тотъ день присылалъ нарочнаго фельдъегеря изъ Царскаго Села, чтобы узнать о здоровьѣ моей жены“. Характеризуетъ милостивое отношеніе къ Львову Императора Николая и другой случай. Въ 1835 г. Императоръ Николай и прусскій король рѣшили собрать войска въ Калишъ и произвести тамъ общій маневръ. Чрезъ фельдмаршала князя Паскевича, Львовъ получилъ Высочайшее повелѣніе о составленіи имъ піесы для военнаго хора, на слова, написанныя по случаю свиданія Императора съ Королемъ, и при томъ подъ тѣмъ условіемъ, чтобы піеса была составлена на мотивы солдатскихъ пѣсенъ. Изъ такихъ пѣсенъ наиболѣе удачными казались Львову двѣ, и онъ началъ свою работу. По изготовленіи піесы, Государь прослушалъ ее, но по ея окончаніи сказалъ: „нѣтъ, не то!“ Въ это время подошелъ къ Государю генералъ Бистромъ и предложилъ Ему прослушать пѣсню, сочиненную однимъ музыкантомъ изъ егерей Малышевымъ. Государь согласился; были вызваны впередъ три пѣсенника и спѣли „куплеты, ничтожные сло-

[1]) Рус. Стар., 1880 г., I, 638.

[2]) Ib., 644—645.

[3]) Рус. Арх., 1884 г., № 5.

вами и музыкой". Государь тѣмъ не менѣе остался доволенъ и, обратившись къ Львову, сказалъ: „вотъ это хорошо, и эта музыка, положенная на большой оркестръ, именно то, чего я желаю". Композиторское самолюбіе Львова было сильно уязвлено, но онъ, покорясь Высочайшему желанію, положилъ куплеты Малышева на весь военный хоръ и, по пріѣздѣ Государя въ Калишъ, доложилъ Государю, что куплеты готовы. На царскій вопросъ о томъ, про какіе куплеты говоритъ Львовъ, онъ доложилъ, что это—тѣ самые, которые Государь повелѣлъ ему положить на музыку вмѣсто его хорал. Государь подошелъ къ Львову и нѣсколько разъ поцѣловалъ его... Очевидно, Императоръ хотѣлъ этою милостью вознаградить Львова и за труды, и за причиненіе Имъ боли его авторскому самолюбію.

22 апрѣля 1834 г. Львовъ былъ пожалованъ во флигель-адъютанты, 1 января 1836 г. произведенъ въ полковники, 10 октября 1843 г.—въ генералъ-маіоры, а въ 1853 г. онъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники, съ назначеніемъ гофмейстеромъ къ Высочайшему Двору и съ оставленіемъ директоромъ придворной пѣвческой капеллы [1]). Онъ умеръ 16 декабря 1870 г., въ своемъ имѣніи Романи, близъ Кіева.

Учрежденіе особаго Управленія дѣлами Императорской Главной Квартиры.

О первыхъ же годахъ дѣятельности Императорской Главной Квартиры пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Е. П. Самсоновъ.

Вотъ, что въ нихъ, между прочимъ, читаемъ [2]): „семейство молодой жены моей, будучи въ близкихъ, дружественныхъ отношеніяхъ съ шефомъ жандармовъ, Командующимъ Императорскою Главною Квартирою, не желая видѣть меня изо дня въ день таскающимся по карауламъ, дежурствамъ и ученіямъ, предложило графу взять меня къ себѣ въ адъютанты, на что онъ охотно согласился, и вотъ я облекся въ адъютантскій мундиръ"; въ это время, т. е. въ 1837 г., при генералъ-адъютантѣ Бенкендорфѣ состоялъ, помимо другихъ лицъ, полковникъ Леонтьевъ, „числившійся старшимъ адъютантомъ штаба корпуса жандармовъ и завѣдывавшій дѣлами Императорской Главной Квартиры". Въ 1842 г., „я сталъ серьезно обдумывать,—пишетъ далѣе Самсоновъ, объ избраніи себѣ какихъ-либо постоянныхъ занятій и вотъ, что, наконецъ, придумалъ. Братъ жены

---

[1]) Д. И. Г. Кв., 1853 г., № 77.

[2]) Рус. Арх., 1884 г., № 3.

мосй, А. Ѳ. Львовъ, состоя при графѣ Бенкендорфѣ, занимался исключительно дѣлами Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Въ то же время отдѣленіемъ Императорской Главной Квартиры, т. е. всѣми дѣлами, касающимися до военныхъ особъ, безъ исключенія, составляющихъ Свиту Государя, управлялъ полковникъ А. Н. Леонтьевъ, числившійся старшимъ адъютантомъ штаба корпуса жандармовъ. Нельзя ли, думалъ я, соединить эти двѣ однородныя части въ одно цѣлое и составить такимъ образомъ отдѣльное и самостоятельное управленіе, тѣмъ болѣе, что, какъ мнѣ было извѣстно, весьма многія изъ лицъ Свиты тяготились и роптали на необходимость имѣть постоянныя сношенія съ корпусомъ жандармовъ. Я сообщилъ мою мысль Львову, онъ ухватился за нее, что называется, и руками, и ногами, графъ Бенкендорфъ тоже ее одобрилъ, доложили Государю, и тотчасъ же послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи безотлагательно управленія дѣлами Императорской Главной Квартиры и Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи" [1]).

Такія обстоятельства, по свидѣтельству Самсонова, сопровождали окончательное отдѣленіе управленія Императорской Главной Квартиры отъ штаба корпуса жандармовъ. Быть можетъ, фактическія данныя въ сообщеніи Самсонова страдаютъ отсутствіемъ полной точности и невольно искажены авторомъ воспоминаній. Во всякомъ случаѣ, распоряженіе объ учрежденіи Управленія Императорской Главной Квартиры, какъ самостоятельной и независимой отъ штаба корпуса жандармовъ единицы, было объявлено въ приказѣ Военнаго Министра отъ 6 апрѣля 1843 г. [2]).

Управляющимъ дѣлами былъ назначенъ флигель-адъютантъ полковникъ Львовъ, а старшимъ адъютантомъ—Л.-Гв. Преображенскаго полка штабсъ-капитанъ Самсоновъ [3]), и никакихъ измѣненій въ личномъ составѣ управленія не послѣдовало вплоть до 1848 г., когда старшимъ адъютантомъ былъ назначенъ ротмистръ Кавалергардскаго Ея Величества полка Николай Леонтьевичъ Дубельтъ. Въ 1849 г., 20 ноября, былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ флигель-адъютантъ штабсъ-капитанъ Веймарнъ [4]), занимавшій эту должность до 1860 г.

---

[1]) Т. е. дѣлами III Отдѣленія этой Канцеляріи.

[2]) За № 43.

[3]) Д. И. Г. Кв., 1843 г., № 16.

[4]) Д. И. Г. Кв., 1849 г., № 59.

А. Ѳ. Львовъ былъ смѣненъ лишь въ 1853 г., Свиты Его Величества генералъ-маіоромъ княземъ В. А. Меншиковымъ, такъ что почти все продолжительное царствованіе Николая I Львовъ провелъ на службѣ въ Главной Квартирѣ.

При разсмотрѣніи перваго штата Управленія Императорской Главной Квартиры нельзя не обратить вниманіе на его малочисленность: штатомъ предусмотрѣно всего двѣ офицерскихъ должности (управляющаго дѣлами, въ чинѣ генералъ-маіора, или полковника, и старшаго адъютанта, въ чинѣ отъ поручика до капитана), двѣ писарскихъ (унтеръ-офицерскаго званія) и три деньщичьихъ. Размѣръ содержанія для офицерскихъ чиновъ былъ опредѣленъ: жалованье — по чинамъ, столовыхъ управляющему—560 р. 40 к., адъютанту—280 р. 20 к., квартирныхъ управляющему—285 руб. 90 к. и адъютанту — 214 р. 50 к. Общая смѣта содержанія управленія, не включая жалованья офицерскимъ чинамъ, опредѣлена въ 2,194 р. 70 к.

Измѣненія въ личномъ составѣ Управленія.

Какъ видно изъ предыдущаго бѣглаго изложенія, за весь промежутокъ времени, съ 25 іюня 1826 года (дня назначенія Командующимъ генералъ-адъютанта Бенкендорфа) до 18 февраля 1855 года (дня кончины Императора Николая), въ исторіи Императорской Главной Квартиры, не произошло значительныхъ перемѣнъ. Канцелярія Квартиры, слитая вначалѣ въ одно цѣлое со штабомъ корпуса жандармовъ, получаетъ въ 1839 г. отдѣльнаго Управляющаго дѣлами, а въ 1843 г.—первый штатъ для этого Управленія. Точно также не были значительны и перемѣны въ личномъ составѣ: за разсматриваемый періодъ было всего два Командующихъ Квартирою, два Управляющихъ дѣлами [1]) и три старшихъ адъютанта.

Лица, временно заступавшія мѣсто Командующаго Квартирою.

Въ случаѣ отсутствія Командующаго Императорскою Главною Квартирою изъ Петербурга, управленіе дѣлами Собственнаго Его Величества Конвоя поручалось обыкновенно Управляющему дѣлами А. Ѳ. Львову. Такъ, въ 1845 г. Командующій Квартирою [2]) предписалъ генералъ-маіору Львову, „если что важное случится въ Конвоѣ Его Императорскаго Величества, превышающее власть“ его,

[1]) Одно время въ должности Управляющаго дѣлами состоялъ полковникъ Леонтьевъ, коего, при отъѣздѣ его въ 10-дневный отпускъ, замѣщалъ адъютантъ шефа жандармовъ, капитанъ кн. Урусовъ (Д. И. Г. Кв., 1844 г., № 41, предп. полк. Леонтьева отъ 29 мая, за № 510).

[2]) Д. И. Г. Кв., 1845 г., № 81; предп. отъ 18 сент., за № 191.

„доносить Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу"; „текущія дѣла" графъ Орловъ приказалъ „исполнять по прежнимъ примѣрамъ", доклады же, требующіе рѣшенія Государя Императора, присылать „къ нему, не измѣняя прежняго порядка".

Кругъ дѣятельности Императорской Главной Квартиры.

Императорская Главная Квартира долженствовала, главнымъ образомъ, сосредоточивать въ себѣ свѣдѣнія о Государевой Свитѣ, вести нарядъ дежурнымъ при Особѣ Государя Императора и заботиться объ удовлетвореніи всѣхъ потребностей при Высочайшихъ путешествіяхъ.

Относительно сосредоточенія въ Квартирѣ дѣлъ по завѣдыванію личнымъ составомъ Государевой Свиты, можно отыскать слѣды этого въ перепискѣ, относящейся къ самымъ первымъ годамъ существованія Императорской Главной Квартиры. Такъ, въ 1832 г., дежурный генералъ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества доносилъ рапортомъ Командующему Квартирою [1]): „Военному Министру угодно, чтобы въ представляемомъ къ Его Сіятельству изъ Инспекторскаго Департамента Военнаго Министерства спискѣ гг. генераламъ и флигель-адъютантамъ было означаемо, гдѣ они состоятъ, или какія имѣютъ порученія. Вслѣдствіе сего я покорнѣйше прошу Ваше Сіятельство почтить меня увѣдомленіемъ, кто изъ гг. генераловъ и флигель-адъютантовъ какія имѣютъ порученія и равно, гдѣ они состоятъ. Вмѣстѣ съ симъ, не благоугодно ли будетъ Вашему Сіятельству сдѣлать распоряженіе, чтобы таковыя свѣдѣнія присылаемы были впредь въ Инспекторскій Департаментъ, въ то же время, какъ кто изъ гг. генераловъ и флигель-адъютантовъ получитъ какое-либо особое назначеніе или порученіе". Точно также, графъ Потоцкій, имѣвшій общее руководство торжествами при коронаціи Императора Николая I, обратился къ Командующему Квартирою съ просьбою [2]) доставить свѣдѣнія о лицахъ Государевой Свиты, для выдачи имъ установленной въ память коронаціи медали.

Приведемъ еще рапортъ флигель-адъютанта штабсъ-ротмистра Бутурлина, взятаго въ плѣнъ польскими войсками въ 1830 г. Объ освобожденіи изъ плѣна флигель-адъютантъ Бутурлинъ до-

[1]) Отъ 9 декабря, за № 10918; Д. И. Г. Кв., 1832 г., № 62.

[2]) Изложенной въ письмѣ отъ 2 сентября 1826 г., за № 68; Д. И. Г. Кв., 1826 г., № 2.

носитъ не кому-либо другому, а именно Командующему Главною Квартирою. Вотъ что, между прочимъ, излагаетъ Бутурлинъ въ этомъ рапортѣ: „со времени несчастнаго дня 17 ноября 1830 г., тоска и грусть мучили меня; ежеминутно мыслю, что не нахожусь я тамъ, гдѣ всѣ русскіе исполняютъ священный долгъ, сражавшись за Государя Императора, Благодѣтеля нашего"; по отправленіи меня „въ Чистоховъ, лежащій недалеко отъ границы прусскихъ владѣній, искра надежды освобожденія снова мнѣ блеснула; грусть и тоска день ото дня увеличивались во мнѣ, чувствовалъ, что содержусь подъ стражей тѣхъ, кои забыли Бога и почитаютъ вѣрность присяги Государю своему за ничто"; затѣмъ я „весьма тайнымъ и осторожнымъ образомъ началъ узнавать объ окрестныхъ городахъ и ближайшихъ путяхъ къ границѣ; всевозможными поисками достигнулъ, наконецъ, моей цѣли, какъ узнавъ достовѣрно о нѣкоторыхъ малыхъ дорожкахъ и тропинкахъ, ведущихъ черезъ лѣса къ границѣ, такъ и сыскавъ проводника"; сговорившись съ другими плѣнными, „съ 16 на 17 число сего іюня, въ 12-мъ часу ночи, переодѣвшись въ платье польскаго шляхта, учинили побѣгъ изъ Ченстохова, во время пути старались, елико возможно, углубляться въ лѣса и избѣгать селеній; въ 5-мъ часу утра добрались мы до границы прусской, гдѣ, подавши знакъ бѣлыми платками, были приняты прусскимъ карауломъ" [1]). Слѣдующимъ рапортомъ [2]) Бутурлинъ доносилъ, что онъ 2 августа прибылъ къ дѣйствующей арміи.

Касательно завѣдыванія Командующимъ Императорскою Главною Квартирою Высочайшими путешествіями, можно упомянуть объ отношеніи Военно - Топографическаго депо департамента Главнаго Штаба [3]), коимъ отъ Управленія Квартиры запрашивались, для составленія атласа вояжей Государя Императора, подробныя свѣдѣнія о Высочайшихъ путешествіяхъ.

Для раздачи наградъ и подарковъ, передъ подобными путешествіями, выдавались Командующему Квартирою отъ Министра Императорскаго Двора орденскіе знаки и драгоцѣнныя вещи; въ израсходованіи ихъ велся реестръ; предметы же, остававшіеся невыданными препровождались обратно Министру Императорскаго Двора.

---

[1]) Рапортъ отъ 17 іюня 1831 г.; Д. И. Г. Кв., 1831 г., № 9.

[2]) Отъ 3 августа 1831 г.

[3]) Отъ 21 января 1844 г., за № 64; Д. У. И. Г. Кв., 1844 г., № 8.

Для примѣра укажемъ, что во время Высочайшаго путешествія въ 1840 г. было выдано графу Бенкендорфу вещей на 40,701 руб. 69 к., а сдано имъ обратно на 10,648 р. 01 к. [1]).

Во время Высочайшихъ путешествій, „передъ экипажемъ Государя, на полчаса или на часъ впереди его, всегда скакалъ курьеръ, обязанность котораго была предупреждать станціонныхъ смотрителей о пріѣздѣ Государя. Свѣжія лошади, вполнѣ снаряженныя и съ готовымъ ямщикомъ, выводились на самую дорогу, и какъ только Государь пріѣзжалъ, то одинъ ямщикъ мгновенно отстегивалъ старыхъ лошадей, а другіе пристегивали новыхъ, ямщикъ вскакивалъ на козлы, и Государь мчался дальше. Нормы для быстроты ѣзды не было никакой. Ямщикъ обязанъ былъ гнать лошадей, насколько только у нихъ хватало силы" [2]). Со словъ генералъ-лейтенанта Ду-

[1]) Вещи и ордена были пожалованы: генералъ-адъютантамъ прусскаго короля фонъ-Кнезебеку—орденъ св. Андрея Первозваннаго съ брилліантами (стоимостью въ 5,093 р.), фонъ-Нацмеру—орденъ св. Александра Невскаго (стоимостью въ 3,591 руб.), прусскому посланнику при Россійскомъ Дворѣ Либерману—орденъ св. Анны 1 ст. (стоимостью въ 2,536 р.), гессенъ-дармштадтской службы форстмейстеру Вибро, флигель-адъютанту прусскаго короля капитану фонъ-Бонину, королевско-прусской службы дѣйствительному тайному совѣтнику Миллеру и гессенъ-дармштадтской службы мундшенку барону Бубно—тотъ же орденъ 2 степ. (стоимостью соотвѣтственно въ 324 р., 323 р., 279 р. и 236 р.); табакерки, украшенныя брилліантами, съ портретами Его Величества—управляющему почтовымъ департаментомъ королевства прусскаго Наглеру (стоимостью въ 4,251 р.), гофмаршалу королевско-прусскаго двора Мосову (въ 2,859 р.) и шталмейстеру королевства прусскаго Кнобельздорфу (въ 2,397 руб.); табакерка съ вензелемъ Его Величества—флигель-адъютанту короля прусскаго Мосову (въ 1,079 р.); перстни—прусскому военному совѣтнику Сольдову (въ 790 р.), флигель-адъютанту короля Прусскаго маіору Браухину (въ 725 руб.), шталмейстеру саксенъ-веймарнскаго герцогства барону Эглофштейну (въ 655 руб.); перстни съ цвѣтными камнями—капитанъ-лейтенанту Окулову (въ 772 р.), агенту Бандеру въ Эмсѣ (въ 590 руб.), россійскому консулу въ Килѣ Шредеру (въ 528 руб.), прусскимъ тайнымъ секретарямъ Стербергу (въ 311 р.) и Кобу (въ 206 р.), фельдъегерскаго корпуса прапорщику Чернову, „за скорый пріѣздъ съ донесеніемъ во Франкфуртъ, 4 іюня 1840 г." (въ 195 р.), „казачьему офицеру Шишмареву" (въ 129 р.), адъюнкту полиціи Варшавской губерніи секретарю Шлятинскому (въ 127 р.); брилліантовые фермуары—женѣ полковника Абрамовича (въ 1,208 р.), командиру парохода „Богатырь" капитанъ-лейтенанту Глазенапу (въ 627 р.), командиру парохода „Ижора" капитанъ-лейтенанту Нордману (въ 299 руб.); золотые часы—тремъ фельдфебелямъ прусской службы, „находившимся на ординарцахъ у Его Императорскаго Величества въ Берлинѣ" (изъ нихъ двумъ въ 85 р. и одному въ 57 р.). Кромѣ сего, часть вещей была передана Министру Императорскаго Двора еще во время самаго путешествія.

[2]) А. В. Эвальдъ. Разсказы о Николаѣ I. Истор. Вѣстн., 1896 г., № 7.

бельта, Миллеръ передаетъ [1]), что Государь „ѣздилъ обыкновенно въ большомъ дормёзѣ, приспособленномъ такъ, что можно было, откинувъ внутреннюю переднюю стѣнку, устроить довольно сносную походную кровать; позади дормёза былъ прикрѣпленъ одномѣстный кузовъ, съ поднимавшимся на случай непогоды верхомъ; это положеніе занималъ обыкновенно Бенкендорфъ".

Нѣкоторыя подробности Высочайшаго путешествія въ 1829 г. сообщаетъ самъ Бенкендорфъ [2]). Послѣ совершенія обряда Коронаціи въ Варшавѣ, „Императрица уѣхала впереди, а Государь со мною отправился двумя днями позже; кромѣ меня, при немъ былъ только фельдъегерь, скакавшій впереди для заготовленія лошадей на мое имя, и графъ Орловъ"; въ Кіевѣ, „Государь ложился спать не раньше трехъ часовъ утра, чтобы только порѣшить и отослать всѣ безъ изъятія поступившія бумаги; такимъ образомъ доклады Государственнаго Совѣта, Комитета Министровъ, Министерствъ Иностранныхъ Дѣлъ, Военнаго и Финансовъ, и начальниковъ дѣйствовавшихъ армій возвращались точно также незамедлительно, какъ бы Государь проживалъ въ Петербургѣ, свободно располагая своимъ временемъ".

Во время путешествій Императоръ Николай I вообще не любилъ окружать себя конвоемъ. При Высочайшемъ отъѣздѣ изъ Варны, Бенкендорфъ распорядился взять, въ видѣ конвоя, два батальона пѣхоты, полкъ конныхъ егерей и батарею конной артиллеріи. Императоръ былъ недоволенъ такимъ распоряженіемъ и сказалъ: „зачѣмъ напрасно утомлять людей; они будутъ полезнѣе въ лагерѣ, нежели здѣсь; на насъ не нападутъ, а если бы и напали, то мы съумѣемъ отбиться" [3]).

Эпизодъ изъ Высочайшаго путешествія 1828 г. сообщала корреспонденція Русскаго Инвалида: „7 мая, въ полдень, Его Величество Государь Императоръ изволилъ переправиться чрезъ границу Имперіи Своей въ Володуи—Исаки, по наведенному на Прутѣ мосту, для перехода арміи; Его Величеству не было угодно взять съ Собою

[1]) Г. П. Миллеръ. У страха глаза велики. Анекдотъ временъ Императора Николая I. Истор. Вѣстн., 1895 г., № 7.

[2]) Императоръ Николай I въ 1828—29 гг. Рус. Стар., 1896 г., іюль (изъ записокъ графа А. Х. Бенкендорфа).

[3]) Черты изъ жизни и царствованія Императора Николая I. Воен. Сборн., 1868 г., № 3, стр. 82.

конвоя казаковъ гвардейскихъ и полка Его Высочества Наслѣдника, стоящихъ до Браилова; Государь приказалъ, для указанія пути, ѣхать впереди коляски нѣсколькимъ коннымъ молдаванамъ и симъ оказалъ лестную довѣренность чуждому народу, который уже чувствуетъ въ полной мѣрѣ благодарность за строгую и охранительную дисциплину, наблюдаемую нашими войсками" [1]).

Обстановка путешествія была крайне проста. Вотъ какъ, напримѣръ, провелъ Государь въ Козлуджи, въ 1828 г., день Тезоименитства Августѣйшей Родительницы [2]): „Его Величество произвелъ смотръ войскамъ Своего конвоя и казакамъ, занимавшимъ Козлуджи, одарилъ ихъ деньгами, приказалъ раздать водки и, за скромнымъ обѣдомъ, къ которому были приглашены всѣ члены Свиты, провозгласилъ здоровье Своей Августѣйшей Родительницы".

О Высочайшемъ пребываніи въ дѣйствующей арміи, генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ сообщаетъ, между прочимъ, слѣдующее [3]): „Императоръ Николай, пожелавъ лично участвовать въ этой войнѣ, оставилъ Петербургъ въ послѣднихъ числахъ апрѣля. До Витебской губерніи сопровождалъ Его принцъ Оранскій, возвращавшійся изъ Россіи восвояси; потомъ Государь взялъ къ Себѣ въ коляску меня".

„Это была первая изъ многочисленныхъ поѣздокъ, которыя впослѣдствіи я имѣлъ счастье совершать такимъ же образомъ, сидя всегда бокъ-о-бокъ съ Государемъ. Остальную свиту составляли только генералъ Адлербергъ и врачъ. Оберъ-церемоніймейстеръ графъ Станиславъ Потоцкій, назначенный исправлять, во время похода, должность „гофмаршала военнаго двора", уѣхалъ уже прежде. Точно также отправлены были впередъ весь багажъ съ палатками, конюшнею и кухнею, а равно флигель-адъютанты и вся Государева Главная Квартира, съ приказаніемъ ожидать дальнѣйшихъ распоряженій въ Измаилѣ".

7-го мая Государь былъ въ Водули-Исакчи, на границѣ Имперіи, и „вступилъ на турецкую землю при ярко сіявшемъ солнцѣ и безъ всякаго конвоя, имѣя въ свитѣ только меня и фельдъегеря",

---

1) Рус. Инв., 1828 г., № 126.

2) Воен. Сборн., 1868 г., № 9. Черты изъ жизни и царств. Имп. Николая I.

3) Шильдеръ. Императоръ Николай въ 1828—29 гг., Рус. Стар., 1896 г., № 6.

а поздно вечеромъ прибылъ въ лагерь подъ осажденный Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ Браиловъ.

Здѣсь Государь „лично раздавалъ георгіевскіе кресты отличившимся при подступѣ къ крѣпости, заботливо обходилъ раненыхъ и больныхъ, приказывалъ раздавать имъ деньги“, а затѣмъ возвратился къ границѣ и отправился въ Бендеры, а потомъ въ Одессу.

Между тѣмъ „время года уже позволяло помышлять о переправѣ арміи черезъ Дунай, а Государю было очень желательно ускорить, по возможности, эту минуту. Мы направились прямо къ Измаилу“.

„Въ Сатуновѣ мы впервые раскинули императорскій лагерь, который самъ по себѣ походилъ на цѣлый городокъ. Сверхъ свиты и иностранныхъ пословъ, въ немъ находились, для его охраненія и вмѣстѣ, какъ резервъ, два пѣхотныхъ полка, десять артиллерійскихъ ротъ, три эскадрона жандармовъ, столько же гвардейскихъ казаковъ, сотня казаковъ Атаманскаго полка и цѣлый армейскій казачій полкъ“.

„Маркитанты, ресторатopы и торговцы всякаго рода увеличивали еще его многолюдство. Вся эта команда, съ которою не легко было управляться, состояла подъ моимъ начальствомъ“.

„27-го мая, на разсвѣтѣ, Государь со всею своею Свитою отправился на оконечность плотины“. Началась переправа. „Доложили, что командиръ канонерскихъ нашихъ лодокъ, капитанъ 2-го ранга Патаніоти раненъ, и Государь велѣлъ мнѣ занять его мѣсто. Я поспѣшилъ къ берегу, чтобы сѣсть на лодку, но оказалось, что рана Патаніоти была легкая, и онъ остался въ строю“.

„8-го іюля, съ утра,—пишетъ далѣе Бенкендорфъ,—графъ Дибичъ пошелъ съ нѣсколькими дивизіями въ обходъ праваго непріятельскаго крыла, а остатокъ арміи, подъ личнымъ предводительствомъ Государя, двинулся въ нѣсколькихъ каре, прямо на Шумлу. Государь отдавалъ приказанія съ такою же точностью, какъ бы на маневрахъ... Была и одна жаркая минута, когда флигель-адъютантъ Реадъ, везшій приказаніе Дибичу, былъ возлѣ него самого сорванъ ядромъ съ лошади“...

21-го іюля Государь оставилъ лагерь подъ Варною и, желая осмотрѣть резервные баталіоны, формировавшіеся въ Одессѣ, для укомплектованія арміи, поѣхалъ въ Одессу, при чемъ „взялъ съ собою только Великаго Князя Михаила Павловича, генералъ-адъютанта Ва-

спльчикова, графа Нессельроде, графа Потоцкаго и меня: лишь съ большимъ трудомъ удалось мнѣ уговорить Его приказать слѣдовать при Себѣ еще для конвоя малочисленному конно-егерскому полку, двумъ баталіонамъ пѣхоты и одной батареѣ конной артиллеріи [1]).

„Отвѣтственность за безопасность Государя лежала преимущественно на мнѣ, въ качествѣ командира Главной Его Квартиры“.

Государь благополучно прибылъ въ Одессу, но здѣсь, уже готовый отплыть въ Николаевъ для осмотра верфи, получилъ извѣстіе о пораненіи князя Меншикова. „Государь велѣлъ мнѣ предложить начальство надъ Варнскимъ отрядомъ графу Воронцову и пріѣхать съ отвѣтомъ въ Николаевъ, куда я могъ поспѣть сухимъ путемъ въ одно время съ прибытіемъ Его туда моремъ“.

Изъ Одессы Государь пожелалъ ѣхать снова къ Варнѣ. Разыгравшаяся на Черномъ морѣ буря заставила совершить этотъ переѣздъ сухимъ путемъ. „Одинъ фельдъегерь поскакалъ впередъ, для заготовленія лошадей на мое имя, другой слѣдовалъ за нами, и ими ограничивалась вся Государева Свита“.

Число лицъ, сопровождавшихъ Государя Императора въ его путешествіяхъ, вообще бывало не велико. Нерѣдко число этихъ лицъ ограничивалось двумя графами Бенкендорфомъ и Орловымъ. Такъ, въ 1829 г. „Государь Императоръ выѣхалъ изъ Варшавы въ 12 часовъ, для свиданія съ Королемъ Прусскимъ за Калишемъ; съ Нимъ отправились ген.-ад. Бенкендорфъ и графъ Орловъ“ [2]). Въ Варшаву же, въ 1829 г., Государя сопровождали изъ лицъ Свиты: генералъ-маіоръ графъ Строгановъ 1, полковники Гауке и гр. Ивеличъ и штабсъ-ротмистръ князь Суворовъ [3]).

Въ виду исключенія, многочисленная свита сопровождала Государя въ 1828 году [4]). Для иллюстраціи изложенія приведемъ производившуюся по этому предмету переписку.

Начальникъ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества, 3-го апрѣля 1828 года, обратился къ Командующему Императорскою

[1]) Здѣсь въ подлинникѣ находится собственноручная приписка Государя: *„et 3 escadrons des Cosaques de la Garde“*.

[2]) Воспоминанія Колзакова. Рус. Стар., 1873 г.

[3]) Д. У. И. Г. Кв., 1829 г., № 13; отношеніе Нач. Гл. Шт. Его Императ. Велич., 15 апрѣля 1829 г.

[4]) Д. И. Г. Кв., 1829 г., № 10.

Главною Квартирою съ просьбою доставить „списокъ всѣмъ особамъ и чиновникамъ военнаго вѣдомства, могущимъ находиться въ Главной Квартирѣ Государя Императора, при отправленіи Его Величества въ армію“. Въ отвѣтъ на это генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ препроводилъ графу Дибичу просимый имъ списокъ. Изъ списка усматривается, что Императорскую Главную Квартиру предполагалось раздѣлить на три отдѣленія. Первое отдѣленіе, въ коемъ предполагались присутствующими Государь Императоръ и Прусскій Принцъ, составляли: начальникъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества графъ Дибичъ, генералъ-квартирмейстеръ сего штаба графъ Сухтеленъ, дежурный генералъ того же штаба генералъ-адъютантъ Потаповъ, Командующій Квартирою, дежурные генералъ- и флигель-адъютанты, и „другой флигель-адъютантъ, состоящій по очереди для дежурства“, директоръ канцеляріи начальника главнаго штаба флигель-адъютантъ Адлербергъ, генералъ-маіоръ Бергъ, два офицера Генеральнаго Штаба, штабъ-лекарь Енохинъ, пять адъютантовъ при вышесказанныхъ генералахъ, С. С. Дашковъ, проводникъ, чиновникъ канцеляріи начальника главнаго штаба, пять писарей, берейторъ съ рейткнехтами и верховыми лошадьми, оберъ-вагенмейстеръ, камеръ-фурьеръ и конвой — два эскадрона Л.-Гв. Казачьяго полка. Второе отдѣленіе составляли: принцы Виртембергскіе, оберъ-церемоніймейстеръ графъ Потоцкій, вице-канцлеръ графъ Нессельроде, д. с. сов. Танѣевъ съ канцеляріей Его Величества, комендантъ Главной Квартиры, плацъ-маіоръ, плацъ-адъютантъ, генералъ-вагенмейстеръ, главный по арміи медицинскій инспекторъ, генералъ-маіоръ Дурново, генералъ-адъютанты графъ Ламбертъ, Васильчиковъ, князь Трубецкой, баронъ Жомини, Потемкинъ, графъ Мишо, Бенкендорфъ 2, контръ-адмиралъ князь Меншиковъ, флигель-адъютанты Перовскій, князь Андрей Голицынъ, Годеинъ 2, Пряникщиковъ, Деллингсгаузенъ, графъ Строгановъ, графъ Де-Бальменъ, князь Лобановъ-Ростовскій, князь Долгорукій, графъ Строгановъ 2, баронъ Фредериксъ, Реадъ, баронъ Веліо, графъ Толстой, князь Голицынъ 5, Лазаревъ, графъ Залуцкій, графъ Витгенштейнъ, графъ Мантейфель, графъ Цвеличъ, графъ Толстой 3, графъ Соболевскій и графъ Суворовъ-Рымникскій, офицеры, состоящіе при принцахъ Виртембергскихъ, чины главнаго штаба, адъютанты и канцелярія начальника сего штаба, канцелярія управляющаго Генеральнымъ Штабомъ, часть генералъ-

квартирмейстера, адъютанты дежурнаго генерала, отдѣленіе фельдъегерскаго корпуса, штабъ Командующаго Квартирою, придворные чины и служители, канцеляріи оберъ-церемоніймейстера, вице-канцлера и статсъ-секретаря, и конвой—взводъ гвардейскихъ жандармовъ и два эскадрона „Наслѣдничьяго полка". Наконецъ, въ составъ третьяго отдѣленія входили: статсъ-секретарь графъ Грабовскій и всѣ военные и прочіе чины, а также весь тяжелый обозъ и остальная часть конвоя „Наслѣдничьяго" полка. Замѣтимъ, что при Командующемъ Квартирою состояли: комендантъ Главной Квартиры генералъ-маіоръ Кавелинъ, плацъ-маіоръ корпуса жандармовъ маіоръ Микулинъ, плацъ-адъютантъ штабсъ-капитанъ Радищевъ, исправляющій должность дежурнаго штабъ-офицера гвардіи ротмистръ Мухановъ, старшій адъютантъ гвардіи капитанъ Львовъ, адъютанты генерала Бенкендорфа гвардіи штабсъ-ротмистръ Толстой и арміи поручикъ Судьенко, корпуса жандармовъ подполковникъ Кельчевскій, два секретаря—надворный совѣтникъ Ивановскій и отставной прапорщикъ фонъ-Фокъ, пять писарей и генералъ-вагенмейстеръ генералъ-маіоръ Соломко.

Относительно обезпеченія Квартиры продовольствіемъ была составлена въ Бѣлградѣ „конная сотня подвижнаго магазина изъ 408 дѣйствующихъ повозокъ"; „въ нихъ будетъ", какъ доносилъ Абакумовъ 4 мая 1828 г. Бенкендорфу [1]), „500 четвертей сухарей съ пропорціею крупъ, 2,114 четвертей овса и ячменя и 10 бочекъ спирта; рота сія раздѣлится на два отдѣленія, изъ коихъ одно должно находиться всегда безотлучно при Главной Квартирѣ Его Императорскаго Величества и слѣдовать за нею, не отставая, такъ сказать, шагъ за шагомъ другое же можетъ находиться, нѣсколько отдѣлившись отъ Главной Квартиры, но такъ, чтобы всегда могло присоединиться къ ней—при первомъ востребованіи". Изъ рапорта „начальника подвижнаго магазейна", генералъ-маіора Башилова [2]), видно, что при подвижномъ магазинѣ была сформирована близъ Бѣлграда конная рота № 1 подъ командою ротмистра Пацыка. Въ вѣдомости же, приложенной къ рапорту, указано, что въ ротѣ состояло 4 офицера (командиръ роты ротмистръ Пацыка, начальники отдѣленій капитанъ Карчинскій и прапорщикъ Градзинскій и младшій офицеръ прапорщикъ Бояр-

[1]) Д. И. Г. Кв., 1828 г., № 23, отношеніе № 238.

[2]) Отъ 23 мая 1828 г., № 131.

скій), 2 унтеръ-офицера, 440 погонщиковъ, 408 дѣйствующихъ и 17 запасныхъ повозокъ, при 926 лошадяхъ; кромѣ сего, при конной ротѣ состояли двѣ „инвалидныхъ вооруженныхъ роты“ (№№ 4 и 5) съ офицеромъ (прапорщикомъ Сулима), 7 унтеръ-офицерами и 74 рядовыми; ветеринарнымъ лѣкаремъ былъ Дунаевъ.

Во время холерной эпидеміи въ Москвѣ Государь явился туда совершенно неожиданно и съ самою малочисленною Свитою. О нѣкоторыхъ подробностяхъ Высочайшаго прибытія въ Москву передастъ въ письмѣ къ графу Закревскому Мухановъ [1]), который, между прочимъ, писалъ: „спѣшу увѣдомить Ваше Сіятельство, что Государь Императоръ прибылъ въ сію столицу 29-го числа въ $9^1/_2$ час. утра, изволилъ прямо пріѣхать къ князю Дмитрію Владиміровичу и, взойдя въ кабинетъ князя безъ доклада, нашелъ его еще въ шлафрокѣ. Съ Его Величествомъ пріѣхали Петръ Александровичъ Толстой, генералъ-адъютанты Храповицкій и Адлербергъ, флигель-адъютанты Апраксинъ, Кокошкинъ и Корсаковъ, докторъ Арендтъ и Енохинъ; генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ долженъ быть немедленно; во время отъѣзда Государя онъ былъ въ ревельской деревнѣ своей, и туда ему послано повелѣніе прибыть въ Москву; Его Величество изволилъ остановиться въ Кремлѣ, въ Чудовскомъ дворцѣ, гдѣ уже приняты всѣ мѣры предосторожности: омываютъ руки, окуриваютъ и проч.“.

---

[1]) Щукинскій сборникъ, VI, 61.

III.

Инструкція Командующему Императорскою Главною Квартирою и дежурнымъ лицамъ Государевой Свиты.—Распоряженія по Квартирѣ.

Первая инструкція Командующему Императорскою Главною Квартирою.

Являясь однимъ изъ приближенныхъ къ Особѣ Императора лицъ и будучи хорошо освѣдомленъ о Монаршихъ желаніяхъ и стремленіяхъ, первый Командующій Императорскою Главною Квартирою, генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, собственно говоря, не нуждался въ особой инструкціи. При томъ, въ случаѣ возникновенія какого-либо сомнѣнія, Бенкендорфъ могъ лично испросить у Императора Николая I Высочайшее соизволеніе на принятіе того или другого рѣшенія и дѣйствовать въ сферѣ Монаршихъ предначертаній. Тѣмъ не менѣе имѣется довольно подробная инструкція для Командующаго, удостоившаяся Высочайшаго утвержденія 8 августа 1828 г. и относящаяся, такимъ образомъ, почти къ первому времени существованія должности Командующаго.

Инструкція приведена въ приложеніяхъ. Въ настоящемъ же мѣстѣ необходимо, хотя бы бѣгло, освѣтить, нѣсколькими поясненіями одиннадцать ея пунктовъ.

Первый пунктъ говоритъ о томъ, что о назначеніи кого-либо Командующимъ Квартирою отдается въ Высочайшемъ приказѣ по военному вѣдомству и въ указѣ Сенату. Слѣдовательно, Командующимъ могъ быть только чинъ военнаго вѣдомства и его служебное положеніе было приравнено положенію высшихъ чиновъ государства.

Дѣйствительно, Командующій, согласно второму пункту инструк-

ціи, вступаетъ въ права Военнаго Губернатора „вездѣ, кромѣ столицы, гдѣ Главная Императорская Квартира“.

Третій пунктъ инструкціи устанавливаетъ подчиненность Командующему Коменданта, Гевальдигера, капитана надъ вожатыми, конвоя Главной Императорской Квартиры и всѣхъ чиновниковъ и нижнихъ чиновъ, какого бы званія они ни были, при Свитѣ Его Величества состоящихъ, а равно и карауловъ.

Въ слѣдующихъ пунктахъ (четвертомъ и пятомъ) говорится объ обязанности Командующаго заботиться о продовольствіи Квартиры и ея размѣщеніи. Шестой же пунктъ касается должности Коменданта: онъ получаетъ отъ Командующаго приказанія и подаетъ ему рапорты два раза въ день, утромъ и вечеромъ. Со своей стороны, и Командующій, какъ это изложено въ седьмомъ пунктѣ, дважды въ день, подаетъ рапорты Его Величеству и Начальнику Главнаго Штаба Его Величества. Командующій же, согласно пункту восьмому, представляетъ Государю Императору всѣхъ прибывающихъ лицъ, за исключеніемъ военныхъ чиновъ. Являясь начальникомъ нижнихъ чиновъ, принадлежащихъ къ составу Квартиры, Командующій утверждаетъ окончательно судебные надъ ними приговоры, за исключеніемъ смертныхъ (пунктъ девятый). Наконецъ, онъ выдаетъ „охранные листы“ (пунктъ одиннадцатый) и „подорожныя“ (пунктъ десятый).

Такимъ образомъ, дѣятельность Командующаго Квартирою, по этой инструкціи, особенно развивается въ Высочайшихъ путешествіяхъ, въ коихъ онъ является самымъ отвѣтственнымъ лицомъ.

Появленіе званія генералъ-маіора Свиты Его Величества.

Обращаясь къ разсмотрѣнію инструкціи для дежурныхъ генераловъ и флигель-адъютантовъ, нужно предварительно остановиться на крупномъ обстоятельствѣ въ исторіи Государевой Свиты, — на установленіи въ царствованіе Николая I новаго званія—генералъ-маіора Свиты Его Величества.

До 6 декабря 1827 г. такого званія не существовало. Въ этотъ же день, Высочайшимъ приказомъ, произведенъ изъ полковниковъ въ генералъ-маіоры флигель-адъютантъ Л.-Гв. Измайловскаго полка Кавелинъ, „съ назначеніемъ состоять въ Свитѣ Его Императорскаго Величества“ [1]). Въ виду отсутствія какого-либо законодательнаго распоряженія о введеніи въ число чиновъ Государевой Свиты новаго зва-

[1]) Рус. Инв., 1827 г., № 310.

нія—„Свиты Его Величества генералъ-маіоръ“, возможно именно съ этого времени, т. е. съ 6 декабря 1827 г., считать это званіе существующимъ.

Точно также затруднительно установить, съ какого числа при Особѣ Государя Императора начинаетъ дежурить генералъ-маіоръ Свиты. Въ дѣлахъ Императорской Главной Квартиры [1]) сохранилась любопытная записка, писанная карандашемъ рукою Бенкендорфа: „нарядить на завтрашній день, кромѣ генерала и флигель-адъютанта изъ штабъ-офицеровъ, еще генерала изъ тѣхъ, которые состоятъ въ Свитѣ, и продолжать такимъ образомъ, пока сихъ послѣднихъ на лицо не менѣе шести“. Даты карандашемъ не означено, а на обложкѣ дѣла, въ которомъ подшита записка, означенъ 1829 годъ. Но на этой же запискѣ вторично записано приведенное выше распоряженіе, на-этотъ разъ чернилами и рукою не Бенкендорфа, при чемъ выставлена дата—31 декабря 1831 г. Вотъ это обстоятельство позволяетъ предположить, что дежурства генералъ-маіоровъ Свиты начались съ 1 января 1832 г.

Есть указаніе, что до установленія дежурствъ генералъ-маіоровъ Свиты, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, дежурило два флигель-адъютанта вмѣсто одного. Такъ, въ описаніи одного „вечерняго собранія“, происходившаго въ 1830 г. у Государя, сказано, что при немъ состояли въ тотъ день дежурными: генералъ-адъютантъ Шеншинъ и флигель-адъютанты Римскій-Корсаковъ и графъ Толстой [2]). Весьма возможно, что второго флигель-адъютанта и замѣнилъ съ 1832 г. генералъ-маіоръ Свиты. Впослѣдствіи, генералъ-маіоры Свиты несли дежурство и при нахожденіи на-лицо пяти генералъ-маіоровъ. Такъ, имѣется записка, поданная на резолюцію Бенкендорфа: „по отъѣздѣ графа Гауке въ отпускъ, останутся здѣсь на-лицо генералъ-маіоры, въ Свитѣ состоящіе, кои наряжаются дежурными: князь Лобановъ-Ростовскій, Глинка, Микулинъ, графъ Сентъ-Альдегондъ, Темирязевъ“, т. е. пять человѣкъ; Бенкендорфъ положилъ резолюцію: „еще продолжать [3]), пока будетъ пять, а потомъ прекратить“.

Оговорка Бенкендорфа, предусматривавшая тотъ случай, когда число наличныхъ генералъ-маіоровъ Свиты составляетъ менѣе 6 или 5

[1]) Д. И. Г. Кв., 1829 г., № 47.

[2]) Рус. Инв., 1830 г., № 316.

[3]) Очевидно, продолжать нарядъ на дежурства.

человѣкъ, должна была примѣниться на практикѣ въ 1846 г. Въ дѣлахъ архива Императорской Главной Квартиры имѣется такая записка генералъ-маіора Львова: „Государь Императоръ приказалъ, что такъ какъ всего только три генералъ-маіора Свиты Его Величества, которые при Немъ дежурятъ, то впредь до прибытія другихъ не наряжать ихъ отдѣльно, а въ общую очередь съ флигель-адъютантами. Слѣдовательно, на завтра генералъ-маіора не надо, а должно будетъ соблюдать, чтобы генералъ-маіоръ не былъ наряжаемъ съ генералъ-адъютантомъ, который его моложе по службѣ“ [1]). Вслѣдствіе такого распоряженія, генералъ-маіоры Свиты дежурили вмѣсто флигель-адъютанта 7, 8, 10, 11, 13, 14, 28 февраля и 25 марта 1846 г.

Инструкція дежурнымъ.

Первая, въ царствованіе Николая I, инструкція для дежурныхъ чиновъ Государевой Свиты была составлена и утверждена въ 1834 г. Въ виду безусловнаго значенія для исторіи Государевой Свиты этой инструкціи, какъ первой въ это царствованіе, и вслѣдствіе имѣющихся на ней собственноручныхъ отмѣтокъ Государя, необходимо ее разсмотрѣть въ подробностяхъ.

Инструкція была представлена 1 января 1834 г. въ формѣ Высочайшаго доклада подъ наименованіемъ „объ инструкціи дежурнымъ генералъ и флигель-адъютантамъ на предметъ Всемилостивѣйшаго ея разсмотрѣнія“ и состояла изъ восьми пунктовъ.

Въ первомъ пунктѣ читаемъ: „дежурные генералъ- и флигель-адъютанты и генералъ-маіоръ Свиты Вашего Императорскаго Величества должны у развода, когда начинается церемоніальный маршъ, становиться немного отступя возлѣ Вашего Величества, стараясь быть по правой сторонѣ, и оставаться такимъ образомъ во все продолженіе развода и при представленіи ординарцевъ“. Такимъ образомъ, первый пунктъ инструкціи касается мѣста дежурныхъ генераловъ при разводѣ; текстъ этого пункта дополняетъ заглавіе доклада, упоминая и о генералъ-маіорахъ Свиты, каковые въ заглавіи не помѣщены.

Второй пунктъ гласитъ: „дежурный флигель-адъютантъ принимаетъ у развода пароль и отдаетъ оный Вашему Императорскому Величеству послѣ генералъ-губернатора или коменданта, а потомъ другимъ Высочайшимъ Особамъ, присутствующимъ у развода, посламъ, Военному Министру, Командующему Императорскою Главною Квар-

[1]) Д. У. И. Г. Кв., 1846 г., № 9, л. 4.

терою и дежурному генералъ-адъютанту". Слѣдовательно, второй пунктъ инструкціи касается пріема пароля флигель-адъютантами и его отдачи ими.

Въ третьемъ пунктѣ помѣщено: „старый дежурный флигель-адъютантъ не имѣетъ непремѣнной обязанности находиться при самомъ разводѣ, ученьѣ или церковномъ парадѣ; но передъ прибытіемъ Вашего Императорскаго Величества и до самаго того времени, какъ изволите сѣсть въ экипажъ, обязанъ собирать просьбы отъ приходящихъ къ экзерциргаузу или тому мѣсту, гдѣ бываетъ разводъ, или ученье, дабы Ваше Величество не были останавливаемы просителями; по собраніи просьбъ оныя запечатываются въ конвертъ, съ надписью — Его Императорскому Величеству всеподданнѣйшія прошенія и отдаются камердинеру Вашего Величества". Значитъ, третій пунктъ касается функцій флигель-адъютанта по собиранію прошеній.

Въ четвертомъ пунктѣ изложено: „дежурный генералъ-адъютантъ поданные Вашему Императорскому Величеству у развода дневные рапорты отсылаетъ къ камердинеру Вашего Величества; когда же не изволите быть у развода, то дежурный флигель-адъютантъ по полученіи дневныхъ рапортовъ отъ полковъ Лейбъ-Гвардіи: Коннаго, Казачьяго, Преображенскаго, Семеновскаго, Измайловскаго, Егерскаго, Лейбъ-Гренадерскаго, Л.-Гв. Сапернаго баталіона и 1-го Кадетскаго Корпуса, собравъ оныя вмѣстѣ, отдаетъ камердинеру Вашего Величества". Слово *„Казачьяго"* вписано собственною Его Величества рукою. Слѣдовательно, четвертый пунктъ исчерпываетъ обязанности дежурныхъ по представленію дневныхъ рапортовъ отъ частей, въ коихъ числится Шефомъ Государь Императоръ.

На поляхъ доклада, противъ конца четвертаго и начала пятаго пунктовъ, имѣется собственноручная Его Величества помѣтка: *„по окончаніи развода или ученья, генералъ-адъютантъ имѣетъ дозволеніе, не ожидая разрѣшенія, ѣхать домой, или куда хочетъ, но оставляя на квартирѣ извѣщеніе, куда ѣдетъ, дабы найти его можно было"*. Эта Высочайшая помѣтка, указывающая обязанность генералъ-адъютанта по окончаніи развода или ученья, составила пятый пунктъ инструкціи.

Пятый же пунктъ проекта инструкціи, составившій шестой пунктъ самой инструкціи, гласитъ: „получивъ извѣщеніе о пожарѣ, дежурный флигель-адъютантъ обязанъ, если днемъ, тотчасъ доложить объ

ономъ Вашему Императорскому Величеству, ѣхать на мѣсто пожара, и если Ваше Величество тамъ быть не изволите, то, по окончаніи пожара, подробно донести о всѣхъ обстоятельствахъ онаго; если же пожаръ значительно усилится, то немедленно, возвратясь во дворецъ, доложить о томъ Вашему Императорскому Величеству; въ случаѣ же отсутствія Вашего Величества изъ дворца дежурный флигель-адъютантъ обязанъ, когда получитъ извѣщеніе о пожарѣ, объявивъ о томъ камердинеру Вашего Величества, тотчасъ ѣхать на мѣсто пожара и, обозрѣвъ оный, съ достовѣрными свѣдѣніями о степени опасности, возвратиться во дворецъ для доклада Вашему Императорскому Величеству, и если не изволили еще возвратиться, то свѣдѣнія сіи сообщить камердинеру и опять ѣхать на мѣсто пожара, по окончаніи коего доложить Вашему Величеству. Когда ночью случится такое несчастіе, то немедленно, по полученіи извѣщенія, дежурный флигель-адъютантъ, объявивъ о томъ для свѣдѣнія камердинеру, долженъ поспѣшно ѣхать на мѣсто пожара и въ случаѣ значительнаго пожара или когда загорится какое-либо важное казенное заведеніе или строеніе, тотчасъ, возвратясь во дворецъ, приказать камердинеру разбудить Ваше Величество; если же пожаръ маловажный, то дежурный флигель-адъютантъ долженъ оставаться тамъ до конца, а утромъ доложить объ ономъ Вашему Императорскому Величеству". Этотъ пунктъ касается, слѣдовательно, обязанности флигель-адъютанта въ случаѣ пожара. Невольно обращаетъ на себя вниманіе обязанность флигель-адъютанта нарушить покой царскаго сна, въ случаѣ большаго пожара. Приведемъ здѣсь любопытный эпизодъ о Высочайшемъ посѣщеніи одного большаго пожара, сообщаемый фонъ-деръ-Ховеномъ. [1]).

23 января 1850 г. вспыхнулъ скипидаръ въ свѣчной лавкѣ на Петербургской сторонѣ. Императоръ Николай Павловичъ, выйдя въ это время съ Іорданскаго подъѣзда Зимняго Дворца, садился въ сани, чтобы ѣхать къ великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ, но, увидя пламя, велѣлъ кучеру спѣшить на мѣсто пожара, куда и прибылъ одновременно съ пожарной командой Петербургской части. Замѣтивъ отсутствіе другихъ пожарныхъ частей, Государь строго спросилъ брантъ-маіора о причинѣ этого обстоятельства; брантъ-маіоръ доложилъ Государю, что пожаръ начался отъ загорѣвшагося скипи-

1) Изъ прошлаго. Др. и Нов. Рос., 1877.

дара и огонь мгновенно охватилъ весь домъ. Вскорѣ доложили брантъ-маіору, что одинъ пожарный упалъ въ огонь. Государь на другой день, принимая съ рапортомъ военнаго генералъ-губернатора, пожаловалъ вдовѣ погибшаго пожарнаго денежное пособіе и приказалъ производить установленную закономъ пенсію. Губернаторъ доложилъ, что вдовамъ пожарныхъ ни за увѣчья, ни за смерть ихъ мужей, происшедшую отъ пожаровъ, пенсіи по закону не полагается. Удивленный такимъ извѣстіемъ, Императоръ повелѣлъ Министрамъ Военному и Внутреннихъ Дѣлъ и Петербургскому генералъ-губернатору составить проектъ правилъ о выдачѣ такихъ пенсій, которыя съ того времени и установлены.

Слѣдующій пунктъ проекта инструкціи, составившій восьмой пунктъ инструкціи и касающійся обязанности флигель-адъютанта при Высочайшемъ посѣщеніи театровъ, гласитъ: „когда Ваше Императорское Величество изволите быть въ театрѣ, то дежурному флигель-адъютанту *дозволяется* быть тамъ же въ большой ложѣ". Слово „*дозволяется*" вписано собственноручно Государемъ и мѣняетъ первоначальный смыслъ проекта: изъ обязанности присутствовать въ театрѣ получается лишь право, лишь разрѣшеніе на присутствіе.

Седьмой пунктъ проекта, составившій девятый пунктъ инструкціи и касающійся запрещенія флигель-адъютантамъ отлучки изъ дворца, гласитъ: „кромѣ вышеприведенныхъ случаевъ дежурный флигель-адъютантъ никуда изъ дворца отлучаться не можетъ, равно какъ и дежурные генералъ-адъютантъ и генералъ-маіоръ Свиты Вашего Величества, если они не бываютъ отпущены домой". Въ инструкціи оставлено запрещеніе отлучки лишь для флигель-адъютанта.

Наконецъ, въ послѣднемъ пунктѣ проекта, составившемъ десятый пунктъ инструкціи и устанавливающемъ часъ смѣны, читаемъ: „дежурные должны смѣняться въ часъ развода, если оный бываетъ съ церемоніею; въ тѣ же дни, когда назначается выходъ при дворѣ или смотръ, ученье, церковный парадъ, въ назначенные для сего часы; когда же не бываетъ ни развода, ни выхода, ни ученій, смѣняться въ 12 часовъ дня".

За этими пунктами въ проектѣ испрашивалось Высочайшее разрѣшеніе двухъ вопросовъ. Первый вопросъ заключался въ томъ, должны ли дежурные генералъ-адъютантъ и генералъ-маіоръ Свиты Его Величества, „когда не бываютъ отпущены домой", находиться въ

театрѣ, въ большой ложѣ, какъ сіе приказано дежурному флигель-адъютанту, во время Высочайшаго посѣщенія театра. Противъ изложеннаго вопроса имѣется Высочайшая резолюція *„дозволяется“*. Въ окончательной инструкціи это разрѣшеніе помѣщено въ восьмомъ пунктѣ. Второй вопросъ въ проектѣ былъ изложенъ такимъ образомъ: „въ случаѣ пожара должны ли они ожидать приказанія ѣхать на пожаръ, или слѣдовать туда за Вашимъ Императорскимъ Величествомъ?“ Государь положилъ резолюцію: *„ѣхать за мной только“*. Соотвѣтственно сему въ окончательной инструкціи имѣется пунктъ седьмой, въ коемъ читаемъ: „дежурнымъ генералъ-адъютанту и генералъ-маіору Свиты Его Величества быть на пожарѣ, только когда Государь Императоръ изволитъ у онаго присутствовать“.

Сверхъ сего, въ окончательную инструкцію введенъ заключительный, одиннадцатый по счету, пунктъ, соотвѣтствующаго каковому въ проектѣ не имѣется. Въ этомъ пунктѣ изложено: „о всякомъ словесномъ приказаніи Его Императорскаго Величества, до обязанностей дежурныхъ относящемся, доводить немедленно до свѣдѣнія Командующаго Императорскою Главною Квартирою“.

Докладъ съ представленіемъ проекта инструкціи, какъ выше замѣчено, былъ представленъ 1 января и удостоился Высочайшаго разсмотрѣнія 13 января. Окончательная инструкція, подписанная генералъ-адъютантомъ Бенкендорфомъ 15 января и въ тотъ же день Высочайше утвержденная, была тогда же разослана для руководства лицамъ Свиты. Въ февралѣ мѣсяцѣ того же года послѣдовало дополненіе къ этой инструкціи въ томъ смыслѣ, что дежурный флигель-адъютантъ обязанъ отдавать пароль сверхъ лицъ, указанныхъ въ инструкціи, еще Начальнику Морского Штаба Его Императорскаго Величества [1]).

Инструкція дежурнымъ, по редакціи 1834 г., конечно, подвергалась впослѣдствіи нѣкоторымъ измѣненіямъ, въ общемъ, впрочемъ, весьма мало перемѣнявшимъ сущность обязанностей дежурныхъ.

Измѣненія инструкціи въ 1843, 1846 и 1853 годахъ.

Въ измѣненной редакціи инструкція была разослана лицамъ Свиты при циркулярѣ Командующаго Квартирой отъ 22 января 1843 г., за № 3.

При сравненіи новой инструкціи (1843 г.) съ прежней (1834 г.) существенной разницы не замѣчается: во второмъ пунктѣ прибавлено,

[1]) Д. И. Г. Кв., 1834 г., № 1.

что дежурный флигель-адъютантъ отдаетъ пароль помимо пословъ, Военнаго Министра, Командующаго Императорскою Главною Квартирою, еще — Морскому Министру и Начальнику Главнаго Морского Штаба Его Императорскаго Величества. Порядокъ пріема прошеній отъ частныхъ лицъ, изложенный въ третьемъ пунктѣ, добавленъ подробными указаніями на то, какимъ образомъ они региструются и заносятся въ реестръ, представляемый вмѣстѣ съ ними Государю Императору. Четвертый пунктъ добавленъ указаніемъ на то, что „строевыя записки, поданныя Его Величеству при Высочайшихъ смотрахъ, отсылаются также къ камердинеру". Восьмой пунктъ введенъ вновь и, касаясь формы одежды дежурныхъ, гласитъ: „въ тѣ дни, когда разводъ бываетъ назначенъ въ шинеляхъ, дежурнымъ надлежитъ быть на службѣ при Его Величествѣ, внѣ дворца, въ сюртукахъ".

Наконецъ, въ инструкцію введенъ новый заключительный пунктъ: „дежурные при Его Императорскомъ Величествѣ, какъ старые, такъ и новые, во всѣхъ случаяхъ, когда надлежитъ имъ быть верхомъ, пользуются верховыми лошадьми изъ придворной конюшни, а для разъѣздовъ имѣютъ отъ Двора экипажи".

Такимъ образомъ въ инструкцію 1843 г. введено два новыхъ пункта.

Черезъ три года, 29 декабря 1846 г., Командующій Квартирою объявилъ Высочайшее повелѣніе: 1) чтобы прошенія, принимаемыя дежурными, были отправляемы Его Императорскому Величеству два раза въ сутки—передъ вечернею зарею и на другой день, передъ самою смѣною, при чемъ прошенія съ надписью „въ собственныя руки" не распечатываются, а прочія снабжаются общимъ перечнемъ и краткою выпискою, составляемыми собственною рукою дежурнаго, и 2) чтобы содержанія прошеній отнюдь не были разглашаемы, или сообщаемы кому бы-то не было, при чемъ „виновный въ неисполненіи сего подвергнулся бы строжайшему и примѣрному, по всей силѣ законовъ, наказанію, какъ нарушитель Высочайшей Государя Императора довѣренности". Повелѣніе о двукратномъ на каждомъ дежурствѣ представленіи прошеній и собственноручномъ составленіи дежурнымъ реестра вошло въ инструкцію 1847 года, циркулярно разосланную лицамъ Свиты при отношеніи отъ 8 марта 1847 г. за № 12.

Наконецъ, въ 1853 году послѣдовало еще новое небольшое дополненіе къ инструкціи. Въ дѣлахъ архива Императорской Главной Квартиры имѣется собственноручная записка графа Орлова отъ 16 ян-

варя 1953 года: „Государь приказалъ объявить господамъ дежурнымъ, флигель-адъютантамъ, чтобы при принятіи прошеній отъ простолюдиновъ, а особливо господскихъ крѣпостныхъ людей, спрашиваемы были паспорты и отобраны для приложенія къ просьбамъ; если же паспортовъ кто не будетъ имѣть, таковыхъ отправлять въ полицію; объ этомъ надо написать въ напечатанной запискѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ прибавить въ инструкцію"; при этомъ слова—у простолюдиновъ, а особливо господскихъ людей—подчеркнуты графомъ Орловымъ и къ нимъ приписано: „въ запискѣ тоже подчеркнуть" [1]). Означенное Высочайшее повелѣніе было циркулярно объявлено чинамъ Свиты [2]) и вошло въ инструкцію.

Несомнѣнно представляетъ большой интересъ ознакомиться—хотя бы бѣгло—съ воспоминаніями двухъ-трехъ бывшихъ лицъ Свиты, дежурившихъ при Особѣ Императора Николая Павловича.

Н. Н. Муравьевъ въ своихъ запискахъ, подъ 28 октября 1833 г., пишетъ [3]): „я былъ дежурнымъ при Государѣ. Должность моя началась съ развода, который вчера былъ, по приказанію Государя, передъ прибытіемъ его въ манежъ, выведенъ на плацъ Михайловскаго замка. Я принялъ отъ Государя рапорты, поданные ему отъ полковъ, въ коихъ онъ считается шефомъ, и отвезъ ихъ послѣ развода къ камердинеру его. Бенкендорфъ, Орловъ и я, кромѣ посланниковъ австрійскаго и датскаго, постоянно тутъ находящихся, ходили за Государемъ и держались около него. Послѣ развода Государь меня отпустилъ, но я получилъ тутъ же приглашеніе прибыть къ четыремъ часамъ къ обѣду въ Аничковъ дворецъ, гдѣ Государь нынѣ живетъ еще по возвращеніи изъ Царскаго Села. На обѣдѣ семъ находились Государь, Императрица, князь А. Н. Голицынъ, графъ Бенкендорфъ, князь Трубецкой, я, дежурный флигель-адъютантъ Гогель и дежурная фрейлина Бороздина". 9 ноября того же года Муравьевъ снова дежуритъ при Особѣ Государя и про этотъ день пишетъ въ запискахъ: „къ четыремъ часамъ я явился въ Аничковъ дворецъ къ обѣду. Приглашены были князь В. Н. Голицынъ, гр. Орловъ, князь Трубецкой, гр. Бенкендорфъ, я, дежурный флигель-адъютантъ кн. Бѣлосельскій и дежурная фрейлина гр. Медемъ. Вошедши въ комнату, гдѣ я сидѣлъ, Государь обратился ко мнѣ и сказалъ, шутя, что онъ

[1]) Д. У. И. Гл. Кв., 1852 г., № 2.

[2]) Отъ 17 янв. 1853 г., № 3.

[3]) Рус. Арх., 1894 г., № 8.

мнѣ уже прежде говорилъ, что при немъ дежурныхъ нѣтъ, а потому, чтобы я шарфъ скинулъ". Не проходятъ записки Н. Н. Муравьева молчаніемъ и инструкцію дежурнымъ. Подъ 15 февраля 1834 г., т. е. въ первые мѣсяцы дѣйствія инструкціи, онъ пишетъ: „соображаясь со вновь изданною инструкціею на счетъ службы генералъ-адъютантовъ, въ коей сказано, чтобы во время церемоніальнаго марша и представленія ординарцевъ находиться на правой сторонѣ Государя, нѣсколько отступя назадъ, я, для исполненія сего правила въ точности, съ начатіемъ церемоніальнаго марша, всталъ, какъ было предписано, и очутился выше пословъ иностранныхъ и фельдмаршала Паскевича. Государь, увидя сіе, сдѣлалъ мнѣ знакъ стать ниже; сіе было сдѣлано безъ неудовольствія и съ веселымъ видомъ. Я немедленно отъѣхалъ и сталъ ниже; но, соображаясь опять съ тою же инструкціею, въ коей сказано, чтобы о всякомъ словесномъ приказаніи Государя, относящемся до службы дежурныхъ, доводить немедленно до свѣдѣнія Бенкендорфа, я, по окончаніи развода, подошелъ къ нему и доложилъ ему о семъ. Бенкендорфъ сказалъ мнѣ, что инструкція сія относилась до разводовъ, которые бываютъ на площади Михайловскаго замка, а не въ манежѣ. Какъ будто не все равно, что одинъ, что другой, и притомъ же разводы на площади бываютъ только лѣтомъ или весною, а зимою всегда въ манежѣ, для коего и инструкція сія въ недавнемъ времени издана".

Флигель-адъютантъ Ржевусскій, имѣвшій счастіе дежурить въ 1844 г. при Особѣ Государя Императора, пишетъ [1]): „во время тяжкой болѣзни Великой Княгини Александры Николаевны, я одинъ оставался въ Петербургѣ, всѣ же мои товарищи были разосланы съ разными порученіями. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1844 г. больную Великую Княгиню, по совѣту медиковъ, перевезли въ Царское Село, въ Александровскій Дворецъ, я же назначенъ былъ дежурнымъ при Его Величествѣ и безсмѣнно находился при немъ въ продолженіе 5 недѣль. Дежурство это было очень пріятно, форма была не стѣснительна: сюртукъ и фуражка; можно было отлучаться изъ дежурной комнаты гулять по саду, а по вечерамъ Государь обыкновенно приглашалъ во дворецъ. Обязанность же дежурнаго вообще состояла въ принятіи прошеній и въ безотлучномъ пребываніи при Государѣ на смотрахъ въ Царскомъ Селѣ, въ Павловскѣ и въ Красномъ Селѣ".

---

[1]) Черты изъ жизни Императора Николая Павловича. Рус. Стар., 1877 г., янв.

Другой флигель-адъютантъ, А. А. Аркасъ, въ своихъ запискахъ [1]), припоминаетъ случай, когда ему на одномъ дежурствѣ пришлось быть ходатаемъ за начальника телеграфной станціи въ Петергофѣ, подполковника путей сообщенія, навлекшаго на себя немилость Государя позднимъ доставленіемъ телеграммы. Государь приказалъ его арестовать, и исполненіе сего выпало на долю Аркаса. Семья бѣднаго подполковника сильно взолновалась, когда Аркасъ передавалъ повелѣніе Государя, семеро дѣтей и жена рыдали, и Аркасъ обѣщалъ ходатайствовать у Государя за подполковника. На просьбу свою о прощеніи послѣдняго, Государь строго сказалъ Аркасу: „не твое дѣло, и я совѣтую тебѣ не брать на себя ходатайствъ по такимъ дѣламъ". Но черезъ полчаса явился фельдъегерь звать Аркаса во дворецъ. Николай I милостиво встрѣтилъ его и сказалъ: „возврати шпагу подполковнику, освободи его изъ-подъ ареста и скажи, что я дѣлаю это единственно по твоей просьбѣ".

Дежурства на придворныхъ маскарадахъ.

Помимо дежурства при Особѣ Государя Императора генералъ-маіоры Свиты и флигель-адъютанты наряжались дежурными на придворные маскарады, происходившіе въ Зимнемъ Дворцѣ. Такъ, 1 января 1834 г. означенное дежурство несли генералъ-маіоры Тимирязевъ, Чевкинъ, Баронъ Веліо и Фельдманъ и флигель-адъютанты графъ Мантейфель, Будбергъ, графъ Протасовъ, баронъ Притвицъ, Бутеневъ, графъ Ржевускій, князь Урусовъ и Крузенштернъ. Каждому изъ этихъ лицъ былъ указанъ особый залъ. Въ письмахъ, разосланныхъ имъ по этому поводу, было сообщено: „Его Императорскому Величеству благоугодно, чтобы, по многочисленности посѣтителей, былъ соблюденъ во всѣхъ отношеніяхъ порядокъ" и чтобы дежурный „угощалъ особъ, которыя находиться будутъ въ сей части дворца Его Величества" [2]). Въ помощь къ дежурнымъ лицамъ Свиты были назначены офицеры корпуса жандармовъ [3]).

Составъ дежурныхъ на маскарадѣ 1 января 1834 г. выясняется слѣдующимъ спискомъ.

Въ Георгіевской залѣ дежурилъ Св. Е. В. г.-м. Тимирязевъ; въ

[1]) Воспоминанія А. А. Аркаса, Истор. Вѣстн., 1901 г., апрѣль.

[2]) Д. И. Г. Кв., 1833 г., № 40.

[3]) По приказанію Шефа жандармовъ полковникъ Дубельтъ доносилъ генералъ-маіору Полозову (рапортомъ отъ 21 декабря 1833 г., за № 5038), что надлежитъ приказать офицерамъ ввѣреннаго ему округа къ маскараду, имѣющему быть 1 января

портретной галлерѣ фл.-ад. гр. Ржевусскій; въ бѣлой залѣ—Св. Е. В. г.-м. Фельдманъ; фл.-ад. гр. Протасовъ; въ залѣ Петра Великаго—фл.-ад. Бутеневъ; въ фельдмаршальской залѣ —фл.-ад. баронъ Притвицъ; въ аванъ-залахъ—фл.-ад. гр. Мантейфель; въ концертной залѣ -фл.-ад. Будбергъ; въ столовой Императрицы—Св. Е. В. г.-м. баронъ Веліо, въ корридорѣ фл.-ад. Крузенштернъ, за кавалергардами—фл.-ад. кн. Урусовъ; въ кавалергардской залѣ—Св. Е. В. г.-м. Чевкинъ.

Распоряженія, относившіяся до Государевой Свиты.

Изъ различныхъ распоряженій, касавшихся вообще Государевой Свиты, приведемъ нѣкоторыя, наиболѣе заслуживающія вниманія.

Относительно размѣра столовыхъ денегъ для генералъ-маіоровъ Свиты послѣдовало Высочайшее повелѣніе отъ 14 декабря 1828 г., въ коемъ читаемъ: „Господину Управляющему Военнымъ Министерствомъ. Состоящимъ въ Свитѣ Моей генералъ-маіорамъ: барону Делинсгаузену, графу Строганову 1, князю Лобанову-Ростовскому 3, князю Долгорукову 3 и Мердеру Всемилостивѣйше повелѣваю производить столовыя деньги, по прежнему ихъ званію флигель-адъютантовъ, то есть по три тысячи рублей ежегодно каждому со времени производства ихъ въ генералъ-маіоры [1]). На будущее время повелѣваю, всѣмъ флигель-адъютантамъ, производимымъ изъ полковниковъ въ генералъ-маіоры Свиты съ оставленіемъ въ Свитѣ Моей, сверхъ жалованія и квартирныхъ денегъ по чинамъ продолжать производство столовыхъ по флигель-адъютантскому полковничью окладу впредь до назначенія ихъ къ должностямъ, коимъ присвоены столовыя деньги высшаго оклада" [2]).

Судя по тексту приведеннаго Высочайшаго повелѣнія, отпускъ столовыхъ денегъ въ 3,000 р. былъ установленъ для тѣхъ генераловъ Свиты, которые ранѣе состояли въ званіи флигель-адъютантовъ. Указъ слѣдующаго года [3]) обобщаетъ предыдущій и опредѣляетъ производство столовыхъ денегъ всѣмъ „генераламъ, въ Свитѣ Нашей состоящимъ", при этомъ кто, по своей должности, получалъ бо-

1834 г., „приготовить маскарадное платье, какъ-то: бѣлое короткое нижнее платье, шелковые чулки, башмаки съ пряжками и домино".

[1]) Эти лица были пожалованы званіемъ Свиты Его Величества генералъ-маіоровъ: И. Ф. Делинсгаузенъ—17 августа, С. Г. Строгановъ—26 сентября, А. Ф. Лобановъ-Ростовскій—27 сентября, Н. А. Долгоруковъ—29 сентября и К. К. Мердеръ—14 октября,—всѣ въ 1828 г.

[2]) Собр. зак. и пост. до ч. воен. упр. отн. и П. С. З., 2-е собр., т. III, 1828 г., № 2512.

[3]) Отъ 29 октября 1829 г., П. С. З., 2-е собр., т. IV, № 3261.

лѣе 3,000 р. столовыхъ денегъ, тотъ не имѣлъ права на полученіе столовыхъ денегъ по свитскому званію, а тому, кто получалъ менѣе 3,000 руб., должна была отпускаться недостающая до 3,000 руб. сумма.

Вопросъ о фуражныхъ деньгахъ для лицъ Государевой Свиты разрѣшился двумя циркулярными распоряженіями—отъ 27 апрѣля и 9 іюня 1833 г., коими былъ опредѣленъ для лицъ Свиты отпускъ фуражныхъ денегъ на три лошади каждому, за исключеніемъ тѣхъ, кои состоятъ во фронтѣ или имѣютъ постоянное назначеніе внѣ столицы; циркуляромъ же отъ 24 октября 1833 г. объявлено Высочайшее запрещеніе флигель-адъютантамъ, получающимъ фуражное довольствіе и потому обязаннымъ имѣть собственныхъ лошадей, требовать отъ придворной конюшни казенныхъ лошадей.

Наконецъ, 5 іюня 1830 г. [1]) повелѣно отпускать двойныя прогонныя деньги генералъ- и флигель-адъютантамъ лишь въ томъ случаѣ, когда они командируются непосредственно Его Величествомъ; при командировкахъ же лицъ Свиты за границу повелѣно [2]) ихъ снабжать путевыми деньгами по распоряженію Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

15 февраля 1831 г. [3]) состоялось Высочайшее повелѣніе, по докладу Командующаго Императорскою Главною Квартирою, о томъ, чтобы лицамъ Свиты отпускать квартирныя деньги въ полномъ объемѣ не производя изъ нихъ удержаній за время отсутствія по командировкамъ, „по тому уваженію, что они не имѣютъ ни средства, ни возможности получить казенныя квартиры въ тѣхъ мѣстахъ, въ коихъ должны находиться по дѣламъ службы и что, отъѣзжая на нѣкоторое только время изъ С.-Петербурга, оставляютъ здѣсь и часть своей прислуги, и часть хозяйства“.

Издавались распоряженія также о формѣ одежды лицъ Свиты.

Въ приказѣ Начальника Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества, данномъ въ лагерѣ при Базарджикѣ 29 іюня 1828 г. за № 34, объявлено Высочайшее повелѣніе [4]): „всѣмъ господамъ генераламъ, состоящимъ въ Свитѣ Его Величества, имѣть мундиръ по образцу флигель-адъютантскаго, съ серебрянымъ на воротникѣ и об-

[1]) П. С. З., 2-е собр., т. V, № 3379.

[2]) П. С. З., 2-е собр., т. VII, № 5818, 12 декабря 1832 г.

[3]) Какъ изложено въ рапортѣ дежурнаго генерала Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества Управляющему Военнымъ Министерствомъ, отъ 24 февраля 1831 г., № 1184.

[4]) Собр. закон. и пост. до части воен. упр. отн. стр. 287.

шлагахъ шитьемъ и таковыми же эполетами, по чину, но безъ вензелей и аксельбанта. При семъ мундирѣ носить султаны: числящимся по кавалеріи—бѣлые, а по пѣхотѣ—черные. Сверхъ сего Его Величество предоставляетъ симъ гг. генераламъ носить также генеральскій мундиръ съ шитьемъ и общій армейскій вицъ-мундиръ, по существующимъ на то общимъ правиламъ" [1]).

2 марта 1834 года разрѣшено флигель-адъютантамъ, поступившимъ во фронтъ и прикомандированнымъ къ полкамъ, носить полковой мундиръ [2]).

Относительно головнаго убора 2 мая 1846 г. состоялся приказъ Военнаго Министра [3]), коимъ объявлялось Высочайшее разрѣшеніе „всѣмъ генералъ-адъютантамъ, находящимся по спискамъ въ гвардейскихъ частяхъ, носить при генералъ-адъютантскомъ мундирѣ генеральскія каски съ гвардейскимъ орломъ" [4]). Высочайшее повелѣніе было объявлено Командующимъ Квартирою лицамъ Свиты при циркулярѣ отъ 4 іюня за № 19. Въ дополненіе къ предыдущему приказу вскорѣ послѣдовалъ новый [5]), разосланный для руководства лицамъ Свиты при циркулярѣ Командующаго Квартирою отъ 9 іюня за № 21; въ этомъ дополнительномъ приказѣ объявлялось Высочайшее повелѣніе: „генералъ-адъютантамъ, когда они будутъ въ полной формѣ, въ генералъ-адъютантскихъ мундирахъ и бѣлыхъ панталонахъ, носить шляпы; каски же надѣвать имъ въ мундирѣ при зеленыхъ панталонахъ и въ сюртукахъ". Слѣдующимъ приказомъ [6]) объявлялось разрѣшеніе носить генеральскія каски съ гвардейскимъ орломъ и генералъ-маіорамъ Свиты, при общемъ армейскомъ мундирѣ; при-

---

[1]) Повелѣніе о ношеніи вензелей на погонахъ послѣдовало въ 1857 г. (П. С. З., т. XXXII, № 31678).

[2]) П. С. З., 2-е собр., т. IX, № 6870.

[3]) № 79.

[4]) Относительно этого приказа въ дѣлахъ Императорской Главной Квартиры имѣется переписка (въ д. № 50, 1846 г.) Управляющаго дѣлами Квартиры съ генераломъ-маіоромъ Кривошиинымъ. А. Ѳ. Львовъ, письмомъ отъ 3 іюня за № 524, увѣдомилъ генералъ-маіора Кривошиина, что онъ, Львовъ, случайно видѣлъ означенный выше приказъ Военнаго Министра и что въ Управленіи Квартиры таковаго приказа не было. Н. Г. Кривошиинъ, письмомъ же отъ 3 іюня за № 4819, сообщилъ А. Ѳ. Львову, что приказъ былъ доставленъ въ Управленіе Квартиры 6 мая, въ чемъ имѣется соотвѣтствующая росписка въ разносной книгѣ. На этомъ письмѣ Львовъ положилъ резолюцію: „Е. П. Самсонову. Жаль, мой другъ, что мы виноваты".

[5]) Отъ 6 іюня 1846 г., за № 95.

[6]) Отъ 9 іюля, за № 117.

казъ былъ сообщенъ лицамъ Свиты при циркулярѣ отъ 18 іюня за № 33. Наконецъ, князь Чернышевъ, письмомъ отъ 18 іюля 1846 г. за № 6455 на имя графа А. Ѳ. Орлова, сообщилъ, что Высочайше разрѣшено присвоить и генералъ-адъютантамъ, не числящимся по списку въ гвардейскихъ войскахъ, при общемъ армейскомъ мундирѣ, каски съ гвардейскимъ орломъ. Послѣднее повелѣніе было сообщено лицамъ Свиты при циркулярѣ отъ 23 іюля за № 34.

Необходимо хотя бы вскользь упомянуть еще о распоряженіяхъ, коими запрещался громкій разговоръ въ Высочайшемъ присутствіи [1]), объявлялось Высочайщее замѣчаніе о томъ, что не всѣ лица Свиты находились при Высочайшихъ выходахъ [2]), указывалось мѣсто для Свиты при Высочайшихъ выходахъ съ половины Государя Императора (въ большомъ аванзалѣ на правой сторонѣ) [3]), предписывалось при погребеніи кого-либо изъ Особъ при Его Величествѣ состоящихъ присутствовать на выносѣ тѣла непремѣнно всей Свитѣ [4]).

Распоряженія касались также того, чтобы всѣ генералъ-маіоры Свиты и флигель-адъютанты сообщали Управленію Квартиры, гдѣ именно каждый изъ нихъ говѣлъ [5]), чтобы флигель-адъютанты, извѣстившись о какомъ-либо большомъ пожарѣ, на которомъ присутствуетъ Государь Императоръ, немедленно являлись туда [6]), чтобы въ лѣтнее время наряжались дежурные генералъ-адъютанты лишь по торжественнымъ днямъ и на маневрахъ [7]), чтобы дежурные были на пожарахъ во время ночи въ сюртукахъ [8]), наконецъ, чтобы, во время маневровъ, каждому генералъ-маіору Свиты имѣть при себѣ 1 экипажъ и 1 повозку, каждымъ двумъ флигель-адъютантамъ 1 экипажъ и 1 повозку, а одному флигель-адъютанту—1 экипажъ, притомъ съ запрещеніемъ имѣть большее, противъ означеннаго, число экипажей и повозокъ.

---

[1]) П. С. З., т. XVIII, № 18382.

[2]) Циркуляръ отъ 27 марта 1833 г.

[3]) Циркуляръ отъ 23 января 1834 г.

[4]) Циркуляръ отъ 26 апрѣля 1841 г.

[5]) Циркуляръ отъ 28 февраля 1851 г.

[6]) Циркуляръ отъ 7 апрѣля 1848 г.

[7]) Циркуляръ отъ 1 іюня 1838 г.

[8]) П. С. З., т. XVI, № 15160 и циркуляръ отъ 1841 г. за № 48.

IV.

Порученія лицамъ Свиты и ихъ командировки.

Обыкновеніе поручать чинамъ Свиты выполненіе сложныхъ и отвѣтственныхъ командировокъ.

Помимо несенія дежурствъ при Особѣ Императора, лица Государевой Свиты исполняли самыя разнообразныя порученія, иногда весьма отвѣтственныя и требовавшія подчасъ большаго служебнаго такта, знанія, опыта, находчивости и предпріимчивости.

Это обыкновеніе поручать исполненіе сложныхъ командировокъ чинамъ Свиты подмѣтилъ даже иностранецъ Гагернъ, который, въ своихъ запискахъ, подъ 20 августа 1839 г., пишетъ [1]): „адъютанты Императора всегда употребляются для командировокъ; они постоянно должны быть готовы къ отъѣзду, и кто сегодня вернулся изъ Польши, завтра же можетъ быть посланъ на Кавказъ, и это вовсе не рѣдкость; особенно часто они употребляются для ревизіи рекрутскихъ наборовъ въ губерніяхъ, для преслѣдованія обмановъ и подкуповъ, такъ часто случающихся при этомъ; говорятъ, они много принесли пользы въ этомъ дѣлѣ“.

Любопытный эпизодъ по отношенію къ командировкамъ лицъ Свиты приводитъ въ своихъ запискахъ Н. Н. Муравьевъ, отмѣчая, что однажды Императоръ Николай, за обѣдомъ, указывая на присутствовавшаго дежурнаго флигель-адъютанта Гогеля, сказалъ: „а вотъ Я его послалъ прокатиться недавно въ Иркутскъ, да еще какъ! Прямо отъ стола, изъ-за ужина послалъ; пред-

---

[1]) Россія и русскій дворъ въ 1839 г. Рус. Стар., 1890 г., № 2.

ставь себѣ, что въ Иркутскѣ вздумалъ какой-то архіерей бунтсвать, самъ пошелъ на гауптвахту, и народъ сталъ волноваться, но его скоро уняли, вотъ Гогель тогда къ нему ѣздилъ [1]); да готовься, братъ,—продолжалъ Государь, обратившись къ Гогелю,—опять чрезъ недѣлю или двѣ ѣхать"; „какъ,—сказала Императрица,—опять ѣхать?"; „да, надобно ему ѣхать въ первый корпусъ, посмотрѣть, что тамъ дѣлается". Карцовъ [2]) передаетъ разсказъ флигель-адъютанта Чебышева, сообщившаго ему, „что однажды Государь посылалъ его на югъ разобрать подъ рукой какое-то дѣло, которое представлялось Ему въ различныхъ видахъ, причемъ приказалъ Чебышеву не говорить, куда ѣдетъ, даже въ Главной Квартирѣ; такъ, конечно, Чебышевъ и сдѣлалъ, даже жена его не знала, куда мужъ поѣхалъ; возвратясь, Чебышевъ явился прямо во дворецъ; Государь его принялъ, сидя на столѣ, въ сюртукѣ безъ эполетъ, и, по окончаніи доклада, сказалъ: „видишь, Чебышевъ, людей нѣтъ!", намекая на сохраненіе имъ конфиденціальности.

Приведемъ еще отрывокъ письма генералъ-адъютанта Граббе къ графу Орлову, отъ 5 января 1846 г., письма, краснорѣчиво доказывающаго, что полученіе какихъ-либо командировокъ признавалось чинами Государевой Свиты знакомъ довѣрія, своего рода почетной наградой. Вотъ что писалъ Граббе: „рѣшился я въ возможной краткости открыть то, что въ моемъ настоящемъ положеніи меня безпрерывно мучитъ. На службѣ я генералъ - адъютантъ, а живу въ деревнѣ и праздно. Я глубоко проникнутъ убѣжденіемъ, что въ царствованіе славное, упрочивающее подвигами войны и мира на долгія

---

[1]) О проступкѣ архіепископа сообщаются любопытныя свѣдѣнія въ статьѣ: «Бунтъ архіепископа Иренея въ Иркутскѣ въ 1831 году» (Рус. Стар., 1879 г., I). Генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Ловинскій, 23 сентября 1831 г., доносилъ Императору Николаю I, что, при исполненіи постановленія Синода объ удаленіи архіепископа Иренея отъ управленія епархіей, въ виду разстройства его умственныхъ способностей, архіепископъ заявилъ о признаніи имъ недѣйствительнымъ присланнаго указа; выйдя изъ собора, онъ приказалъ часовому и своимъ служителямъ защищать себя отъ насилія и со словами—„православные воины, защитите меня!"—отправился на главную гауптвахту, въ сопровожденіи солдатъ и постепенно стекавшагося народа. 20 ноября прибылъ въ Иркутскъ флигель-адъютантъ Гогель, а 26-го ноября, ночью, преосвященный Ириней былъ увезенъ изъ Иркутска. Въ мѣстныхъ преданіяхъ передается также разсказъ, что Иреней вздумалъ полемизировать съ флигель-адъютантомъ и сказалъ ему: „ты—адъютантъ царя земнаго, а я—адъютантъ царя небеснаго".

[2]) Изъ воспоминаній стараго лейбъ-егеря. Ист. Вѣстн., 1900 г., № 9, стр. 891.

времена могущества Россіи, человѣку, уже съ дѣлами знакомому, непростительно оставаться терпѣливо и безмолвно празднымъ..." [1]).

Не задаваясь цѣлью исчерпать въ настоящемъ бѣгломъ очеркѣ длинный рядъ командировокъ, исполненныхъ лицами Государевой Свиты, приведемъ для примѣра наиболѣе выдающіяся порученія.

Начнемъ съ командировокъ чисто-военныхъ.

Спеціально-военныя командировки.

На 11 февраля 1844 г. всѣ флигель-адъютанты, состоявшіе въ оберъ-офицерскихъ чинахъ, были приглашены къ Командующему Императорскою Главною Квартирою, и имъ отъ Высочайшаго Имени было предложено принять участіе въ дѣлахъ противъ горцевъ. Въ дѣлахъ Квартиры [2]) сохранилась по этому поводу записка слѣдующаго содержанія: „ниже подписавшіеся, всѣ покорнѣйше просятъ имѣть счастіе участвовать въ походѣ противъ горцевъ". Подъ текстомъ помѣщены подписи: ротмистра Опочинина, капитановъ кн. Голицына и кн. Меншикова, штабсъ-ротмистровъ барона Мирбаха, кн. Гагарина и гр. Ламберта, штабсъ-капитановъ Баранова и Кушелева и поручиковъ Васильчикова и Адлерберга. Послѣдовавшимъ затѣмъ Высочайшимъ соизволеніемъ всѣ указанныя лица были предназначены къ отправленію въ дѣйствующія войска. Но затѣмъ Командующій Императорскою Главною Квартирою, по отношенію къ Опочинину, Меншикову и Гагарину, рапортомъ [3]) донесъ Военному Министру, что „Государь Императоръ, обративъ вниманіе на затрудненія, въ которыхъ находятся эти флигель-адъютанты отлучиться нынѣ отъ семействъ своихъ, Высочайше повелѣть соизволилъ командировку ихъ на Кавказъ отмѣнить". Въ свою очередь Военный Министръ увѣдомилъ Командующаго Квартирою [4]), что отмѣнена командировка и кн. Васильчикова,—„по затруднительнымъ домашнимъ обстоятельствамъ". Наконецъ, сверхъ лицъ, перечисленныхъ выше, изъявилъ желаніе быть отправленнымъ флигель-адъютантъ графъ Канкринъ [5]), и такимъ образомъ, въ войска, дѣйствовавшія противъ горцевъ, были командированы Голицынъ, Мирбахъ, Ламбертъ, Барановъ, Кушелевъ, Адлербергъ и Канкринъ [6]).

---

[1]) Рус. Арх., 1888 г.

[2]) Д. У. И. Г. Кв., 1844 г., № 14.

[3]) Отъ 16 февраля за № 180.

[4]) Письмомъ отъ 5 марта 1844 г., № 1889.

[5]) Объ этомъ гр. Орловъ донесъ Военному Министру рапортомъ отъ 15 февраля 1844 г., за № 155.

[6]) Д. У. И. Г. Кв., 1844 г., № 12.

Указанной командировкѣ Императоръ Николай придавалъ весьма серьезное значеніе, желая представить чинамъ Своей Свиты случай участвовать въ сраженіяхъ, и при возвращеніи въ скоромъ времени оттуда Мирбаха и Кушелева, Государь, на докладѣ объ этомъ графа Орлова [1]), положилъ резолюцію: *„напрасно возвращены до окончанія военныхъ дѣйствій“*.

Точно также лицамъ Свиты поручалось производство осмотровъ различныхъ войсковыхъ частей. Въ 1836 г. командированы для осмотра легкихъ кавалерійскихъ дивизій Свиты Его Величества генералъ маіоры: князь Багратіонъ—7-й и Мусинъ-Пушкинъ—6-й [2]). Въ 1842 г. въ 3-й округъ пахотныхъ солдатъ Новгородскаго удѣла командированъ флигель-адъютантъ полковникъ Астафьевъ—для осмотра Гренадерскаго Его Величества короля Прусскаго полка и въ Нижній-Новгородъ, Москву и Ярославль—для осмотра 2, 3 и 4 учебныхъ карабинерныхъ полковъ; въ этомъ же году отправленъ въ Кронштадтъ флигель-адъютантъ полковникъ Назимовъ—для осмотра Финляндскаго линейнаго № 5 баталіона [3]). Въ 1843 году были командированы [4]): флигель-адъютантъ ротмистръ князь Голицынъ—въ 3-й резервный кавалерійскій корпусъ для наблюденія за успѣшнымъ обученіемъ пѣшему строю нижнихъ чиновъ драгунскихъ полковъ; флигель-адъютантъ полковникъ Назимовъ—въ Тверь и Вязьму, для осмотра формируемыхъ изъ рекрутъ, при 6 пѣхотномъ корпусѣ находящихся, двухъ маршевыхъ батальоновъ; Свиты Его Величества генералъ-маіоръ князь Багратіонъ-Имеретинскій — въ Винницу, Новомиргородъ, Елисаветградъ, Чугуевъ, для осмотра безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ, собранныхъ для учебныхъ упражненій; флигель-адъютанты Л.-Гв. Коннаго полка штабсъ-ротмистръ Мирбахъ и Л.-Гв. Измайловскаго полка поручикъ графъ Канкринъ—„для осмотра нижнихъ чиновъ, назначенныхъ къ выбору изъ 10 гарнизонныхъ батальоновъ на укомплектованіе Черноморскихъ линейныхъ батальоновъ. Въ томъ же году осмотръ войскъ 5 пѣхотнаго корпуса и безсрочноотпускныхъ нижнихъ чиновъ, собранныхъ для учебныхъ занятій, былъ порученъ: въ Вознесенскѣ—состоящему при Особѣ Его Величества

---

[1]) Отъ 20 августа 1844 г.

[2]) Д. У. И. Г. Кв., 1836 г., № 9.

[3]) Д. У. И. Г. Кв., 1842 г., № 10.

[4]) Д. У. И. Г. Кв., 1843 г., № 7.

генералъ отъ инфантеріи Роту, съ назначеніемъ къ нему въ помощь флигель-адъютанта полковника Астафьева, въ Ярославлѣ и Нижнемъ-Новгородѣ—генералъ-адъютанту Храповицкому и въ Новгородѣ, Старой Руссѣ, Динабургѣ и Брестъ-Литовскѣ—генералъ-адъютанту Исленьеву. Въ 1850 г. [1]) командированы Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Ефимовичъ—для осмотра подвижныхъ артиллерійскихъ парковъ дѣйствующей арміи и гренадерскаго артиллерійскаго № 2 парка. Въ 1852 году командированы: Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Астафьевъ и флигель-адъютантъ полковникъ Герштенцвейгъ для осмотра: первый—пѣшихъ войскъ 5-го пѣхотнаго корпуса, а второй—кадровъ резервныхъ и запасныхъ баталіоновъ, съ ихъ складами [2]); Свиты Его Величества генералъ-маіоры Бетанкуръ и Гечевичъ—для осмотра, первый—1-й, а послѣдній 3-й легкихъ кавалерійскихъ дивизій, съ обязательствомъ обратить „особое вниманіе на подробности всѣхъ зимнихъ занятій сихъ заведеній" [3]); Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Ефимовичъ для осмотра постояннаго резерва пѣшей артиллеріи гвардейской, гренадерскаго и шести пѣхотныхъ корпусовъ [4]); Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Лутковскій—въ г. Старобѣльскъ, Харьковской губ., въ село Касторное, Воронежской губерніи, и въ г. Новочеркасскъ—для осмотра конно-артиллерійскихъ батарей [5]). Годъ отъ году подобныя командировки по инспектированію войсковыхъ частей замѣтно увеличиваются, и уже въ 1853 г. [6]) командируются для производства осмотра флигель-адъютанты: маіоръ князь Лобановъ-Ростовскій—10-пѣхотной дивизіи, въ г. Житомиръ; полковникъ баронъ фонъ-Мирбахъ—11-й пѣхотной дивизіи, въ г. Ровно; полковникъ князь Варшавскій графъ Паскевичъ-Эриванскій—12-й пѣхотной дивизіи, въ г. Дубно; ротмистръ Скобелевъ—13-й пѣхотной дивизіи, въ г. Севастополь; штабсъ-ротмистръ Воейковъ—14-й пѣхотной дивизіи, въ г. Одессу; полковникъ графъ Крейцъ 1-й—15-й пѣхотной дивизіи, въ г. Кишиневъ; полковникъ Волковъ 6-й—4-й лег-

[1]) Д. У. И. Г. Кв., 1850 г., № 23.

[2]) Д. У. И. Г Кв., 1852 г., № 14; рапортъ дежурнаго генерала Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества Командующему Квартирой отъ 24 января за № 786.

[3]) Ib., № 14; рап. деж. ген. Гл. Шт. Е. И. В., 22 февр., № 1637.

[4]) Ib., № 14; рап. деж. ген. Гл. Шт. Е. И. В., 2 апр., № 3072.

[5]) Ib., № 14; рап. деж. ген. Гл. Шт. Е. И. В., 18 апр., № 3478.

[6]) Д. У. И. Г. Кв., 1853 г., № 14; рап. деж. ген. Гл. Шт. Е. И. В., 26 февр., № 399.

кой кавалерійской дивизіи, въ г. Винницу; полковникъ князь Васильчиковъ—5-й легкой кавалерійской дивизіи, въ г. Вознесенскъ; полковникъ князь Оболенскій—4-й и 5-й артиллерійскихъ дивизій, въ г. Новоградъ-Волынскій, Острогъ, Летичевъ и Одессу. Сверхъ сего, были возложены порученія на флигель-адъютантовъ: на капитана Коссаговскаго—по осмотру маршевыхъ баталіоновъ, слѣдовавшихъ изъ С.-Петербурга въ Варшаву, на укомплектованіе 2 пѣхотнаго корпуса [1]); на полковника Герштенцвейга—по осмотру резервной дивизіи 5-го пѣхотнаго корпуса [2]); на Свиты Его Величества генералъ-маіоровъ: Демидова 1—по осмотру пѣшихъ полковъ 3-го пѣхотнаго корпуса [3]); князя Голицына 5—по осмотру 2-го резервнаго кавалерійскаго корпуса [4]); на генералъ-адъютанта Толстого 1—по осмотру полковъ 17 и 18 пѣхотныхъ дивизій и батарей 17 и 18 артиллерійскихъ бригадъ. Въ 1854 г. были командированы изъ лицъ Государевой Свиты: генералъ-маіоръ Гечевичъ—для осмотра 1 и 2 легкихъ кавалерійскихъ дивизій [5]); генералъ-маіоръ Бетанкуръ—для осмотра резервныхъ и запасныхъ эскадроновъ 3, 4 и 5 легкихъ кавалерійскихъ дивизій [6]); полковникъ Герштенцвейгъ—для осмотра полковъ 1 пѣхотной дивизіи [7]); генералъ-адъютантъ Ланской—для осмотра 6 драгунскихъ полковъ 2 резервнаго кавалерійскаго корпуса [8]); полковникъ Волковъ—для осмотра войскъ, направленныхъ въ Эстляндію [9]); генералъ-маіоръ князь Меншиковъ—въ гг. Николаевъ и Севастополь, „для осмотра резервныхъ и запасныхъ баталіоновъ 13 и 14 пѣхотныхъ дивизій во всей подробности какъ въ фронтовомъ и хозяйственномъ, такъ и въ прочихъ отношеніяхъ, также для наблюденія за немедленнымъ исправленіемъ замѣченныхъ въ помянутыхъ баталіонахъ флигель-адъютантомъ полковникомъ Герштенцвейгомъ недостатковъ“ [10]); генералъ-маіоръ Шварцъ—для осмотра

[1]) Д. У. И. Г. Кв., 1853 г., № 14; р. д. г. Гл. Шт. Е. И. В., 18 мая, № 4572.
[2]) Ib., № 14; р. д. г. Гл. Шт. Е. И. В., 20 окт., № 11876.
[3]) Ib., № 14; р. д. г. Гл. Шт. Е. И. В., 24 ноября, № 11291.
[4]) Ib., № 14; р. д. г. Гл. Шт. Е. И. В., 1 дек., № 11488.
[5]) Д. И. Г. Кв., 1854 г., № 3; р. д. г. Гл. Шт. Е. И. В., 30 дек., 1853 г., № 12613.
[6]) Ib., р. д. г. Гл. Шт. Е. И. В., 2 янв., № 18.
[7]) Ib., р. д. г. Гл. Шт. Е. И. В., 17 февр., № 1654.
[8]) Ib., р. д. г. Гл. Шт. Е. И. В., 8 марта, № 2658.
[9]) Ib., р. д. г. Гл. Шт. Е. И. В., 9 марта, № 2716.
[10]) Ib., р. д. г. Гл. Шт. Е. И. В., 24 марта, № 3750.

формирующихся резервныхъ и запасныхъ батарей 1 и 2 артиллерійскихъ дивизій [1]); генералъ-маіоръ Чернышевъ—„для осмотра резервныхъ бригадъ 5 и 6 пѣхотныхъ дивизій, на пути ихъ слѣдованія на новыя квартиры, также резервныхъ бригадъ 4, 7, 8 и 9 пѣхотныхъ дивизій, на мѣстахъ ихъ расположенія“ [2]); генералъ-маіоръ Шварцъ—„для осмотра резервныхъ и запасныхъ батарей 3 и 6 артиллерійскихъ дивизій и формируемыхъ въ Лубнахъ резервныхъ и запасныхъ батарей“ [3]); генералъ-адъютантъ Ланской—для осмотра гвардейской кирасирской и 1 легкой гвардейской кавалерійской дивизій [4]); полковникъ Чебышевъ—для осмотра запасной дивизіи 2-го пѣхотнаго корпуса [5]). Значительность командировокъ послѣднихъ изъ указанныхъ лѣтъ, конечно, объясняется Крымскою кампаніею.

Лица Государевой Свиты исполняли и другія военныя порученія.

Въ 1842 г. командированы: флигель-адъютанты штабсъ-капитанъ Барановъ и подполковникъ Адлербергъ—для выбора изъ внутренней стражи нижнихъ чиновъ на сформированіе въ г. Керчи новаго черноморскаго № 3 баталіона; флигель-адъютантъ штабсъ-капитанъ Барановъ — въ распоряженіе финляндскихъ линейныхъ баталіоновъ, для сформированія въ Кронштадтѣ новаго Кавказскаго линейнаго баталіона; флигель-адъютантъ полковникъ Бринъ — въ г. Астрахань, „для переизслѣдованія дѣла по доносамъ есаула 2 полка Астраханскаго казачьяго войска Плесколева о злоупотребленіяхъ командира того полка полковника Донцова“ [6]). Въ 1843 г. флигель-адъютантъ Адлербергъ „оставленъ при войскахъ въ Брестъ-Литовскѣ, для указанія и исправленія нѣкоторыхъ замѣченныхъ Его Величествомъ неисправностей въ отправленіи гарнизонной службы“ [7]). Въ 1845 г. флигель-адъютанту полковнику фонъ-Бринъ поручено произвести осмотръ резерва, учрежденнаго при Таврическомъ гарнизонномъ баталіонѣ и изслѣдовать „причины появившейся въ ономъ эпидемической глаз-

---

[1]) Д. У. И. Г. Кв., 1854 г., № 3; р. д. г. Гл. Шт. Е. И. В., 27 марта, № 3839.

[2]) Ib., р. д. г. Гл. Шт. Е. И. В., 31 марта, № 4008.

[3]) Ib., р. д. г. Гл. Шт. Е. И. В., 14 мая, № 5916.

[4]) Ib., отнош. за Военнаго Министра, 14 окт., № 11314.

[5]) Ib., отнош. за Военнаго Министра, 27 окт., № 14237.

[6]) Д. И. Г. Кв., 1842 г., № 10.

[7]) Д. И. Г. Кв., 1843 г., № 7.

ной болѣзни“ [1]). Въ 1850 г. командированы: Свиты Его Величества генералъ-маіоры Лутковскій и Яфимовичъ—„въ разныя губерніи, для отысканія дубовыхъ лѣсовъ на дѣло артиллеріи и для открытія цѣнъ на сіи лѣса“, и генералъ-адъютанты Плаутинъ и Гринвальдъ — для осмотра ремонтныхъ лошадей, забракованныхъ полками гвардейской кавалеріи [2]). Въ 1851 г., изъ 155,252 экземпляровъ огнестрѣльнаго оружія, принятыхъ изъ войскъ дѣйствующей арміи въ Новогеоргіевскій артиллерійскій гарнизонъ, оказалось 151,061 экземпляръ негодныхъ; для разслѣдованія сего обстоятельства, съ порученіемъ произвести повѣрку пріема ружей и ихъ сортировку, былъ назначенъ генералъ-адъютантъ Огаревъ; въ томъ же году фл.-адъютантъ Дубельтъ былъ командированъ въ г. Вилькомиръ, для разслѣдованія дѣла объ офицерахъ Уланскаго Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полка поручикѣ Горницкомъ и корнетахъ Вильчинскомъ и Гиршѣ, которые, зайдя въ мѣстную кондитерскую, причинили тамъ побои дворянину Кучевскому, а затѣмъ, приведя конвой, отправили его на гауптвахту, гдѣ нанесли ему удары розгами [3]). Въ 1846 г. командированъ въ Кіевъ генералъ-адъютантъ Фельдманъ для изслѣдованія обстоятельствъ обвала земли, происшедшаго 24 августа, „во время работъ по казармѣ на перешейкѣ Кіевской крѣпости“, при чемъ около 20 нижнихъ чиновъ было засыпано и изъ нихъ умерло 16 [4]). Въ 1849 г. въ Кинбурнъ командированъ флигель-адъютантъ полковникъ Дубельтъ—„для изслѣдованія доноса дьячка Кинбурнской крѣпости церкви Николая Васютинскаго, о существующихъ въ этой крѣпости безпорядкахъ“ [5]). Въ 1853 году командированы изъ лицъ Свиты: графъ Орловъ-Денисовъ — „для осмотра Донскихъ казачьихъ № 22, 34 и 37 полковъ, состоящихъ при войскахъ 5-го пѣхотнаго корпуса и затѣмъ для наблюденія за сформированіемъ на Дону новыхъ 6-ти казачьихъ полковъ“ [6]); генералъ-адъютантъ баронъ Мейендорфъ и генералъ-маіоръ Гечевичъ—для осмотра конскихъ заводовъ на Дону [7]); подполковникъ Исаковъ — въ Новгородъ, для разслѣдованія обстоя-

[1]) Д. И. Г. Кв., 1845 г., № 6.
[2]) Д. И. Г. Кв., 1850 г., № 23.
[3]) Д. И. Г. Кв., 1851 г., № 14.
[4]) Д. И. Г. Кв., 1846 г., № 5.
[5]) Д. И. Г. Кв., 1849 г., № 15.
[6]) Д. И. Г. Кв., 1853 г., № 14; пред. Упр. Воен. Мин., 11 февр., № 69.
[7]) Ib., рап. деж. ген. Гл. Шт. Е. И. В., 31 марта, № 952.

тельствъ взрыва, происшедшаго 1 мая того года, близъ Новгорода „въ каменномъ амбарѣ, гдѣ хранились снаряды и порохъ гренадерской и артиллерійской дивизій и другихъ командъ“ [1]); генералъ-маіоръ Шварцъ — для производства слѣдствія по дѣлу о происшедшемъ въ Очаковѣ взрывѣ пороховаго погреба, съ 932 пуд. пороха [2]); генералъ-маіоръ Демидовъ — „для осмотра военныхъ госпиталей и полугоспиталей (Кіевскаго, Каменецъ-Подольскаго, Хотинскаго, Тульчинскаго, Житомірскаго, Тираспольскаго, Бѣлецкаго, Кагульскаго, Килійскаго, Кишиневскаго, Измаильскаго, Ясовскаго, Скулянскаго и Одесскаго)“ [3]); флигель-адъютантъ князь Оболенскій — „въ мѣста квартирнаго расположенія 7, 8 и 9 артиллерійскихъ бригадъ, для изслѣдованія объ отпускныхъ нижнихъ чинахъ, неправильно призванныхъ къ сбору на пополненіе некомплекта въ 4-ой артиллерійской дивизіи“ [4]). Въ 1854 г. получили порученіе флигель-адъютантъ Коссаговскій — по наблюденію, въ мѣстахъ квартирнаго расположенія резервной дивизіи 5-го пѣхотнаго корпуса, „за приведеніемъ въ надлежащее исполненіе сдѣланныхъ по дивизіи сей, вслѣдствіе смотра оной флигель-адъютантомъ полковникомъ Герштенцвейгомъ замѣчаній“ [5]); флигель-адъютантъ Мирбахъ — по осмотру „военныхъ госпиталей, учрежденныхъ въ при-дунайскихъ княжествахъ, и раздачѣ пособія офицерамъ и нижнимъ чинамъ, раненымъ 25 декабря, при с. Четати“ [6]); флигель-адъютантъ Исаковъ — „для наблюденія за скорѣйшимъ формированіемъ воловьихъ транспортовъ въ губерніяхъ, подлежащихъ управленію Кіевскаго Военнаго Губернатора“ [7]); генералъ-маіоръ Баранцовъ — „въ видахъ успѣшнаго приведенія въ исполненіе предположеній къ усиленію обороны Свеаборга“, для „ближайшаго наблюденія надъ работами по укрѣпленію и вооруженія сей крѣпости и для содѣйствія въ томъ генералъ-маіору Неуструеву“ [8]); капитанъ Денъ — въ м. Бѣлую Церковь, „для наблюденія за приготовленіемъ

[1]) Д. У. И. Г. Кв., 1853 г., № 14; отн. нач. III отд. Соб. Е. В. Канц. Воен. Мин., 6 мая, № 1692.

[2]) Ib., предп. 3-е Воен. Мин. 30 іюня, № 905.

[3]) Ib., рап. д. г. Гл. Шт. Е. И. В., 19 іюля, № 6921.

[4]) Ib., рап. д. г. Гл. Шт. Е. И. В., 8 окт., № 11449.

[5]) Д. И. Г. Кв., 1854 г., № 3, рап. д. г. Гл. Ш. Е. И. В., 5 янв., № 37.

[6]) Ib., рап. д. г. Гл. Ш. Е. И. В., 8 янв., № 117.

[7]) Ib., рап. д. г. Гл. Ш. Е. И. В., 19 янв., № 488.

[8]) Ib., предп. Воен. Мин., 4 февр., № 1778.

къ походу 6 саперпаго баталіона" [1]); генералъ-адъютантъ Философовъ—въ кр. Кронштадтъ, „для ближайшаго наблюденія надъ работами по укрѣпленію и вооруженію сей крѣпости" [2]); капитанъ Денъ—въ Бендеры, „для ближайшаго наблюденія за безотлагательнымъ исполненіемъ всѣхъ предлежащихъ распоряженій по приведенію сей крѣпости въ оборонительное положеніе" [3]); генералъ-адъютантъ Огаревъ—въ Нарву, „для успѣшнаго окончанія производящихся по укрѣпленію и вооруженію Нарвы работъ" [4]); князь Голицынъ—„для сопровожденія четвертыхъ баталіоновъ 1 гренадерской дивизіи, направленныхъ изъ настоящаго ихъ расположенія въ г. Гельсингфорсъ, на присоединеніе къ своимъ полкамъ" [5]); генералъ-адъютантъ Огаревъ—„для наблюденія за производящимися по укрѣпленію и вооруженію Кіева работами" [6]); генералъ-маіоры Александровъ и Анненковъ—„для осмотра госпиталей: первый—между Днѣстромъ и Бугомъ, а послѣдній—между Днѣстромъ и Дунаемъ" [7]); флигель-адъютантъ Чертковъ—„для осмотра госпиталей, учрежденныхъ въ районахъ Гурійскаго, Ахалцыхскаго и Александропольскаго отрядовъ" [8]); флигель-адъютантъ князь Зейнъ-Витгенштейнъ-Берлебургъ—„для раздачи пособія воинскимъ чинамъ Эриванскаго и Александропольскаго отрядовъ, раненымъ 17 и 24 іюля въ дѣлѣ при пораженіи турокъ на кавказско-турецкой границѣ" [9]); капитанъ Денъ—„осмотрѣть мѣстность Чонгарской переправы и сообразить, не предстоитъ ли надобности употребить какія-либо фортификаціонныя средства для обезпеченія этого важнаго пути сообщенія съ Крымскимъ полуостровомъ" [10]); флигель-адъютантъ Герштенцвейгъ—„для производства испытанія въ знаніи строевой службы подпрапорщикамъ, переведеннымъ изъ учебныхъ карабинерныхъ полковъ, „для замѣщенія офицерскихъ вакансій въ резервной дивизіи 1-го пѣхотнаго корпуса" [11]); генералъ-маіоръ Бетанкуръ—„для присутствованія,

[1]) Д. У. И. Г. Кв., 1854 г., № 3, рап. д. г. Гл. Ш. Е. И. В., 5 февр., № 1169.
[2]) Ib., отн. дир. канц. Воен. Мин., 27 февр., № 3198.
[3]) Ib., отн. дир. канц. Воен. Мин., 5 марта, № 3486.
[4]) Ib., отн. дир. канц. Воен. Мин., 16 мая, № 7842.
[5]) Ib., предп. 3-е Воен. Мин., 13 мая, № 5372.
[6]) Ib., отн. дир. канц. Воен. Мин., 5 іюня, № 8878.
[7]) Ib., предп. 3-е Воен. Мин., 28 іюня, № 7269.
[8]) Ib., предп. 3-е Воен. Мин., 29 іюля, № 8544.
[9]) Ib., предп. 3-е Воен. Мин., 16 авг., № 9175.
[10]) Ib., отн. дир. канц. Воен. Мин., 14 окт., № 15307.
[11]) Ib., предп. 3-е Воен. Мин., 2 ноября, № 14583.

въ качествѣ посредника, при пріемѣ лошадей на укомплектованіе дѣйствующихъ полковъ 1 и 2 легкихъ кавалерійскихъ дивизій" [1]).

Командировки при рекрутскихъ наборахъ.

Далѣе, изъ порученій военнаго характера, дававшихся лицамъ Государевой Свиты, необходимо сказать нѣсколько словъ о командировкахъ ихъ для присутствованія при производствѣ рекрутскихъ наборовъ и при выборѣ рекрутъ въ гвардейскія части. Необходимость такого командированія объясняется тѣмъ, что при пріемѣ рекрутъ встрѣчались злоупотребленія. Объ этомъ уже было приведено свидѣтельство Гагерна. Кромѣ того, командировался въ 1846 г. генералъ-адъютантъ князь Италійскій графъ Суворовъ-Рымникскій, со специальною цѣлью — произвести „изслѣдованіе о злоупотребленіяхъ, допущенныхъ при отправленіи въ минувшемъ августѣ мѣсяцѣ рекрутъ изъ резервной дивизіи Отдѣльнаго Кавказскаго корпуса въ дѣйствующія войска"; „изслѣдованіе" было признано настолько сложнымъ, что въ помощь къ генералъ-адъютанту былъ назначенъ флигель-адъютантъ полковникъ князь Урусовъ [2]). Наконецъ, нельзя не припомнить, что нерѣдко судебные приговоры касались именно злоупотребленій при пріемѣ рекрутъ; такъ, въ Высочайшемъ приказѣ, отъ 7 марта 1828 г., было объявлено: „курскаго внутренняго гарнизоннаго баталіона подпоручикъ фонъ-Мантейфель и старооскольской команды служащихъ инвалидовъ прапорщикъ Золотухинъ, за противозаконные проступки при пріемѣ рекрутъ, разжаловываются въ рядовые до выслуги, съ опредѣленіемъ въ армейскіе полки.

Подобныя порученія по пріему рекрутъ, дѣлаемыя сначала спорадически, случайно, потомъ развились въ весьма высокой степени, и къ циркулярнымъ распоряженіямъ Инспекторскаго Департамента Военнаго Министерства о производствѣ призыва прилагался длинный списокъ генералъ-маіоровъ Свиты Его Величества и флигель-адъютантовъ, назначенныхъ „для наблюденія за дѣйствіями набора и для выбора рекрутъ въ гвардію, гренадеры, кирасиры, конную артиллерію, кавалерію и саперы".

Получившія такую командировку лица Государевой Свиты обязывались сами отправляться въ уѣздныя присутствія; вслѣдствіе же того, что они не могли „оставаться во всѣхъ уѣздныхъ рекрутскихъ

---

[1]) Д. У. И. Г. Кв., предп. 3-е Воен. Мин., 19 ноября, № 12494.

[2]) Ib., 1846 г., № 5.

присутствіяхъ до окончанія набора, то изъ рекрутъ, которые въ сихъ присутствіяхъ, послѣ произведеннаго ими выбора, приняты будутъ, всѣ имѣющіе ростъ 2 аршина 5 вершковъ и выше", отправлялись „немедленно по закрытіи присутствій, въ губернскіе города, гдѣ генералъ- и флигель-адъютанты" выбирали „изъ нихъ въ гвардію, гренадеры, кирасиры, конную артиллерію и саперы недостающее собственно по назначенію число". Свиты Его Величества генералъ-маіоры и флигель-адъютанты должны были наблюдать за тѣмъ, чтобы принятые рекруты „не задерживались на мѣстахъ набора".

Въ приложеніяхъ приведены списки лицъ Свиты, назначенныхъ для наблюденія за двумя наборами и выборка изъ правилъ по пріему рекрутъ.

Подобная командировка генераловъ Свиты и флигель-адъютантовъ далеко не была пустою формальностью. Это доказывается какъ тѣми выраженіями Монаршаго удовольствія, которыми награждался трудъ командированныхъ лицъ при тщательно выполненномъ наборѣ, такъ и тѣми — далеко не единичными — Высочайшими выговорами, которыми Верховный Вождь арміи порицалъ не вполнѣ удовлетворительный выборъ рекрутъ. Между прочимъ, въ 1850 г. былъ объявленъ выговоръ флигель-адъютанту князю Волконскому за то, что выбранные имъ въ Сибирской губ. рекруты для гвардіи не отвѣчали своему назначенію—„по старообразію и неблаговидности"[1]); свѣдѣніе объ этомъ Высочайшемъ знакѣ неудовольствія было циркулярно сообщено, для руководства, всѣмъ генераламъ Свиты и флигель-адъютантамъ. Точно также былъ объявленъ Высочайшій выговоръ флигель-адъютантамъ, виновнымъ въ томъ, что изъ числа рекрутъ, поступившихъ въ пѣшіе полки Гренадерскаго корпуса въ 1849 и 1850 годахъ, 432 человѣка оказались несоотвѣтствующими службѣ „по малому росту и по дурной наружности"[2]). Порицалось и поведеніе командированнаго лица, въ случаѣ его несоотвѣтствія съ высокимъ званіемъ флигель-адъютанта. Такъ, Командующій Императорскою Главною Квартирою въ 1839 г. препроводилъ къ флигель-адъютанту барону Розену предписаніе такого содержанія [3]): „находясь въ г. Ярославлѣ, для наблюденія за рекрутскимъ наборомъ, Вы неодно-

[1]) Д. И. У. Г. Кв., 1850 г., № 25; предп. Воен. Мин., 8 февр., № 1400.

[2]) Д. У. И Г. Кв., 1851 г., № 58.

[3]) Д. Ш. К. Ж.; отд. И. Г. Кв., № 7; предп. отъ 20 янв.

кратно выступали изъ границъ скромности, коею должны отличаться особы, имѣющія счастіе состоять въ Свитѣ Его Императорскаго Величества, и, обращаясь къ господамъ присутствующимъ въ колкихъ выраженіяхъ, дѣлали намеки на извѣстныя Вамъ злоупотребленія ихъ, упомянувъ, между прочимъ, что если Вы, какъ баронъ Розенъ, и могли бы умолчать о семъ, но вензеля на эполетахъ побуждаютъ Васъ не быть къ этому равнодушнымъ". Наоборотъ, не проходили безъ поощреній успѣшныя командировки: Высочайшими благодарностями за успѣшное выполненіе порученій, можно сказать, пестрятъ Высочайшіе приказы Государя. Для образчика приведемъ, что приказомъ отъ 1 апрѣля 1828 г. было объявлено Высочайшее благоволеніе флигель-адъютантамъ барону Саргеру и фонъ-Моллеру 1-„за отличное исполненіе возложеннаго на нихъ порученія, въ обученіи учебныхъ баталіоновъ 1 и 2 гренадерскихъ дивизій" [1].

Предыдущее изложеніе касалось лишь спеціально военныхъ командировокъ лицъ Свиты. Нельзя не поразиться ихъ разнообразіемъ и обиліемъ. Очевидно, Императоръ Николай питалъ къ персоналу своей Свиты высокое довѣріе и при первой же необходимости воспользоваться дѣятельностью безусловно преданныхъ лицъ обращался за помощью именно къ своей Свитѣ. Любопытный взглядъ Николая Павловича по этому обстоятельству приводитъ графиня Блудова. Вотъ что пишетъ она, между прочимъ [2],—„помнится, что при первомъ назначеніи батюшки статсъ-секретаремъ, въ началѣ царствованія, Государь сказалъ ему: „Вы, статсъ-секретари — Мои гражданскіе генералъ-адъютанты; готовь себя къ различнымъ порученіямъ". Въ связь съ такимъ воззрѣніемъ можно привести и свидѣтельство В. И. Дена, приводимое въ его запискахъ [3]. Являясь Государю Александру II, по случаю назначенія командиромъ 13 Смоленскаго полка, Денъ, на вопросъ Императора, не отказывается ли онъ, Денъ, отъ этого назначенія, отвѣтилъ, что еще при назначеніи его во флигель-адъютанты Николай Павловичъ выразилъ убѣжденіе, что онъ, Денъ, будетъ усерднымъ и „неотказнымъ" адъютантомъ и что онъ никогда ни отъ какой службы не отказывался. Вотъ этою-то способностью флигель-адъютантовъ быть „неотказными" и пользовался Императоръ

[1]) Рус. Инв., 1828 г., № 103.

[2]) Рус. Арх., 1873 г., примѣч. на стр. 2068.

[3]) Рус. Стар., 1890 г., № 5.

Николай I въ своихъ назначеніяхъ лицъ Свиты для исполненія разнообразныхъ порученій.

Трогательные эпизоды передаетъ флигель-адъютантъ Аркасъ въ своихъ запискахъ [1]). Государь послалъ въ Севастополь флигель-адъютанта князя Голицына съ иконою и порученіемъ передать войскамъ отъ Имени Государя Его благословеніе и горячую благодарность и объявить о зачетѣ мѣсяца службы за годъ. Къ самому Аркасу, передъ отъѣздомъ въ послѣднюю командировку, по осмотру пушечныхъ заводовъ въ Петрозаводскѣ, были обращены Монаршія слова: „Я увѣренъ, что это дѣло ты направишь на путь; да хранитъ тебя Господь". При этомъ Государь сдѣлалъ надъ Аркасомъ знаменіе креста, поцѣловалъ его въ лобъ и еще разъ сказалъ: „Прощай" [2]).

Командировки обще-государственнаго характера.

Обращаясь къ командировкамъ общегосударственнаго характера, необходимо прежде всего установить, что подобныя порученія, строго говоря, рѣзко распадаются на двѣ группы: въ однихъ лица Государевой Свиты являлись руководителями особо-важныхъ и особо-сложныхъ слѣдствій, при раскрытіи какихъ-либо крупнѣйшихъ злоупотребленій и преступленій; въ другихъ, наоборотъ, они несли съ собою милосердный Царскій привѣтъ и оказывали помощь и поддержку.

Иллюстрируемъ изложеніе, для наглядности, нѣсколькими примѣрами.

[1]) Истор. Вѣстн., 1901 г., апр.

[2]) Въ запискахъ Аркаса упоминается также, что королева Голландіи Анна Павловна пригласила Аркаса однажды на обѣдъ, на которомъ присутствовалъ одинъ престарѣлый голландскій генералъ; послѣдній, въ виду наступившей войны, просилъ передать Императору Николаю военный „секретъ" для достиженія успѣховъ на войнѣ; по мнѣнію генерала, каждый солдатъ долженъ имѣть при себѣ двѣ маски— черную и красную; въ пылу сраженія, когда наступаетъ рѣшительный моментъ, по опредѣленному заранѣе сигналу, всѣ войска мгновенно должны надѣть черныя маски; это должно произвести панику, и непріятель обратится въ бѣгство; если же этого не послѣдуетъ, то нужно, чрезъ нѣкоторое время, надѣть красныя маски, и тогда уже, по мнѣнію генерала, побѣда будетъ несомнѣнной. Аркасъ не рѣшился безпокоить Государя докладомъ о фантастическомъ проектѣ престарѣлаго генерала. Между тѣмъ, когда Аркасъ, по возвращеніи изъ командировки въ Ригу, для постройки канонерскихъ лодокъ, представлялся Государю, то Онъ внимательно выслушавъ докладъ по послѣдней командировкѣ и затѣмъ какъ-бы что-то вспомнивъ, весьма серьезно спросилъ его: „Отчего ты не сказалъ Мнѣ о секретныхъ предложеніяхъ, сдѣланныхъ тебѣ голландскимъ генераломъ, для передачи Мнѣ?" Оказалось, что, не получая отвѣта и благодарности отъ Государя, этотъ генералъ просилъ королеву узнать о причинѣ этого обстоятельства. Естественно, что Государь расхохо-

15 мая 1852 г., на 7-й верстѣ отъ Ченстохова, произошла катастрофа съ Царскимъ поѣздомъ. Немедленно, для производства разслѣдованія, былъ назначенъ генералъ-адъютантъ Огаревъ, который уже на другой день представилъ свое заключеніе. Государь собственноручно положилъ такую резолюцію: *„дурное состояніе подушекъ подъ рельсами считаю Я непростительною оплошностью Директора дороги, котораго прямая обязанность отвѣчать за исправное и надежное состояніе дороги; въ противномъ случаѣ, ежели нельзя чего исправить, не прекращая на время ѣзды, для исправленія, чего нужно, слѣдовало ему о семъ донести, прекратить ѣзду и только по удостовѣреніи, что все исправно, тогда только объ этомъ донеся, испросить позволеніе возобновить поѣзды; поэтому Г. М. Аврежіо арестовать на мѣсяцъ на гаубтвахту, со внесеніемъ сего штрафа въ формуляръ“* [1]). Директоръ дороги отправился подъ арестъ; изъ дальнѣйшей переписки видно, однако, что 20 мая уже было сдѣлано распоряженіе объ его освобожденіи [2]).

Флигель-адъютантъ Шеміотъ былъ командированъ въ 1839 г.— „для переизслѣдованія производящагося въ Новгородской палатѣ уголовнаго суда дѣла объ убійствѣ мѣщанина Гришина и о злоупотребленіяхъ по порубкѣ и противозаконномъ торгѣ казеннымъ лѣсомъ въ Устюжскомъ и Весьегонскомъ уѣздахъ, Новгородской и Тверской губерній, послѣдствіемъ коихъ было означенное убійство“ [3]).

Флигель-адъютантъ Крузенштернъ въ 1838 г. былъ командированъ въ Мезенскій уѣздъ, „по случаю неповиновенія крестьянъ Ижемской волости, вѣдомства Государственныхъ Имуществъ“.

Флигель-адъютантъ фонъ-Тетенборнъ командированъ въ 1850 г. для слѣдствія по дѣлу о 16 крестьянахъ, сгорѣвшихъ при пожарѣ въ ночь на 6 іюня того года на мызѣ Альтъ-Сааренгофъ, Дерптскаго уѣзда [4]). Въ 1844 г. флигель-адъютантъ Назимовъ 2 — командированъ въ Рославльскій уѣздъ, „для изслѣдованія произведеннаго тамъ крестьянами, съ участіемъ помѣщиковъ и дворянъ, буйства противъ

тался, когда Аркасъ передалъ Ему предложеніе генерала, и сказалъ: „Да, старикъ совсѣмъ изъ ума выжилъ!“.

[1]) Д. Воен. Пох. Канц., 1852 г., № 26.

[2]) Ib., рапортъ Г. А. Гр. Адлерберга Главнокомандующему дѣйствующ. арм. 20 мая, № 263.

[3]) Д. Ш. К. Ж., 1839 г., № 24; рап. деж. ген., 4 марта 1832 г., № 1120.

[4]) Д. И. Г. Кв., 1850 г., № 23

воинской команды и служителей питейнаго откупа, при открытіи ими корчемнаго вина" [1]). Въ 1846 г. флигель-адъютантъ поручикъ князь Васильчиковъ отправленъ въ г. Бугурусланъ, Оренбургской губ., для „изслѣдованія буйственныхъ поступковъ, учиненныхъ п. д. тамошняго городничаго губернскаго секретаря барона Гротгуса" [2]. „По случаю неповиновенія государственныхъ крестьянъ" въ Юхновскомъ уѣздѣ, Смоленской губ., командированъ туда въ 1836 г. флигель-адъютантъ кн. Урусовъ [3]). Въ 1852 г. командированъ въ Воронежскую губернію флигель-адъютантъ Анненковъ 7 — „для изслѣдованія происшествія, заключающагося въ нанесеніи крестьянами селенія Козинокъ, Павлоградскаго уѣзда, ранъ нижнимъ чинамъ 9 эскадрона драгунскаго полка" [4]). Въ 1853 г. отправленъ въ Воронежскую губернію флигель-адъютантъ Крейцъ — „для строжайшаго изслѣдованія неповиновенія крестьянъ баронессы Вревской" [5]). Въ 1854 г., въ ночь на 8 марта, въ Шавельскомъ уѣздѣ, Ковенской губ., „толпа разбойниковъ, вооруженныхъ топорами, напала на помѣщика Талуца, ограбила его и скрылась въ лѣсъ"; на мѣсто происшествія командированъ флигель-адъютантъ Мирбахъ—„на слѣдствіе и для непремѣннаго отысканія виновныхъ и наказанія по полевому уголовному уложенію" [6]). Въ 1847 г. былъ командированъ въ Харьковъ генералъ-адъютантъ Анрепъ для выясненія обстоятельствъ дѣла о растратѣ 43,000 р. казенныхъ денегъ бывшимъ харьковскимъ генералъ-губернаторомъ кн. Долгоруковымъ [7]).

Относительно же командированій лицъ Государевой Свиты въ мѣстности, гдѣ требовалась благотворительная помощь, можно сообщить, что въ 1833 г. былъ неурожай въ нѣкоторыхъ южныхъ губерніяхъ, куда были командированы генералъ-адъютантъ Дьяковъ и флигель-адъютанты князья Трубецкой и Мещерскій. Государь поручилъ Комитету Министровъ составить инструкцію для этой командировки; проектъ инструкціи былъ вскорѣ представленъ Государю и удостоился Высочайшаго утвержденія 15 августа 1833 г. Въ засѣданіи

[1]) Д. И. Г. Кв., 1844 г., № 12.

[2]) Д. И. Г. Кв., 1846 г., № 5.

[3]) Д. И. Г. Кв., 1836 г., № 9.

[4]) Д. И. Г. Кв., 1852 г., № 14; р. д. г. Гл. Шт. Е. И. В., 29 ноября, № 8974.

[5]) Д. И. Г. Кв., 1853 г., № 14; р. д. г. Г. Ш. Е. И. В., 7 авг., № 6198.

[6]) Д. И. Г. Кв., 1854 г., № 3; р. д. г. Г. Ш. Е. И. В., 29 марта, № 3010.

[7]) Проф. Середонинъ. Истор. обз. дѣят. Ком. Мин., II, ч. I, 116—117.

Комитета Министровъ 25 сентября 1833 г. генералъ-адъютантъ Чернышевъ, однако, объявилъ, что „Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ предложить на обсужденіе Комитета, не полезно ли бы было командировать въ каждую нуждающуюся губернію по одному флигель-адъютанту“. Комитетъ полагалъ, между прочимъ, что, „можетъ быть, удобнѣе было бы отложить таковую сближенную присылку чиновниковъ, при Высочайшемъ Лицѣ состоящихъ [1]), дабы не возбудить симъ какъ въ жителяхъ, такъ и въ начальствахъ новую тревогу, являя имъ какъ бы знакъ усиливающихся опасеній правительства“. На журналѣ означеннаго засѣданія Государь сдѣлалъ собственноручную отмѣтку: *„посылку флигель-адъютантовъ полагаю Я сдѣлать совершенно въ иномъ видѣ, чѣмъ то поручено Г. А. Дьякову и посланнымъ съ нимъ. Мое намѣреніе состоитъ въ томъ, чтобы посылаемые вновь адъютанты, получивъ изъ М. Ф. списки казеннымъ волостямъ, отправясь по губерніямъ, объѣхали всѣ казенныя волости, вникнувъ въ настоящее оныхъ положеніе и донесли Мнѣ:*

1) *Въ какомъ положеніи ихъ продовольствіе.*

2) *Какія мѣры приняты для дальнѣйшаго прокормленія ихъ.*

3) *Въ какомъ положеніи засѣвы.*

4) *Есть ли запасы для весеннихъ посѣвовъ.*

О найденномъ сообщить какъ Мнѣ сейчасъ, такъ и главному мѣстному начальству“ [2]).

Въ „проектѣ инструкціи генералъ-адъютанту и флигель-адъютантамъ, командированнымъ, по Высочайшему повелѣнію, въ нѣкоторыя губерніи для соображеній по народному продовольствію“, указывается, что означенное отправленіе лицъ Свиты предпринимается „дабы, съ одной стороны, придать болѣе дѣятельности принимаемымъ мѣрамъ и получить дополнительныя о настоящемъ положеніи вещей свѣдѣнія, а съ другой,— явить жителямъ новый знакъ непрестанной заботливости и личнаго вниманія Его Величества къ постигающимъ ихъ бѣдствіямъ“.

Инструкція точно означала права и обязанности командируемыхъ чиновъ, въ порученіе коихъ „не вмѣщались никакія мѣры распорядительныя“; эти чины обязывались „удостовѣриться въ настоящемъ

[1]) Т. е. флигель-адъютантовъ.

[2]) Проф. Середонинъ, op. cit., ч. I, 187—189.

положенiи продовольствiя“ и только, „если бы Малороссiйскiй военный губернаторъ призналъ нужнымъ употребить содѣйствiе“ ихъ, то они „въ такомъ случаѣ не должны отказывать въ участiи“. „Для оказанiя самымъ нуждающимся въ продовольствiи людямъ нѣкотораго денежнаго на первый случай пособiя безъ возврата и въ видѣ подаянiя“ выдавалось генералъ-адъютанту 100,000 р. [1]).

Во время голода въ Псковской губернiи, въ 1846 г., былъ командированъ флигель-адъютантъ Опочининъ, на рапортъ коего, съ донесенiемъ о результатахъ его осмотра, была положена Высочайшая резолюцiя „*ужасный рапортъ, сообщить въ Комитетъ Министровъ*“ [2]). Въ этомъ же году былъ отправленъ въ Витебскую губернiю Свиты генералъ-маiоръ Галаховъ — „для обозрѣнiя мѣръ, принятыхъ къ обезпеченiю народнаго продовольствiя и прочихъ, сопряженныхъ съ этимъ, обстоятельствъ и видовъ“. Въ данной генералъ-маiору Галахову инструкцiи изложено, что онъ долженъ „удостовѣриться, совершенно ли обезпечено народное продовольствiе до слѣдующаго урожая и въ какомъ состоянiи здоровье крестьянъ“, а изъ отпущенныхъ ему 2,000 р., „вникнувъ въ положенiе бѣднѣйшихъ обитателей, преимущественно находящихся въ годовомъ и безсрочномъ отпускахъ нижнихъ чиновъ и отставныхъ солдатъ“, выдавать „бѣднѣйшимъ и истинно нуждающимся въ помощи — пособiе, но съ тѣмъ, однако же, чтобы этою мѣрою безсрочно-отпускные и отставные солдаты не были возбуждены къ испрошенiю пособiя, предназначаемаго единственно для тѣхъ, которые не въ состоянiи нынѣ пропитать себя трудами“ [3]). Словомъ, инструкцiя ограничивала сферу дѣятельности Галахова съ одной стороны пассивною ролью простого и вѣрнаго наблюдателя экономическаго и санитарнаго состоянiй губернiи, а съ другой—ролью филантропа. И по общему характеру эта инструкцiя весьма близко сходна съ вышеприведенною инструкцiею 1833 г.: разница лишь та, что согласно инструкцiи 1833 г. наиболѣе нуждавшимися изъ всѣхъ состоянiй признавались мѣщане, а по инструкцiи 1846 г. — отставные и отпускные нижнiе чины.

Въ 1846 году, состоящiй въ должности Рязанскаго губернатора сообщилъ, что въ г. Скопинѣ было 14 августа получено письмо

[1]) Проф. Середонинъ, op. cit., ч. II, 343—344.

[2]) Ib., ч. I, 206—207.

[3]) Д. II. Г. Кв., 1846 г., № 5.

съ угрозою поджечь городъ; 31 августа, дѣйствительно, вспыхнулъ пожаръ, уничтожившій 259 обывательскихъ дворовъ. На Высочайшемъ, по поводу этого обстоятельства, докладѣ Государь положилъ собственноручную резолюцію: *„послать флигель-адъютанта на мѣсто, давъ 3 т. сер. на первыя вспоможенія, и строго изслѣдовать и непремѣнно найти поджигателей“*. Отправленъ былъ въ г. Скопинъ Тимашевъ, но виновные, къ сожалѣнію, обнаружены не были [1]). Въ 1852 г., 14 іюня, произошелъ пожаръ на новомъ форштадтѣ Динабургской крѣпости; для подачи первой помощи погорѣвшимъ былъ командированъ генералъ-маіоръ Свиты Его Величества князь Голицынъ 5-й, коему для этой цѣли было выдано 3,000 р. [2]). Для оказанія помощи пострадавшимъ отъ пожара, бывшимъ 12 мая 1854 г. въ г. Самарѣ, былъ отправленъ туда флигель-адъютантъ графъ Барановъ, съ выдачею ему для раздачи пособій 5,000 р. [3]).

Участіе Свиты въ придворныхъ церемоніяхъ.

Относительно участія лицъ Государевой Свиты въ придворной жизни приведемъ нѣсколько краткихъ указаній.

Почетнымъ назначеніемъ должно быть признано командированіе для сопутствованія Государя въ Его путешествіяхъ. Обыкновенно, самъ Государь лично отмѣчалъ, кого именно изъ лицъ своей Свиты Онъ избираетъ для сопутствованія.

Въ дѣлахъ Императорской Главной Квартиры имѣется слѣдующая записка графа Адлерберга отъ 11 августа 1852 г.: „препровождаю къ вамъ списокъ генералъ-адъютантамъ, генералъ-маіорамъ Свиты и флигель-адъютантамъ, на которомъ Государь Императоръ изволилъ отмѣтить, куда кому ѣхать. Если распоряженія по сему должны быть сдѣланы въ Петербургѣ, то пришлите къ князю Меншикову“. Къ письму приложенъ списокъ лицъ Свиты, въ коемъ собственноручно Его Величествомъ отмѣчено противъ соотвѣтствующихъ фамилій генералъ-адъютантовъ: Толстого — *„въ Вознесенскъ“*, барона Липена — *„въ Гомель и Чугуевъ“*, графа Ржевускаго — *„въ Елисаветградъ“*, Огарева — *„въ Чугуевъ и Елисаветградъ“*, Свиты Его Величества генералъ-маіоровъ князя Голицына (противъ коего приписано — проситъ о командированіи въ Чугуевъ) — *„да“*, Яфимовича — *„въ Гомель“*, Лутковскаго — *„въ Елисаветградъ“*, графа Орлова-Денисова (противъ коего

[1]) Д. У. И. Г. Кв., 1846 г., № 74.

[2]) Д. У. И. Г. Кв., 1852 г., № 14; рап. деж. ген. Гл. Ш. Е. И. В., 24 іюня, № 5037.

[3]) Д. У. И. Г. Кв., 1854 г., № 3; пред. 3-е Воен. Мин., 25 мая, № 5290

приписано—проситъ о командированіи въ Чугуевъ) — „*да*“, Бетанкура и Демидова—„*въ Елисаветградъ и Вознесенскъ*“, князя Урусова 2 „*въ Гомель*“, Гечевича — „*въ Чугуевъ и Елисаветградъ*“; флигель-адъютантовъ: Истомина—„*въ Николаевъ*“, Анненкова — „*въ Чугуевъ и Елисаветградъ*“, Мирбаха—„*въ Елисаветградъ*“, графа Гейдена — „*въ Вознесенскъ*“, Ахматова — „*въ Чугуевъ и Вознесенскъ*“, Исакова — „*въ Гомель и Вознесенскъ*“, князя Лобанова-Ростовскаго — „*въ Гомель*“, барона Фредерикса — „*въ Николаевъ*“, барона фонъ-Тетенборна — „*въ Гомель и Елисаветградъ*“, графа Орлова—„*со Мной*“, Стюрлера—„*въ Чугуевъ и Елисаветградъ*“, Гербеля (противъ коего приписано—проситъ о командированіи въ Елисаветградъ) — „*да и въ Вознесенскъ*“, князя Оболенскаго—„*въ Гомель и Елисаветградъ*“, Скобелева и графа Левашова — „*въ Чугуевъ и Вознесенскъ*“ [1]). Нельзя не отмѣтить, что каждое заявленіе о желаніи быть командированнымъ въ извѣстный пунктъ принималось Государемъ во вниманіе и въ соотвѣтствіи съ этимъ ставилась резолюція. Точно также и въ 1853 г., передъ поѣздкой въ Варшаву, былъ представленъ Государю списокъ лицъ, на которомъ тоже Онъ положилъ собственноручныя резолюціи: „*въ Варшаву*“ противъ фамилій генералъ-маіоровъ Шварца, князя Радзивила, Гечевича и флигель-адъютантовъ — Мирбаха, кн. Паскевича, Стюрлера, Гербеля, Коссаковскаго и гр. Левашова, „*съ нами*“ —противъ фамилій генералъ-маіора князя Меншикова и флигель-адъютанта Волкова, „*въ Москву*“—противъ фамилій фл.-ад. Ахматова, князя Оболенскаго и князя Крапоткина и „*въ Кіевъ*“—противъ фамиліи фл.-ад. Исакова [2]).

Въ 1832 г. было повелѣно флигель-адъютантамъ графу Ивеличу и Гогелю отправиться: первому—въ г. Порховъ, а послѣднему—въ г. Новгородъ и ожидать тамъ прибытія Его Величества. Въ 1838 г. къ отъѣзду за границу съ Государемъ были назначены флигель-адъютанты баронъ Ливенъ и графъ Васильчиковъ 2; на спискѣ же генералъ-маіорамъ Свиты и флигель-адъютантамъ, представленномъ на Высочайшее благоусмотрѣніе для выбора этихъ лицъ, собственною рукою Императора Николая сдѣлана помѣтка: „*по отъѣздѣ моемъ всѣмъ г.-м. въ Свитѣ и ф.-а. явиться къ Е. В. Михаилу Павловичу и*

[1]) Д. У. И. Г. Кв., 1852 г., № 14, л. 28—31.

[2]) Д. У. И. Г. Кв., 1853 г., № 14, лл. 46—47.

состоять при немъ до Моего возвращенія; изъ нихъ назначеннымъ въ Варшаву явиться туда" [1]). Любопытно, что въ 1835 г., при отъѣздѣ Великаго Князя Михаила Павловича за границу, было сдѣлано распоряженіе, какъ разъ противоположное вышеприведенному. Въ письмѣ отъ 8 мая 1835 г., Великій Князь писалъ Командующему Квартирою: „Государю Императору благоугодно было Всемилостивѣйше повелѣть, чтобы состоящіе при мнѣ и остающіеся здѣсь адъютанты имѣли счастіе, во время пребыванія моего за границею, находиться при Особѣ Его Величества" [2]).

Назначаемы были лица Свиты и къ иностраннымъ державнымъ особамъ, прибывающимъ въ Россію. Такъ, въ 1842 г. состояли: флигель-адъютантъ Глазенапъ — при принцѣ Генрихѣ Нидерландскомъ, Свиты генералъ-маіоръ баронъ Мейендорфъ — при принцѣ Вильгельмѣ Прусскомъ, генералъ-адъютантъ князь Лобановъ-Ростовскій и флигель-адъютантъ графъ Тизенгаузенъ—при королѣ Прусскомъ, флигель-адъютантъ князь Радзивилъ—при принцѣ Нассаускомъ, Баратынскій—при эрцъ-герцогѣ Австрійскомъ и Крузенштернъ—при герцогѣ Нассаускомъ [3]).

При печальныхъ церемоніяхъ погребенія лицъ Августѣйшаго Семейства Свита тоже принимала видное участіе. Тѣло почившаго въ Таганрогѣ Александра I сопровождалось въ С.-Петербургъ „генералъ-адъютантомъ графомъ Орловымъ, съ десятью флигель-адъютантами" [4]). Донесенія объ обстоятельствахъ перевезенія тѣла графъ Орловъ сообщалъ Начальнику Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества. Въ одномъ изъ этихъ отношеній [5]) графъ Орловъ излагалъ: „мнѣ весьма пріятно вмѣнить себѣ въ непремѣнную обязанность отдать полную справедливость неусыпнымъ трудамъ исполняющему должность начальника штаба флигель-адъютанту Кокошкину, г. генералъ-маіору князю Волконскому и всѣмъ гг. флигель-адъютантамъ Его Императорскаго Величества, съ примѣрною ревностью исполняющимъ священную свою обязанность". По прибытіи тѣла въ село Коломенское были назначены дежурными при гробѣ „находящіеся здѣсь",

[1]) Д. И. Г. Кв., 1838 г., № 37.
[2]) Д. И. Г. Кв., 1835 г., № 16.
[3]) Д. И. Г. Кв., 1842 г., № 29.
[4]) Сѣверная Пчела, 1826 г., № 11.
[5]) Ib., № 12, отношеніе отъ 18 января, за № 53, изъ села Курасова.

какъ доносилъ графъ Орловъ, „генералъ-адъютанты графъ Остерманъ-Толстой, баронъ Розенъ, Сиверсъ и другіе, при тѣлѣ состоящіе генералы и флигель-адъютанты“ [1]).

Для нѣкоторой иллюстраціи изложенія приведемъ донесенія генералъ-адъютанта графа Орлова-Денисова о встрѣчѣ въ Москвѣ тѣла Императора Александра I и о вскрытіи въ Чашникахъ гроба Августѣйшаго усопшаго.

Въ своемъ письмѣ къ князю Юсупову [2]) графъ Орловъ-Денисовъ, между прочимъ, сообщалъ, что при его ознакомленіи съ церемоніаломъ вступленія въ Москву, имъ, Орловымъ, усмотрѣно отступленіе отъ общихъ правилъ: такъ, „предъ колесницею назначено предшествовать камеръ-юнкеру Шипову, что до сего времени исполнялось оберъ-вагенмейстеромъ Соломкою, который изъ самаго Таганрога до нынѣ на всякомъ шагу занималъ сіе мѣсто; сверхъ того, находясь 12 лѣтъ при блаженной памяти Государѣ Императорѣ, сопровождалъ Его во всѣхъ вояжахъ, то и полагаю, по всей справедливости не долженъ онъ быть лишенъ сей чести въ семъ церемоніалѣ“; далѣе, „генералъ- и флигель-адъютантамъ покойнаго Государя Императора назначено быть рядомъ съ колесницею; во всѣхъ же церемоніалахъ оные, какъ составляющіе ближайшую свиту, слѣдовали за гробомъ, сообразно съ церемоніаломъ блаженныя памяти Государя Императора Павла I-го, гдѣ они были за Государемъ первые“; затѣмъ Орловъ писалъ: „удостовѣрясь опытомъ, что, несмотря на пламенное усердіе генераловъ и флигель-адъютантовъ, по чрезвычайной тяжести гроба, одни они поднять его не въ состояніи, ибо во все время пути употреблялись для сего, сверхъ взятыхъ изъ Таганрога 10 выбранныхъ лейбъ-казаковъ, 20 человѣкъ самыхъ сильныхъ и надежныхъ рядовыхъ подъ особеннымъ наблюденіемъ полковника Соломки, котораго, по пріобрѣтенному въ семъ навыку, никѣмъ замѣнить невозможно, а потому полагаю необходимымъ приготовить вышеписанное число унтеръ-офицеровъ или рядовыхъ, приказавъ имъ заблаговременно къ нему явиться какъ для перенесенія гроба въ слободѣ Даниловской, такъ для снятія и внесенія въ Архангельскомъ соборѣ; генералы же и флигель-адъютанты будутъ имъ въ семъ содѣйствовать“;

[1]) Сѣверная Пчела, 1826 г., № 18.

[2]) Отъ 2 февр. 1826 г., дѣло канц. Воен. Мин. 1826 г., № 153.

наконецъ, графъ Орловъ-Денисовъ усмотрѣлъ, что „не назначено, кому снимать покровъ" и „дежурство при гробѣ генералъ- и флигель-адъютантовъ въ Архангельскомъ соборѣ не показано, тогда какъ во все время шествія, кромѣ ежедневно дежурившихъ флигель-адъютантовъ, коль скоро позволяла возможность, дежурили генералъ-адъютанты".

9 февраля, за № 145, графъ Орловъ доносилъ барону Дибичу, что „въ селѣ Чашниковѣ, 7 февраля, въ $7^1/_2$ часовъ пополудни, по удаленіи всѣхъ постороннихъ изъ церкви, господами генералъ-адъютантами: графомъ Остерманомъ-Толстымъ, Бороздинымъ, Сипягинымъ, мною, господами флигель-адъютантами полковниками: Германомъ, Шкуринымъ, Кокошкинымъ, графомъ Залуцкимъ и ротмистромъ Платунымъ, также г. гвардіи полковникомъ Соломкою, Кавалергардскаго полка ротмистромъ Араповымъ и медико-хирургомъ Тарасовымъ, для удостовѣренія на счетъ положенія самого тѣла почившаго въ Бозѣ Государя Императора Александра I-го, предпринимаемо было вскрытіе свинцоваго гроба и по тщательнѣйшемъ осмотрѣ онаго оказалось", что тѣло не измѣнило своего положенія и что, „кромѣ ароматнаго и бальзамическаго запаху, никакого газу не было примѣтно".

Мартосъ, въ своихъ запискахъ [1]) подъ 25 ноября, отмѣчаетъ: „изъ Черкасска выписаны уже 4 генерала для дежурства и 6 полковниковъ для часовыхъ"; подъ 9 декабря—„сего числа получилъ нашъ судъ и градоначальникъ указы изъ общаго собранія, о приведеніи на вѣрность службы новому Императору Константину Павловичу, каковой обрядъ и будетъ выполненъ завтрашняго числа вмѣстѣ съ генералъ-адмиралами, генералъ-губернаторомъ и со всѣмъ дворомъ"; подъ 11 декабря—при выносѣ тѣла, „исключая генералъ-адъютантовъ и всего двора, бывшихъ въ мантіяхъ и въ распущенныхъ шляпахъ, мы всѣ были въ однихъ мундирахъ и съ открытыми головами". Бутаковъ же въ письмахъ къ своему брату сообщалъ, между прочимъ [2]): „гробъ вѣситъ семьдесятъ пудовъ; въ церемоніалѣ забыли бездѣлицу—означить мѣста генералъ- и флигель-адъютантовъ; только графъ Остерманъ, ставши за гробомъ, сказалъ—я здѣсь пойду, и мои товарищи, конечно, послѣдуютъ моему примѣру; „гдѣ же я

[1]) Послѣдніе дни Александра I. Ист. Вѣст., 1896 г., февр.

[2]) Рус. Арх., 1901 г., письмо А. Я. Бутакова.

пойду?“ спросилъ Юсуповъ. На это, пишетъ Бутаковъ, послѣдовалъ отвѣтъ: „Государя видали и безъ Васъ, а въ сраженіяхъ, въ обществахъ и на улицахъ Государь всегда былъ сопровождаемъ нами“, т. е. генералъ- и флигель-адъютантами. Въ Москвѣ, „у правой стороны гроба стоялъ генералъ-адъютантъ, а у лѣвой (въ головахъ) — флигель-адъютантъ. Первымъ очередь досталась Ожаровскому и Александру Строганову, потомъ (все черезъ три часа) Розену и Basile нашему, тамъ Потемкину и Шкурину, тамъ Сипягину и Герману, а тамъ Бороздину и Мансурову“.

Въ церемоніалѣ для выноса тѣла почившаго Цесаревича Константина Павловича изъ Витебскаго Успенскаго собора и для „шествія въ С.-Петербургъ“ указаны участвовавшими: генералъ-адъютантъ Колзаковъ, Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Феншъ и флигель-адъютанты князь Мещерскій, Филлипеусъ, Баратынскій, Трембицкій, Александровъ, Грессеръ, Безобразовъ, Монрое и Гогель [1]).

Наконецъ, лица Государевой Свиты исполняли разнообразнѣйшія дипломатическія и другія, не указанныя въ предыдущемъ изложеніи, порученія.

Другія, неуказанныя въ предыдущемъ очеркѣ, порученія.

Предвидя въ 1829 г. конецъ войны съ Турціею, Николай Павловичъ отправилъ въ армію графа Дибича, для веденія мирныхъ переговоровъ, генералъ-адъютанта графа А. Ѳ. Орлова, про котораго Императоръ писалъ Дибичу въ письмѣ отъ 9 іюня 1829 г., что это — „un homme sûr d'ésprit et un nom russe“ [2]). Въ 1839 году былъ отправленъ въ Константинополь флигель-адъютантъ Ржевусскій „для принесенія обычныхъ поздравленій Турецкому султану Абдулъ-Меджиду“ [3]).

Въ 1853 году „для присутствованія при маневрахъ, имѣющихъ начаться въ окрестности Берлина $\frac{31 \text{ августа}}{12 \text{ сентября}}$, командированы генералъ-адъютанты Гринвальдъ и баронъ Ливенъ [4]). Въ 1852 году командированъ генералъ-адъютантъ вице-адмиралъ Путятинъ, на фре-

---

[1]) Ib., № 10. При перевезеніи тѣла Цесаревича Константина Павловича въ Петербургъ, при генералъ-адъютантѣ Бенкендорфѣ были назначены состоять флигель-адъютанты князь Мещерскій и Баратынскій (Д. И. Г. Кв., 1831 г., № 10).

[2]) Шильдеръ. Императоръ Николай I и Восточный вопросъ. Рус. Стар. 1901 г., апр.

[3]) Д. Ш. К. Ж., отд. II. Гл. Кв., 1839 г., № 24.

[4]) Д. У. И. Г. Кв., 1853 г., № 14, пред. Воен. Мин., № 564.

гатѣ Паллада [1]), „къ Американскимъ колоніямъ нашимъ для обозрѣнія“ [2]).

Въ томъ же году, Высочайше повелѣно генералъ-адъютанту Гринвальду—„если состояніе его здоровья дозволяетъ ему предпринять путешествіе“—отправиться въ г. Пештъ, „для присутствованія при маневрахъ Императорско-Австрійскихъ войскъ“, имѣющихъ продолжиться 16 дней; въ Пештѣ же долженъ былъ передать ему генералъ-адъютантъ баронъ Ливенъ, „какія именно свѣдѣнія относительно австрійской кавалеріи Его Величество желаетъ имѣть“ [3]).

Въ 1842 г. командированъ въ г. Мюнхенъ Свиты генералъ-маіоръ Киль —„по предмету приготовляемыхъ тамъ для Его Императорскаго Величества профессоромъ Гессе живописныхъ картинъ“ [4]).

Въ заключеніе упомянемъ еще о такихъ весьма почетныхъ командировкахъ, какъ отправленіе „для присутствованія со стороны Морскаго Вѣдомства при открытіи 17-го августа 1852 года памятника Петру I, въ селѣ Веськовѣ, на берегу Переяславскаго озера“ (фл.-ад. кн. Голицына) [5]) или для присутствованія „отъ Августѣйшаго лица Его Величеста“ при открытіи 9 мая 1853 г. сооруженнаго въ г. Новочеркасскѣ памятника графу Платову [6]).

Любопытный „списокъ флигель-адъютантовъ въ послѣдній годъ царствованія Императора Николая Павловича“, снабжая его „особенными отмѣтками“, приводитъ фл.-ад. Денъ въ своихъ запискахъ [7]).

Вотъ этотъ списокъ, приведеніе коего въ настоящемъ мѣстѣ слѣдуетъ признать умѣстнымъ въ виду того, что Денъ отмѣчаетъ, кто именно изъ флигель-адъютантовъ исполнялъ командировки.

1. Баронъ Э. И. Мирбахъ.
2. А. Д. Герстенцвейгъ [8]).
3. Князь Ѳ. И. Паскевичъ.

---

[1]) Фрегатъ Палладу обезсмертилъ своимъ извѣстнымъ трудомъ одинъ изъ величайшихъ русскихъ писателей—И. А. Гончаровъ.

[2]) Д. У. И. Г. Кв., 1852 г., отнош. Упр. Мор. Мин. Вел. Кн. Константина Николаевича, 18 авг., № 2516.

[3]) Д. У. И. Г. Кв., 1852 г., № 14, рап. ген.-ад. Игнатьева, 26 авг., № 8813.

[4]) Д. У. И. Г. Кв., 1842 г., № 10.

[5]) Д. У. И. Г. Кв., 1852 г., № 14, л. 19.

[6]) Д. У. И. Г. Кв., 1852 г., № 14, л. 10.

[7]) Рус. Стар., 1890 г., № 7.

[8]) Въ оффиціальныхъ актахъ онъ называется Герштенцвейгомъ.

4. А. П. Ахматовъ.

5. Графъ Г. К. Крейцъ.

6. Князь П. Р. Багратіонъ.

7. Н. Д. Чебышевъ, въ гренадерскомъ полку, юбилейный.

8. Баронъ Тетенборнъ.

9. Князь Эмиль Витгенштейнъ.

10. Н. А. Аркасъ, флотскій.

11. Князь М. П. Голицынъ.

12. И. С. Унковскій.

13. Князь М. Б. Лобановъ, на Кавказѣ.

14. Н. П. Фредериксъ, флотскій; на его дежурствѣ скончался Государь Николай Павловичъ.

15. Б. А. Перовскій, не помню, чтобы кромѣ рекрутскихъ наборовъ получалъ порученіе.

16. А. Н. Стюрлеръ.

17. Д. К. Гербель.

18. В. И. Денъ.

19. П. П. Альбединскій.

20. Князь Д. А. Лобановъ.

21. А. П. Веймарнъ, при Главной Квартирѣ.

22. Графъ А. С. Строгоновъ, только за рекрутами.

23. Графъ А. П. Шуваловъ.

24. Графъ Н. В. Левашевъ.

25. Г. И. Чертковъ.

26. Графъ Н. Т. Барановъ.

27. Графъ Ѳ. Д. Алопеусъ, командовалъ Александрійскимъ гусарскимъ полкомъ.

28. Князь А. Б. Куракинъ, командовалъ дивизіономъ въ Кавалергардскомъ полку.

29. Князь М. Д. Волконскій, командовалъ Муромскимъ пѣхотнымъ полкомъ.

30. С. Е. Кушелевъ, командовалъ гренадерскимъ Барклая-де-Толли полкомъ.

31. Н. Н. Анненковъ, вице-директоръ инспекторскаго департамента Военнаго Министерства.

32. Князь В. Д. Голицынъ, въ Л.-Гв. Уланскомъ полку, команд. дивизіономъ.

33. Графъ Ѳ. Л. Гейденъ, начальникъ штаба 1 пѣхотнаго корпуса.

34. Графъ В. Е. Канкринъ, командовалъ Кинбурнскимъ драгунскимъ полкомъ.

35. Князь В. И. Васильчиковъ, въ Валахіи, при кн. М. Д. Горчаковѣ.

36. М. Л. Дубельтъ, командовалъ Бѣлорусскимъ гусарскимъ полкомъ.

37. А. Е. Тимашевъ, начальникъ штаба драгунскаго корпуса.

38. Князь Г. Г. Гагаринъ, въ отсутствіи по рисованію въ Грузіи [1]).

39. Баронъ Л. П. Николаи, командовалъ полкомъ на Кавказѣ.

40. Графъ Н. А. Орловъ, при фельдмаршалѣ Паскевичѣ, на Дунаѣ.

41. Князь А. В. Оболенскій.

42. И. Г. Сколковъ, въ Крыму, при князѣ Меншиковѣ.

43. Д. И. Скобелевъ, на Кавказѣ.

44. Бревернъ, сошелъ съ ума сейчасъ по назначеніи.

45. А. М. Дренякинъ, юбилейный, въ Л.-Гв. Измайловскомъ полку.

46. Князь А. Н. Крапоткинъ.

47. П. А. Воейковъ, при князѣ Паскевичѣ.

48. Л. А. Чернышевъ.

Заканчиваетъ Денъ свой списокъ замѣчаніемъ: „собственно въ прямой зависимости и распоряженіи Государя Николая Павловича было 25 (первые по списку); за исключеніемъ флотскихъ—21, а такихъ, которые получали порученія, кромѣ дежурствъ и рекрутскаго набора, только 10“.

[1]) Какъ изложено въ отношеніи Инспекторскаго Департамента Военнаго Министерства отъ 17 декабря 1854 г., за № 14885, кн. Гагаринъ былъ назначенъ „состоять при Ея Императорскомъ Высочествѣ Великой Княжнѣ Маріи Николаевнѣ по Академіи Художествъ“ (Д. У. И. Г. Кв., 1854 г., № 16).

V.

Отношеніе Императора Николая I къ Свитѣ.—Черты службы чиновъ Свиты.

Участіе гвардіи и будущихъ генералъ- и флигель-адъютантовъ въ усмиреніи бунта 14 декабря 1825 г.

Обращаясь къ изложенію вопроса о внутренней жизни Государевой Свиты въ царствованіе Императора Николая I, слѣдуетъ прежде всего остановиться на участіи гвардейскихъ частей въ подавленіи безпорядковъ, происшедшихъ въ С.-Петербургѣ 14 декабря 1825 г. За сохраненіе вѣрности присяги Императору Николаю I начальствующія лица этихъ войсковыхъ частей въ весьма значительномъ числѣ удостоились назначенія въ Свиту Государя. Самъ Императоръ Николай, въ письмѣ къ графу Витгенштейну, писалъ 15 декабря 1825 г.: „Гвардія себя показала, какъ достойно памяти ея покойнаго благодѣтеля“ [1]). И одною изъ царскихъ наградъ было пожалованіе весьма многихъ строевыхъ гвардейскихъ офицеровъ —генералъ- и флигель-адъютантами.

Высочайшими приказами 14 и 15 декабря въ званіе генералъ- и флигель-адъютантовъ было пожаловано 47 человѣкъ. Приказомъ отъ 14 декабря были пожалованы званіемъ генералъ-адъютанта генералъ-маіоры Ушаковъ 2 (съ назначеніемъ состоять при Его Императорскомъ Высочествѣ Наслѣдникѣ), Стрекаловъ и Потаповъ (дежурный генералъ Главнаго Штаба Его Императорскаго Высочества), а флигель-адъютантами — Л.-Гв. Измайловскаго полка полковникъ Кавелинъ, Перовскій 2, Годеинъ 2, баронъ Делпнсгаузенъ

[1]) Кн. Вяземскій. Полн. Собр. Соч., IX, 207.

и штабсъ-капитанъ Лазаревъ, Л.-Гв. Московскаго полка полковникъ Адлербергъ 1, Л.-Гв. Сапернаго баталіона поручикъ графъ Ивеличъ и состоящій при Его Императорскомъ Высочествѣ полковникъ Мердеръ. 15-го же декабря были пожалованы: генералъ-адъютантами — командующій Гвардейскимъ Корпусомъ генералъ отъ кавалеріи Витовтовъ, комендантъ С.-Петербургской крѣпости Сукинъ 1, генералъ-лейтенанты: состоящій по арміи Демидовъ 1, С.-Петербургскій комендантъ Башуцкій; генералъ-маіоры: командиръ 1 бригады Легкой Гвардейской дивизіи и Л.-Гв. Драгунскаго полка Чичеринъ 1, начальникъ артиллеріи Гвардейскаго Корпуса Сухозанетъ 1, командиръ 1 бригады 1 Гвардейской пѣхотной дивизіи Шеншинъ, командиръ 4 бригады 2 Гвардейской пѣхотной дивизіи Головинъ 1, начальникъ Штаба Гвардейскаго Корпуса Нейдгардъ 2, начальникъ Инженеровъ Гвардейскаго Корпуса Сазоновъ 2, командиръ 3 бригады 2 Гвардейской пѣхотной дивизіи Мартыновъ 1, командиры Л.-Гв. полковъ: Финляндскаго — Воропановъ, Преображенскаго — Исленевъ и Семеновскаго — Шиповъ. Во флигель-адъютанты же пожалованы: командующій Л.-Гв. Измайловскимъ полкомъ Симанскій; Л.-Гв. полковъ полковники и баталіонные командиры: Преображенскаго—Микулинъ и Пряишниковъ, Семеновскаго—Штегельманъ 1 и Альбрехтъ 3, Гренадерскаго: командиръ Стюрлеръ, капитанъ князь Мещерскій и поручикъ баронъ Зальцъ; полковники: Измайловскаго — Веселовскій и Девитте, Павловскаго: командиръ Арбузовъ 2 и Берхманъ 4, Егерскаго: командиръ Гартонгъ и баронъ Саргеръ, Финляндскаго: фонъ-Моллеръ, командиръ 1 гвардейской артиллерійской бригады Нестеровскій, Л.-Гв. Сапернаго баталіона—Бѣль 1, командиры дивизіоновъ: полковники: Кавалергардскаго—Шереметевъ 1 и Ланской 2, Л.-Гв. Коннаго полка—Захаржевскій 2 и баронъ Веліо и командиръ Л.-Гв. Конно-Піонернаго эскадрона Зассъ 4 [1]).

Словомъ, какъ пишетъ гр. Комаровскій въ своихъ запискахъ, Государь „всѣхъ полковыхъ командировъ, имѣвшихъ генералъ-маіорскіе чины, назначилъ къ себѣ въ генералъ-адъютанты, а полковничьи чины въ флигель-адъютанты, въ которые назначены были также баталіонные

[1]) Списокъ приведенъ по Высоч. приказамъ, помѣщеннымъ въ Рус. Инв.; дополненіемъ къ приказу назначенъ генералъ-адъютантомъ командиръ Л.-Гв. Московскаго полка генералъ-маіоръ баронъ Фридериксъ 1-й.

и дивизіонные командиры Кавалергардскаго и Лейбъ-Гвардіи Коннаго полка".

Такое обильное назначеніе строевыхъ гвардейскихъ офицеровъ въ Государеву Свиту объясняется успѣшнымъ дѣйствіемъ гвардіи во время бунта 14 декабря; позволимъ себѣ напомнить, пользуясь изложеніемъ барона Корфа, обстоятельства этого событія.

20 марта 1820 г. былъ расторгнутъ бракъ Цесаревича Константина Павловича съ Великою Княгинею Анною Павловною. Послѣдовавшимъ въ тотъ же день Высочайшимъ Манифестомъ узаконялось, что особа Императорской Фамиліи, вступившая въ брачный союзъ съ лицомъ, не принадлежащимъ къ царственному или владѣтельному дому, не можетъ сообщать этому послѣднему лицу правъ, принадлежащихъ членамъ Императорской Фамиліи, а дѣти отъ этого брака не могутъ наслѣдовать Императорскій престолъ. 12 мая того же года Цесаревичъ Константинъ сочетался бракомъ съ графинею Іоанною Грудзинскою, княгинею Ловичскою. Отчасти это вступленіе Цесаревича въ морганатическій бракъ, отчасти его личныя воззрѣнія привели его къ рѣшенію уклониться отъ воспріятія царскаго вѣнца, и, не говоря уже о выраженныхъ имъ въ этомъ именно смыслѣ мнѣніяхъ въ частномъ разговорѣ со своимъ братомъ, Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ [1]), Цесаревичъ Константинъ, письмомъ 14 января 1822 г., обратился къ Императору Александру I со словами, что онъ не чувствуетъ въ себѣ „ни тѣхъ дарованій, ни тѣхъ силъ, ни того духа, чтобы быть, когда бы то ни было, возведену на то достоинство, къ которому по рожденію" онъ могъ бы имѣть право.

Императоръ, 2 февраля, отвѣчалъ Цесаревичу, что по предъявленіи его письма вдовствующей Императрицѣ Маріи, имъ обоимъ осталось „дать полную свободу вамъ слѣдовать непоколебимому рѣшенію вашему, прося всемогущаго Бога, дабы Онъ благословилъ послѣдствія столь чистѣйшихъ намѣреній". Наконецъ, былъ составленъ государственный актъ объ отреченіи. Составленіе манифеста было поручено московскому архіепископу Филарету съ тѣмъ, чтобы этотъ документъ хранился въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ, а копіи съ него—въ Государственномъ Совѣтѣ, въ Синодѣ и въ Сенатѣ. Манифестъ, подписанный 16 августа 1822 г., былъ вложенъ въ конвертъ съ соб-

---

[1]) Бар. Корфъ. Восш. на пр. И. Н. I, изд. 3 (первое для публики), 1857 г., 13.

ственноручною на немъ Высочайшею надписью—*„хранить въ Успенскомъ Соборѣ съ государственными актами, до востребованія Моего, а въ случаѣ Моей кончины открыть Московскому Епархіальному архіерею и Московскому Генералъ-Губернатору въ Успенскомъ Соборѣ, прежде всякаго другого дѣйствія"*. Тайна престолонаслѣдія оставалась извѣстною изъ частныхъ лицъ лишь Филарету, составлявшему манифестъ, князю А. Н. Голицыну, собственноручно изготовившему копіи съ манифеста, и гр. А. А. Аракчееву.

Таково было положеніе дѣлъ, когда 19 ноября 1825 г., въ отдаленномъ отъ обѣихъ столицъ Таганрогѣ, скончался Императоръ Александръ I, не открывшій передъ своею кончиною тайны престолонаслѣдія даже бывшимъ при немъ генералъ-адъютантамъ кн. Волконскому, барону Дибичу и Чернышеву.

Извѣстіе о кончинѣ Александра I достигло Варшавы, гдѣ находился въ то время Цесаревичъ Константинъ. 25 ноября Цесаревичъ послалъ за приближенными къ нему лицами и первому явившемуся изъ нихъ, Н. Н. Новосильцеву, объявилъ о тяжелой утратѣ, постигшей Россію. Новосильцевъ сталъ титуловать Цесаревича Его Величествомъ и на это получилъ строгое замѣчаніе: „прошу не давать мнѣ этого не принадлежащаго титула... теперь законный намъ Государь Императоръ—Николай Павловичъ" [1]). Соотвѣтствующія письма объ отреченіи были отправлены Цесаревичемъ къ Императрицѣ Маріи, Николаю Павловичу, кн. Волконскому и барону Дибичу, при чемъ въ письмѣ къ Волконскому Цесаревичъ, между прочимъ, писалъ, что онъ остается товарищемъ его, т. е. въ званіи генералъ-адъютанта,—выраженіе, весьма лестное для всѣхъ чиновъ Государевой Свиты.

Въ Петербургъ же печальное извѣстіе изъ Таганрога пришло лишь 27 ноября.

Николай Павловичъ вышелъ къ дворцовымъ карауламъ и объявилъ имъ, что онъ самъ идетъ принимать присягу Императору Константину, каковую и принялъ вмѣстѣ съ лицами, находившимися въ то время во дворцѣ. Въ тотъ же день состоялось засѣданіе Государственнаго Совѣта, до свѣдѣнія коего кн. Голицынъ довелъ объ актахъ, касающихся порядка наслѣдія престола. Послышались голоса о неимѣніи права на вскрытіе этихъ документовъ; кн. Д. И. Лобановъ-Ростовскій говорилъ, что „les morts n'ont point de volonté"; адмиралъ А. С. Шишковъ убѣ-

[1]) Бар. Корфъ. Op. cit., 36.

ждалъ, что отъ воли Константина Павловича будетъ зависѣть принять престолъ или отказаться отъ него. Однако, большинствомъ голосовъ было рѣшено огласить хранившійся документъ, каковое рѣшеніе и было приведено въ исполненіе. Чтеніе манифеста уже было закончено, какъ въ Совѣтъ вошелъ С.-Петербургскій военный генералъ-губернаторъ гр. Милорадовичъ и объявилъ собранію о торжественномъ отреченіи Николая Павловича отъ предоставленнаго ему только-что прочтеннымъ манифестомъ права и о принятіи имъ присяги на подданство Императору Константину. Для устраненія возникшихъ въ членахъ Совѣта колебаній, весь составъ его лично предсталъ предъ Николаемъ Павловичемъ и, склоненный его убѣжденіями, принялъ присягу Императору Константину. Списокъ съ журнала этого засѣданія Государственнаго Совѣта былъ отосланъ въ Варшаву, куда, съ донесеніями о присягѣ, были отправлены нарочныя лица отъ Великаго Князя и министровъ. Въ тотъ же день, наконецъ, состоялось сенатское распоряженіе о пріемѣ присяги Константину всѣмъ государствомъ, и 30 ноября присяга была учинена въ Москвѣ.

Между тѣмъ 3 декабря прибылъ въ С.-Петербургъ Великій Князь Михаилъ Павловичъ съ письмомъ отъ Цесаревича Константина, гдѣ, какъ было изложено выше, онъ подтверждалъ свое первоначальное рѣшеніе объ отреченіи. Послѣ долгихъ обсужденій положенія дѣлъ царскою семьею, было въ концѣ концовъ рѣшено просить Константина Павловича „снова и положительно изъявить свою волю"; письмо къ нему было отправлено съ курьеромъ, а 5 декабря Михаилъ Павловичъ, все еще не присягавшій Николаю, выѣхалъ снова въ Варшаву. По дорогѣ туда, въ Ненналѣ, онъ встрѣтилъ курьера отъ Константина, съ письмомъ къ князю Лопухину, и на этой станціи остался ожидать дальнѣйшихъ распоряженій. 12 декабря Николай получилъ новое письмо отъ Константина, и съ полученіемъ этого письма „пресѣклась всякая нерѣшительность: на Николаѣ Павловичѣ лежала, для блага и спокойствія Россіи, священная и уже неотразимая обязанность воскресить жизненную силу Престола" [1]. Николай Павловичъ становился Императоромъ.

Онъ продиктовалъ своему адъютанту Адлербергу, будущему Командующему Императорскою Главною Квартирою, главныя статьи

[1]) Бар. Корфъ. Op. cit., 93.

для манифеста и историческую его часть; оставалось дать всему окончательную форму и составить введеніе и заключеніе къ манифесту. Сперва предполагалось воспользоваться для сего участіемъ Карамзина, но затѣмъ выборъ остановился на Сперанскомъ. Послано было также приглашеніе прибыть въ Петербургъ и Михаилу Павловичу, такъ какъ онъ находился въ неизвѣстности относительно всего происшедшаго, и на 13 декабря было назначено засѣданіе Государственнаго Совѣта.

Между тѣмъ, вечеромъ 12 декабря къ Николаю Павловичу явился адъютантъ Штаба Гвардейской пѣхоты, подпоручикъ Л.-Гв. Егерскаго полка Ростовцевъ [1]) и вручилъ ему свое письмо, гдѣ, открывая планы заговорщиковъ, между прочимъ, писалъ: „противу Васъ должно таиться возмущеніе; оно вспыхнетъ при новой присягѣ и, можетъ быть, это зарево освѣтитъ конечную гибель Россіи“ [2]), а далѣе, „преклоните Константина Павловича принять корону,—не пересылайтесь съ Нимъ курьерами; это длитъ пагубное для Васъ междуцарствіе и можетъ выискаться дерзкій мятежникъ, который воспользуется броженіемъ умовъ и общимъ недоумѣніемъ; нѣтъ, поѣзжайте сами въ Варшаву, или пусть Онъ пріѣдетъ въ Петербургъ... ежели Онъ согласится быть Императоромъ—слава Богу! Ежели нѣтъ, то пусть всенародно, на площади, провозгласитъ Васъ Своимъ Государемъ“ [3]).

Открытіе Ростовцева не было маловажнымъ, и его нельзя не сопоставить съ письмомъ Николая Павловича къ князю Волконскому, гдѣ, между прочимъ, Николай писалъ: „Воля Божія и приговоръ братній надо мной совершаются. 14 числа я буду или Государь или мертвъ!.. мы всѣ несчастливы, но нѣтъ никого несчастливѣе меня“ [4]).

Назначенное засѣданіе Государственнаго Совѣта состоялось 13 декабря. Предсѣдатель Совѣта заявилъ, что въ засѣданіе имѣютъ прибыть Великіе Князья Николай и Михаилъ Павловичи, но прошло нѣсколько часовъ, а Михаилъ Павловичъ все еще не прибывалъ: онъ еще не успѣлъ пріѣхать изъ Ненналя. Однако, медлить было нельзя, и Николай Павловичъ рѣшилъ явиться въ Совѣтъ одинъ; въ Совѣтѣ

[1]) Впослѣдствіи извѣстный своимъ участіемъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ генералъ-адъютантъ.

[2]) Бар. Корфъ. Op. cit., 99.

[3]) Op. cit., 100.

[4]) Op. cit., 104.

былъ прочитанъ манифестъ о вступленіи на престолъ Императора Николая.

Наступало 14 декабря.

Государь предчувствовалъ опасность. Присутствовавшему при утреннемъ его одѣваніи генералъ-адъютанту Бенкендорфу [1]) Николай Павловичъ сказалъ: „сегодня вечеромъ, можетъ быть, насъ обоихъ не будетъ болѣе на свѣтѣ; но по крайней мѣрѣ мы умремъ, исполнивъ нашъ долгъ“ [2]).

Полки присягали новому Императору. Первымъ привезъ извѣстіе объ оконченной присягѣ командовавшій Л.-Гв. Коннымъ полкомъ генералъ-адъютантъ Орловъ [3]); затѣмъ постепенно пришли извѣстія о присягѣ, принятой Кавалергардскимъ, Преображенскимъ, Семеновскимъ, Павловскимъ, Егерскимъ и Финляндскимъ полками и Л.-Гв. сапернымъ баталіономъ. Все повидимому совершалось спокойно, какъ вдругъ прибылъ командовавшій гвардейской артиллеріей генералъ-маіоръ И. О. Сухозанетъ, доложившій, что нѣкоторые офицеры гвардейской конной артиллеріи, передъ принятіемъ присяги, требовали личнаго удостовѣренія Великаго Князя Михаила Павловича, коего считали нарочно удаленнымъ изъ Петербурга; но порядокъ былъ вскорѣ возстановленъ нѣкоторыми офицерами (при участіи полковника Гербеля). Черезъ нѣсколько минутъ послѣ Сухозанета вбѣжалъ къ Государю въ крайнемъ смущеніи начальникъ Штаба Гвардейскаго Корпуса Нейдгардъ. „Sire! -кричалъ онъ, запыхавшись,—le régiment de Moscou est en pleine insurrection; Shenchine et Frédériks sont gravement blessés et les mutins marchent vers le Sénat; j'ai à peine pu les devancer pour venir Vous le dire; de grâce, ordonnez au premier bataillon Préobrajensky et à la Garde à cheval de marcher contre“. Дѣйствительно, Московскій полкъ былъ въ полномъ волненіи. Двое изъ офицеровъ сего полка, съ другими ихъ единомышленниками, успѣли убѣдить солдатъ не присягать, велѣли солдатамъ взять боевые патроны и зарядить ружья, а одинъ изъ офицеровъ ранилъ саблею сперва генерала Фредерикса, а затѣмъ генерала Шеншина, нанесъ удары полковнику Хвощинскому и увлекъ часть полка, которая подъ его предводительствомъ выбѣжала

---

[1]) Впослѣдствіи первому Командующему Императорскою Главною Квартирою.

[2]) Бар. Корфъ. Op. cit., 120.

[3]) Впослѣдствіи графъ и князь.

изъ казармъ и съ распущенными знаменами и криками ура устремилась въ совершенномъ неистовствѣ къ Сенатской площади.

Николай Павловичъ сохранилъ полное присутствіе духа. Для водворенія порядка въ оставшейся въ казармахъ части Московскаго полка было повелѣно обратить ближайшій Семеновскій полкъ; генералъ-маіоръ Стрекаловъ получилъ повелѣніе привести къ Зимнему Дворцу первый баталіонъ Преображенскаго полка, а флигель-адъютантъ Кавелинъ — доставить въ Зимній Дворецъ изъ Аничкина Августѣйшихъ дѣтей Николая; флигель-адъютантъ Бибиковъ долженъ былъ озаботиться приготовленіемъ верхового коня для Государя. Въ одномъ мундирѣ Измайловскаго полка, съ лентою черезъ плечо, безъ шинели, Императоръ спустился къ главной дворцовой гауптвахтѣ; на пути ему встрѣтился флигель-адъютантъ гр. Апраксинъ, командиръ Кавалергардскаго полка; ему Государь повелѣлъ привести его полкъ, а затѣмъ вошелъ на гауптвахту. Караулъ занимала 6-я рота Л.-Гв. Финляндскаго полка. Впервые встрѣченный какъ Императоръ, Николай Павловичъ вывелъ караулъ къ воротамъ Зимняго Дворца для охраны послѣднихъ и одинъ вышелъ на площадь къ столпившемуся народу; освѣдомившись у лицъ, стоявшихъ впереди, о неизвѣстности имъ послѣдняго манифеста, Государь сталъ его читать, приказавъ затѣмъ толпѣ разойтись и дать мѣсто подходившему первому баталіону Преображенскаго полка.

Далѣе Государь приказалъ С.-Петербургскому коменданту генералъ-лейтенанту Башуцкому (пожалованному генералъ-адъютантомъ на другой день) остаться при поставленномъ передъ дворцовыми воротами главномъ караулѣ, а Самъ пошелъ къ Преображенскому баталіону. Имъ начальствовалъ полковникъ Микулинъ (флигель-адъютантъ 15 декабря того же года) и тутъ же находился полковой командиръ, генералъ-маіоръ Исленевъ (генералъ-адъютантъ 15 декабря того же года). Государь быстро прошелъ по фронту и спросилъ, готовы ли они идти за Нимъ, куда велитъ; громко загремѣло молодецкое—„рады стараться!“ Государь обнялъ Исленева и Микулина и былъ въ восхищеніи отъ баталіона, который вполнѣ обнаружилъ свою преданность [1]).

Фл.-ад. Кавелинъ, по благополучномъ доставленіи въ Зимній дворецъ Наслѣдника Александра Николаевича, получилъ новое пору-

[1]) Бар. Корфъ. Op. cit., 135—136.

ченіе—привести свободныя отъ наряда роты Л.-Гв. Павловскаго полка, которыя затѣмъ были поставлены у Зимней канавки. Государь поздоровался съ преображенцами и подошедшаго графа Милорадовича, какъ долго служившаго въ гвардіи, отправилъ въ бунтующую толпу солдатъ съ порученіемъ вразумить ихъ.

Между тѣмъ на Сенатской площади послышались выстрѣлы. Государь отправилъ три роты преображенцевъ къ Адмиралтейскому бульвару, а роту Его Величества, подъ начальствомъ капитана Игнатьева, оставилъ при себѣ.

Съ одною этою ротою, сопровождаемый, помимо Кутузова и Адлерберга, Стрекаловымъ (пожалованнымъ генералъ-адъютантомъ въ тотъ же день), Перовскимъ (назначеннымъ флигель-адъютантомъ того же числа) и флигель-адъютантомъ Дурново, къ которымъ вскорѣ присоединились генералъ-адъютанты князь Трубецкой и графъ Комаровскій, Государь двинулся по направленію къ Сенатской площади, останавливаясь нѣсколько разъ на пути, для отданія приказаній и полученія донесеній [1]).

Фл.-ад. Перовскій былъ отправленъ за Конною гвардіею. По дорогѣ въ него было брошено нѣсколько камней.

Мятежники окружали памятникъ Петра. Безстрашный, привыкшій говорить съ русскимъ солдатомъ, чтимый имъ, Милорадовичъ, исполняя монаршее порученіе, врѣзался въ бунтующую толпу и обратился къ ней съ рѣчью; въ доказательство невозможности измѣны съ его стороны Цесаревичу Константину, онъ выдернулъ изъ ноженъ полученную въ даръ отъ него шпагу, обернулъ ее эфесомъ къ мятежникамъ и сталъ указывать и громко читать надпись: „другу моему Милорадовичу“. Солдаты стояли, вытянувшись, держа ружья подъ прикладъ, и робко глядѣли ему въ глаза. Но вдругъ поднятыя къ верху руки Милорадовича опустились, будто свинцовыя, туловище перегнулось, лошадь рванулась впередъ, и онъ упалъ на грудь Башуцкаго. Онъ былъ убитъ переодѣтымъ подпоручикомъ Коховскимъ.

Вѣсть объ этомъ принесъ Государю флигель-адъютантъ князь Андрей Голицынъ. Приказавъ собравшемуся народу разойтись, Государь подозвалъ капитана Игнатьева (флиг.-ад. съ 25 декабря 1825 г. командовалъ ротою Его Величества Л.-Гв. Преображенскаго полка) и сказалъ ему: „Я знаю привязанность твоей роты къ Моему покойному

[1]) Бар. Корфъ. Op. cit., 139—140.

брату и не могу придумать, чѣмъ лучше наградить эту роту, какъ давъ ей послѣдній Его Преображенскій мундиръ и Его вензель на эполеты". Эта милость была тотчасъ объявлена людямъ и привела ихъ въ изступленный восторгъ. Всѣ въ одинъ голосъ откликнулись: „рады умереть за Ваше Величество" [1]).

Постепенно подвигаясь, Государь достигъ уже конца Адмиралтейской улицы и здѣсь поздоровался съ выстроившеюся Конною гвардіею.

Черезъ нѣсколько времени флигель-адъютантъ Бибиковъ привезъ извѣстіе, что и Гвардейскій морской экипажъ, о которомъ доселѣ ничего не было извѣстно положительнаго, присоединился къ мятежной толпѣ. Бригадный командиръ Шиповъ (ген.-ад. съ 15 дек. 1825 г.) арестовалъ было ротныхъ командировъ, но возмутившіеся матросы ихъ освободили. Съ генералъ-адъютантомъ Бенкендорфомъ Государь выѣхалъ на Сенатскую площадь, но тамъ Его появленіе было встрѣчено выстрѣлами...

Начались атаки Конной гвардіи на мятежниковъ; но онѣ не имѣли успѣха, причемъ полкъ потерялъ многихъ ранеными; раненъ былъ, между прочимъ, полковникъ Веліо; во флангъ бунтовщикамъ ударилъ въ атаку вновь прибывшій полковникъ Зассъ (флигель-адъютантомъ съ 15 декабря того же года), съ конно-піонернымъ дивизіономъ. Однако, кавалерійскія атаки были безуспѣшны: стояла гололедица, а лошади не были подкованы. Рѣшили отправить за артиллеріей...

Число бунтовавшихъ увеличилось еще частью Л.-Гв. Гренадерскаго полка. Одинъ изъ офицеровъ этого полка, уже принесшій присягу, увлекъ свою роту на Сенатскую площадь, а другой—въ Зимній Дворецъ. Командиръ роты Его Величества этого полка князь Мещерскій (назначенный флигель-адъютантомъ на другой день) настигъ солдатъ по дорогѣ и убѣдилъ почти всѣхъ возвратиться домой. Командиръ полка полковникъ Стюрлеръ, встрѣтивъ подпоручика Коховскаго, на вопросъ послѣдняго, отвѣчалъ ему: „Я присягалъ Императору Николаю и остаюсь ему вѣренъ"; на эти слова Коховскій выстрѣлилъ изъ пистолета, а другой офицеръ нанесъ два удара саблею по головѣ; отъ полученныхъ ранъ Стюрлеръ скончался на другой день. Поручикъ Л.-Гв. Гренадерскаго полка баронъ Зальцъ (флигель-адъютантъ

[1]) Бар. Корфъ. Op. cit., 145.

съ 15 декабря 1825 г.), исполняя порученіе командира полка — отобрать полковое знамя отъ бунтовщиковъ, настигъ полкъ, отобралъ знамя отъ знаменщика и сталъ пробираться чрезъ толпу; но прибывавшіе гренадеры нанесли Зальцу нѣсколько ударовъ ружейными прикладами, и знамя опять осталось въ рукахъ мятежниковъ.

Великій Князь Михаилъ Павловичъ, устранивъ замѣшательство въ конной артиллеріи, узналъ о случившемся въ Московскомъ полку, котораго былъ шефомъ, и немедленно поспѣшилъ въ казармы; часть одного баталіона была уже увлечена злоумышленниками на Сенатскую площадь, а часть другого еще не возвращалась изъ карауловъ. Великій Князь убѣдилъ чиновъ четырехъ ротъ, остававшихся въ казармахъ, присягнуть Государю Николаю Павловичу. Вразумленная словами Великаго Князя часть Московскаго полка пришла къ Адмиралтейской площади въ ту именно минуту, когда Государь возвращался отъ скопища мятежниковъ, встрѣтившихъ Его выстрѣлами. Офицеры бросились цѣловать Ему руки и ноги и усердно просили позволенія немедленно искупить своею кровію нанесенное полку безчестье. Государь, отвращаясь еще отъ мысли о кровопролитіи, въ свидѣтельство довѣренности Своей къ ихъ раскаянію, поставилъ полкъ на углу забора передъ Исаакіевскою церковью, противъ самыхъ бунтовщиковъ. Михаилъ Павловичъ, которому Государь далъ тутъ Свою лошадь, изъявлялъ желаніе идти въ ряды возмутившихся, съ нѣсколькими старыми и особенно уважаемыми солдатами изъ вѣрной части полка, подѣйствовать на первыхъ личнымъ своимъ появленіемъ и примѣромъ товарищей, но Государь, при видѣ явной опасности, не допустилъ этого великодушнаго порыва. Напрасно Великій Князь нѣсколько разъ повторялъ съ жаромъ: „Ваше Величество, позвольте идти сейчасъ, позвольте отнять знамена“. Государь отвѣчалъ и на это: „Нѣтъ, останься здѣсь“. Между тѣмъ къ Нему прибылъ генералъ-адъютантъ Васильчиковъ и пришли Кавалергардскій полкъ и 2-й баталіонъ Преображенскаго. Государь послалъ генералъ-адъютанта графа Комаровскаго на Васильевскій островъ, за первымъ баталіономъ Л.-Гв. Финляндскаго полка [1]).

Наступали сумерки. Мятежная толпа упорно стояла на занятомъ ею мѣстѣ, шумя и крича болѣе прежняго. Однако, Государю, по чувству пощады, все еще казалось возможнымъ окружить и стѣснить

[1]) Бар. Корфъ. Op. cit., 150—153.

бунтующую толпу до такой степени, чтобы принудить ее сдаться безъ кровопролитія. Въ сопровожденіи генералъ-адъютанта Толя Государь опять выѣхалъ на Сенатскую площадь. „Voyez ce qui se passe ici,—сказалъ Толю Государь,—voilà un joli commencement de règne, un trône teint de sang“. „Sire,—отвѣтилъ Толь,—le seul moyen d'y mettre fin, c'est de faire mitrailler cette canaille“. Точно также и генералъ-адъютантъ Васильчиковъ, говорилъ: „Sire, il n'y a plus un moment à perdre; l'on n'y peut rien maintenant; il faut de la mitraille“.

Государь еще медлилъ. Сухозанету (ген.-ад. съ 15 дек.) было поручено сказать бунтовщикамъ послѣднее слово помилованія; онъ поднялъ лошадь въ галопъ и въѣхалъ въ толпу, которая, держа ружья у ноги, разступилась предъ нимъ. Солдаты, подъ видимымъ впечатлѣніемъ милостивыхъ словъ, потупили глаза; но нѣсколько офицеровъ и постороннихъ людей съ ругательствомъ спрашивали, привезъ ли онъ, Сухозанетъ, конституцію и грозились на него. „Я присланъ съ пощадою, а не для переговоровъ“, отвѣчалъ онъ, порывисто обернулъ лошадь и выскочилъ изъ среды отшатнувшихся заговорщиковъ; во слѣдъ ему раздался залпъ.

Наконецъ, настала рѣшительная минута. Самъ Государь скомандовалъ: „пальба орудіями по порядку, правый флангъ начинай, первая“. Послѣдовали залпы. Толпы мятежниковъ были разсѣяны. Генералъ-адъютанту Бенкендорфу было поручено преслѣдовать и захватывать разбѣжавшихся.

Въ седьмомъ часу вечера совершалось благодарственное молебствіе. Порядокъ былъ возстановленъ.

Пока Государь былъ на Сенатской площади, въ Зимнемъ Дворцѣ происходили немаловажныя событія. Возбужденныя поручикомъ Пановымъ нѣсколько ротъ Гренадерскаго полка были приведены имъ къ Зимнему Дворцу съ цѣлью овладѣть имъ, а въ случаѣ сопротивленія истребить Царскую Семью. Бывшій при слабомъ караулѣ у воротъ Дворца генералъ Башуцкій принялъ гренадеръ за подкрѣпленіе и велѣлъ слабому караулу Финляндскаго полка разступиться и пропустить ихъ въ ворота. Однако, намѣренію Панова не суждено было осуществиться. Командиръ Л.-Гв. Сапернаго баталіона флигель-адъютантъ полковникъ Геруа, находившійся по случаю молебствія во дворцѣ, узнавъ о безпорядкахъ, обратился за приказаніями къ генералу Нейдгарту (пожалованному генералъ-адъютантомъ на другой день), кото-

рый и приказалъ поскорѣе привести баталіонъ въ Зимній Дворецъ. Съ тѣмъ же приказаніемъ Государя былъ посланъ въ баталіонъ флигель-адъютантъ князь Голицынъ. Старшимъ въ баталіонѣ оказался капитанъ Витовтовъ, остававшійся въ казармахъ по случаю смерти жены, тѣло которой не было еще положено въ гробъ. Капитанъ Витовтовъ (генералъ-адъютантъ съ 19 сентября 1849 г.) тотчасъ велѣлъ раздать саперамъ патроны и бѣгомъ повелъ ихъ во дворецъ. Здѣсь принялъ команду флигель-адъютантъ полковникъ Геруа. Едва саперы успѣли выстроиться во дворцѣ, какъ вбѣжали мятежныя роты гренадеръ. Увидавъ саперъ, предводитель ихъ, поручикъ Пановъ, пришелъ въ замѣшательство и, крикнувъ: „Саперы, да это не наши"! вывелъ свою ватагу изъ дворца. Тотчасъ же всѣ выходы дворца были заняты саперами [1]).

Вернувшись съ площади, Государь обратился къ саперамъ со словами: „если я видѣлъ сегодня мятежниковъ, то и видѣлъ много преданности и самоотверженности, которыя останутся для меня навсегда памятными", и обѣщалъ никогда не забывать вѣрность и усердіе саперъ [2]). Затѣмъ, пройдя во внутренніе покои, Государь приказалъ камердинеру Императрицы Гримму вынести 7-лѣтняго Наслѣдника Престола къ выстроеннымъ во дворѣ саперамъ. Взявъ его на руки, Государь передалъ нижнимъ чинамъ, георгіевскимъ кавалерамъ, со словами: „Я желаю, чтобы вы такъ же любили Моего Сына, какъ Я самъ люблю васъ". Саперы восторженно цѣловали руки и одежду Царственнаго Отрока [3]).

[1]) Бар. Корфъ, стр. 158, 159, 163, 164, Воспоминанія Фелькнера. Рус. Стар., 1870 г. № 8, стр. 139. Исторія Л.-Гв. Сап. бат., собственноручно исправленная Государемъ Николаемъ Павловичемъ, стр. 24, 27.

[2]) Записки Фелькнера, стр. 157.

[3]) Исторія Л.-Гв. Сап. бат., стр. 27. Бар. Корфъ, стр. 191. Воспоминанія Фелькнера, стр. 158.

Это событіе увѣковѣчено на барельефѣ (работы Рамазанова) памятника Императору Николаю I на Сенатской площади, а также на картинѣ, подаренной 22 декабря 1866 г. Государемъ и Великими Князьями, числившимися въ баталіонѣ, одному изъ героевъ событія—генералъ-адъютанту Витовтову, по случаю 50-лѣтія его службы въ офицерскихъ чинахъ. Эта картина была завѣщана Витовтовымъ баталіону, гдѣ и находится нынѣ (Ист. Л.-Гв. Сап. бат., часть II, стр. 74, 76).

Нижніе чины, нарушившіе присягу, были сведены въ особыя роты, командованіе которыми по Высочайшему выбору было довѣрено поручикамъ Л.-Гв. Сапернаго

Передаются свидѣтелями и другія подробности дня „14 декабря". Такъ, Государь, остановивъ подходившій къ мѣсту происшествія Измайловскій полкъ, поздоровался съ людьми, которые въ отвѣтъ титуловали Его—Высочествомъ. „Какъ, вы меня не признаете! Моя первая пеленка была измайловская шинель!" громко объявилъ Государь, и весь полкъ, какъ одинъ человѣкъ, грянулъ — ура! Ваше Императорское Величество!" [1]).

Даже ограничиваясь приведеніемъ всѣхъ вышеуказанныхъ краткихъ и отрывочныхъ данныхъ объ участіи гвардіи въ усмиреніи бунта, ясно, что особая милость къ генераламъ и офицерамъ гвардіи, выразившаяся въ назначеніи весьма многихъ начальствующихъ лицъ въ Государеву Свиту, явилась наградою за преданность и мужество, выказанныя ими при подавленіи мятежа.

15-го декабря былъ отданъ слѣдующій „Приказъ россійскимъ войскамъ:

„Храброе, Россійское воинство! Вѣрные защитники Царя и Отечества!

„Кого изъ васъ не поразила страшная вѣсть, погрузившая Насъ и всю Россію въ горесть неописанную? — Вы лишились Государя, Отца, благодѣтеля, сотрудника въ подвигахъ безсмертныхъ.

„Но да не унываютъ сердца ваши!—Онъ свыше зритъ на васъ и благословляетъ плоды неусыпныхъ трудовъ Его объ устройствѣ вашемъ. Въ самые дни горести, вы, вѣрные, храбрые воины, пріобрѣли новую, незабвенную славу, равную той, которую запечатлѣли вы своею кровью, поражая враговъ Царя и отечества; ибо доказали своимъ поведеніемъ, что вы и твердые защитники Престола Царскаго на полѣ бранномъ, и кроткіе исполнители закона и воли Царской во время мира.

„Въ знакъ Нашей къ вамъ любви и въ вознагражденіе по заслу-

баталіона Завальевскому, Аверину, Львову и Аделунгу. Послѣдній въ ночь съ 14 на 15 декабря былъ вызванъ съ небольшой командой для охраны Царскаго Кабинета.

14-го декабря 1875 г., по случаю 50-лѣтія описаннаго событія, Государь Александръ Николаевичъ велѣлъ собраться всѣмъ офицерамъ Л.-Гв. Саперного баталіона въ комнатѣ Зимняго Дворца, рядомъ съ кабинетомъ. Государь вышелъ къ нимъ, милостиво напомнилъ имъ о 1825 г. и изъ окна показалъ мѣсто, гдѣ былъ выстроенъ тогда баталіонъ (Истор. батал., стр. 122—124).

[1]) 14 декабря въ Петербургѣ. Рус. Стар., 1885 г., апрѣль.

гамъ вашимъ, вамъ, полки Гвардіи Преображенскій, Семеновскій, Измайловскій, Егерскій, Финляндскій, Павловскій, Кавалергардскій, Конный, Гусарскій, Конно-Егерскій и Гвардейская Артиллерія, жалую тѣ самые собственные Его Величества мундиры, кои Государь, вашъ благодѣтель, Самъ носить изволилъ; храните сей залогъ и да хранится онъ въ каждомъ полку какъ святыня, какъ памятникъ, и для будущихъ родовъ незабвенный.

„Сверхъ сего повелѣваю:

1) „Въ ротахъ, носившихъ названіе ротъ Его Императорскаго Величества Преображенскаго и Семеновскаго полковъ, носить всѣмъ чинамъ на эполетахъ и погонахъ вензелевое изображеніе Имени Государя Императора Александра I, доколѣ кто изъ бывшихъ по спискамъ 19-го ноября 1825 г. въ сихъ ротахъ оставаться будетъ.

2) „То же самое вензелевое изображеніе сохранить какъ генераламъ, при Особѣ Его Императорскаго Величества состоявшимъ, такъ и генералъ- и флигель-адъютантамъ, при Его Императорскомъ Величествѣ находившимся.

„Да хранится всегда между вами, храбрые воины, священная память Александра Перваго; да будетъ она страхомъ враговъ, надеждою Отечества, залогомъ вашей вѣрности и любви ко Мнѣ“.

С.-Петербургъ.
Декабря 15-го дня 1825 г.

НИКОЛАЙ.

Въ свой же послужной списокъ эпизодъ „14 декабря“ Императоръ Николай I приказалъ занести слѣдующими словами [1]: „14-го декабря 1825 года, во время возникшаго въ Петербургѣ бунта, командовалъ главною гауптвахтою Зимняго Дворца и съ находившеюся тогда на оной 9-ю егерскою ротой Л.-Гв. Финляндскаго полка занималъ ворота, ведущія на большой дворъ; потомъ по прибытіи 1-го баталіона Л.-Гв. Преображенскаго полка, лично велъ оный и занялъ имъ Адмиралтейскую площадь. Съ приходомъ же Л.-Гв. Коннаго полка занялъ и Петропавловскую площадь. Наконецъ, принялъ начальство и надъ прочими собравшимися войсками гвардіи, въ сей день въ столицѣ находящимися и пребывшими вѣрными долгу присяги.

[1]) Нѣсколько словъ въ память Императора Николая I. Шильдеръ. Рус. Стар., 1896 г., іюнь, стр. 458—459.

Когда же, при неоднократныхъ увѣщаніяхъ, толпа бунтовщиковъ не покорялась, то разсѣялъ оную картечными выстрѣлами четырехъ орудій легкой № 1-го батареи 1-й гвардейской артиллерійской бригады, коими командовалъ тогда поручикъ Бакунинъ. По совершенномъ разсѣяніи злоумышленниковъ, занялъ окрестности Зимняго Дворца и продолжалъ начальствовать войсками до минованія опасности и роспуска оныхъ по квартирамъ".

Случаи, вызывавшіе пожалованіе въ Свиту.

Такъ прошелъ день 14 декабря, имѣвшій большое значеніе въ исторіи Государевой Свиты и увеличившій ея среду значительнымъ числомъ новыхъ сочленовъ. Пожалованіе въ Свиту происходило за сохраненіе въ должномъ порядкѣ строевыхъ частей.

Однако, были и другіе поводы награжденія свитскимъ званіемъ. Послѣднее давалось иногда за заслуги предковъ. Такъ, 22 февраля 1828 г. флигель-адъютантомъ пожалованъ „внукъ статсъ-дамы княгини Ливенъ"[1]), Л.-Гв. Коннаго полка ротмистръ кн. Ливенъ 1. Точно также, въ уваженіе къ заслугамъ князя Михаила Семеновича Воронцова, Государю было благоугодно—назначить его сына Семена Семеновича, служившаго по гражданскому вѣдомству, прямо штабсъ-капитаномъ въ Л.-Гв. Преображенскій полкъ и съ званіемъ флигель-адъютанта. Въ рескриптѣ по этому поводу, между прочимъ, изложено: „припоминая, что начальнымъ поприщемъ службы вашей была часть гражданская и что вы, слѣдуя собственному влеченію, перешли въ военную службу въ томъ краѣ, гдѣ нынѣ сынъ вашъ, князь Семенъ, находился постоянно съ вами, раздѣляя всѣ труды и опасности войны, я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи направить и его службу по пути, вами слѣдуемому. Въ сихъ видахъ, Я назначилъ сына вашего къ Себѣ флигель-адъютантомъ, съ зачисленіемъ въ Л.-Гв. Преображенскій полкъ штабсъ-капитаномъ и съ состояніемъ при васъ, вполнѣ надѣясь, что и онъ, слѣдуя по стопамъ доблестнаго отца своего, будетъ подобный ему достойный и отличный воинъ"[2]).

Иногда награжденіе почетнымъ свитскимъ званіемъ совершалось за боевыя отличія. Въ 1828 г. былъ пожалованъ генералъ-адъютантомъ начальникъ 1 конно-егерской дивизіи генералъ-лейтенантъ баронъ Гейсмаръ[3])—„за отличіе, оказанное въ продолженіе нынѣшней кам-

[1]) Подлинное выраженіе Высочайшаго приказа.

[2]) Щербининъ. Біограф. ген.-фельдм. кн. С. М. Воронцова, 270.

[3]) Рус. Инв., 1828 г., № 294.

паніи противъ турокъ". Про Гейсмара кратко замѣчаетъ, въ письмѣ отъ 25 іюня 1828 г., А. Я. Булгаковъ: „ай, да Гейсмаръ, достоинъ золотыхъ аксельбантовъ". 3 октября 1838 г. произведенъ въ контръ-адмиралы, съ назначеніемъ въ Свиту Его Императорскаго Величества, капитанъ 1 ранга Серебряковъ — „за отличіе, оказанное имъ при высадкѣ дессантнаго отряда на восточный берегъ Чернаго моря и въ дѣйствіяхъ противъ горцевъ" [1]. Въ 1828 году гвардейскаго морскаго экипажа капитанъ-лейтенантъ Римскій-Корсаковъ—пожалованъ флигель-адъютантомъ, „за отличіе при атакѣ крѣпости Кюстенджи" [2] Про назначеніе флигель-адъютантомъ Чевкина извѣстно [3], что Государь пріѣхалъ смотрѣть на штурмъ укрѣпленія Сатуновой; одну колонну велъ Чевкинъ; едва онъ сбѣжалъ съ вала, тотчасъ послѣдовалъ взрывъ, такъ какъ валъ былъ минированъ. Видя, что за спиной — смерть, а до крѣпостной стѣны было недалеко, Чевкинъ вмѣстѣ съ Фредериксомъ побѣжали къ ней и прижались къ стѣнѣ между амбразурами. Государь считалъ ихъ погибшими; но когда улеглась земля отъ взрыва, было видно, какъ два человѣка прижались къ стѣнѣ. Тотчасъ на штурмъ были отправлены новые баталіоны, и укрѣпленіе было взято. Чевкинъ и Фредериксъ здѣсь же, на полѣ, были Государемъ назначены флигель-адъютантами — „за ихъ геройскую храбрость".

Бывали, наконецъ, пожалованія вслѣдствіе особо выдающагося исполненія строевыхъ ученій, обращавшаго на себя Высочайшее вниманіе. Въ запискахъ Н. В. Берга [4] разсказывается, что пожалованіе флигель-адъютантомъ графа Карла Ламберта произошло по совершенно случайному поводу. Однажды графу Ламберту выпало на долю „ѣхать въ замкѣ" своего полка (Л.-Гв. Коннаго); „онъ проѣхалъ, какъ слѣдуетъ,—пишетъ Бергъ, — и былъ вскорѣ назначенъ флигель-адъютантомъ, что было тогда уже карьерой".

Прикомандированіе къ строевымъ частямъ, отчисленіе въ Свиту.

Служба Государевой Свиты далеко не была только блестящею службою придворныхъ чиновъ, лишь придававшихъ особую пышность трону. Уже изъ предыдущаго очерка командировокъ лицъ Свиты достаточно ярко выясняется, насколько полезна была ихъ дѣятельность

[1] Д. И. Г. Кв., 1838 г., № 7.
[2] Рус. Инв., 1828 г., № 178.
[3] Рус. Стар., 1877 г., II, стр. 330.
[4] Рус. Арх., 1872 г.

по исполненію самыхъ разнообразныхъ порученій не только спеціально-военнаго характера, но имѣвшихъ нерѣдко общегосударственное значеніе.

Съ цѣлью же близкаго знакомства чиновъ Государевой Свиты съ строевою военною службою, они нерѣдко прикомандировывались къ войсковымъ строевымъ частямъ.

Въ 1830 г. Инспекторскій Департаментъ Главнаго Штаба сообщилъ Командующему Квартирою [1]) Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы флигель-адъютанты полковники Л.-Гв. Егерскаго полка графъ Толстой 3 и Гусарскаго князь Трубецкой, Лейбъ-Гвардіи конной артиллеріи капитанъ графъ Кушелевъ, Кавалергардскаго полка ротмистръ графъ Толстой и Коннаго штабъ-ротмистръ князь Суворовъ были прикомандированы къ своимъ частямъ,—„для усовершенствованія себя въ знаніи порядка службы"; при этомъ было приказано считать ихъ въ частяхъ сверхъ комплекта, а мундиры имъ носить полковые и флигель-адъютантскіе, „на томъ самомъ основаніи, какъ носятъ флигель-адъютанты, служащіе всегда во фронтѣ"; вмѣстѣ съ тѣмъ было сообщено, что „Государю Императору угодно, дабы они оставались при семъ назначеніи до тѣхъ поръ, пока Его Величество не изволитъ быть удостовѣренъ, что они пріобрѣли уже достаточное познаніе въ строевой службѣ, во всѣхъ ея отношеніяхъ". Въ 1834 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о томъ, „чтобы флигель-адъютанты ротмистры Бутурлинъ и графъ Васильчиковъ находились во фронтѣ", съ поясненіемъ, что „распоряженіе дѣлается въ томъ предположеніи, чтобы офицеры сіи не отстали отъ фронта" [2]).

Въ свою очередь, иногда лица Свиты изъ строевыхъ частей отчислялись въ Свиту. Повидимому, при такомъ откомандированіи имъ сохранялось получаемое ими по послѣдней должности содержаніе. Такъ, въ 1843 г., командиръ 1 бригады 3 гренадерской дивизіи Свиты Его Величества генералъ-маіоръ князь Италійскій графъ Суворовъ Рымникскій отчисленъ отъ указанной должности, и ему Высочайше повелѣно сохранить „получаемое имъ содержаніе по званію бригаднаго командира" [3]). Въ 1854 г. Высочайше повелѣно флигель-адъютанту штабсъ-

[1]) 22 января, № 812; Д. И. Г. Кв., 1830 г., № 1.

[2]) Д. И. Г. Кв., 1843 г., № 7.

[3]) Письмо графа Чернышева графу Бенкендорфу отъ 23 августа, № 6575; Д. И. Г. Кв., 1843 г., № 51.

капитану графу Строгонову, „прикомандированному для узнанія фрунтовой службы, Л.-Гв. къ Преображенскому полку, состоять при особѣ Его Величества" [1]). Приведенное распоряженіе обращаетъ на себя вниманіе потому, что выраженію „состоять при Особѣ Его Величества" придавалось не то значеніе, какъ нынѣ; оно означало лишь, что данное лицо состоитъ въ Свитѣ, не неся какихъ-либо другихъ постоянныхъ служебныхъ обязанностей.

Относительно продолжительности прикомандированія флигель-адъютантовъ къ строевымъ частямъ распоряженіе послѣдовало въ 1834 г., когда Военный Министръ [2]) сообщилъ командиру Отдѣльнаго Гвардейскаго Корпуса [3]) Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы „флигель-адъютантамъ, обращаемымъ во фронтъ, въ полкахъ ваканцій не занимать, поелику Его Величество не можетъ опредѣлить, какое именно время они при полкахъ находиться будутъ", т. е. срокъ прикомандированія не былъ одинаковымъ для всѣхъ чиновъ; разрѣшеніе же вопроса о возможности ввѣрять прикомандированнымъ флигель-адъютантамъ командованіе эскадронами предоставлено усмотрѣнію полковыхъ командировъ.

При обычаѣ возлагать на лицъ Свиты весьма сложныя, спеціально-военныя порученія, прикомандировываніе флигель-адъютантовъ къ строевымъ войскамъ должно быть признано мѣрою весьма разумною и практичною.

Запрещеніе именовать отставныхъ чиновъ свитскимъ званіемъ.

Въ 1828 г. послѣдовалъ приказъ начальника Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества относительно неправильнаго наименованія отставныхъ генералъ-адъютантовъ этимъ званіемъ и послѣ увольненія ихъ отъ службы. Въ этомъ приказѣ объявлено Высочайшее повелѣніе о томъ, „чтобы бывшіе генералъ-адъютантами отставные генералы, по отставкѣ, болѣе не именовались генералъ-адъютантами, ибо сіе званіе относится къ должности, а не къ чину, и сохраняется только на службѣ, въ отставкѣ же слагается" [4]).

Нельзя не привести здѣсь двухъ любопытныхъ свѣдѣній. При-

---

[1]) Отношеніе за Военнаго Министра Командующему Главною Квартирою, отъ 17 апрѣля 1854 г.; Д. У. И. Гл. Кв., 1854 г., № 16.

[2]) Собр. зак. и пост., до части воен. упр. отн. 1843 г., кн. II, стр. 31.

[3]) 28 февраля 1834 г., № 1940.

[4]) Собр. зак. и пост., до части воен. упр. отн. 1828, кн. II, стр. 281.

казомъ отъ 25 марта 1828 г. генералъ-адъютантъ баронъ Фредериксъ, за увѣчьемъ отъ полученныхъ ранъ, назначался Шталмейстеромъ ко Двору Его Императорскаго Величества [1]); слѣдовательно, генералъ-адъютантъ, получившій увѣчье во время военныхъ дѣйствій, награждался обще придворнымъ званіемъ. Указомъ же придворной конторѣ, отъ 25 сентября 1827 г., увольнялись отъ „придворной службы" состоявшіе въ званіи камергеровъ князья Любомірскій и Святополкъ-Четвертинскій и въ званіи камеръ-юнкера графъ Ильинскій, при чемъ было разрѣшено второму и третьему „носить въ отставкѣ придворный мундиръ"; слѣдовательно, и гражданскія лица, носившія общепридворныя званія, при увольненіи отъ службы, лишались этихъ званій, и дарованіе имъ права носить придворный мундиръ составляло исключеніе, особую милость.

Свитское званіе въ Высочайшемъ мнѣніи.

Званіе генералъ-адъютанта, генералъ-маіора Свиты и флигель-адъютанта, во мнѣніи Императора Николая I, стояло весьма высоко. Это доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что всякое лицо, входившее въ составъ Свиты и своимъ поведеніемъ или службою признанное несоотвѣтствующимъ носить свитское званіе, было удаляемо изъ среды приближенныхъ Государя.

Для иллюстраціи нельзя не привести печальнаго случая съ флигель-адъютантомъ княземъ Д.

По этому поводу Императоръ Николай I писалъ 11 октября 1837 г. князю Паскевичу изъ Тифлиса [2]): „сегодня для примѣра, при разводѣ, за открытыя мной неслыханныя мерзости въ Эриванскомъ полку, Я снялъ публично эполеты и аксельбантъ съ флигель-адъютанта и полкового командира князя Д... и, арестовавъ, отправилъ въ Бобруйскъ, подъ военный судъ. Примѣръ сей строгой справедливости тѣмъ болѣе всѣхъ поразилъ что тутъ же сей аксельбантъ Я передалъ на сына Розена". Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 21 октября, Императоръ, въ дополненіе къ предыдущему письму, писалъ: „общая зараза своекорыстія, что всего страшнѣе, достигла и военную часть до невѣроятной степени, даже до того, что я вынужденнымъ былъ сдѣлать неслыханный примѣръ на собственномъ моемъ флигель-адъютантѣ. М.....сей, Командиръ Эриванскаго полка,

[1]) Рус. Инв., 1828 г., № 85.

[2]) Кн. Щербатовъ. Ген.-фельд. кн. Паскевичъ. Его жизнь и дѣятельность. Т. V.

князь Д..., обратилъ полкъ себѣ въ аренду и столь нагло, что публично держалъ стадо верблюдовъ, свиней, пчельни, винокуренный заводъ; на 60 т. пудъ сѣна, захваченный у жителей сѣнокосъ, употребляя на все солдатъ; въ полку при внезапномъ осмотрѣ найдено 534 рекрута, съ прибытія въ полкъ не одѣтыхъ, не обутыхъ, частію босыхъ, которые всѣ были у него въ работѣ! то есть, ужасъ! За то Я показалъ, какъ за неслыханныя мерзости неслыханно и взыскиваю. При полномъ разводѣ, объявя его вину, велѣлъ военному губернатору снять съ него флигель-адъютанскій аксельбантъ, арестовать и съ фельдъегеремъ отправить въ Бобруйскъ, для преданія суду, даромъ что женатъ на дочери бѣднаго Розена; сына же его, храбраго и добраго малаго, взялъ къ себѣ въ адъютанты"[1]). Судебное дѣло о князѣ Д... было представлено Государю, который, 12 мая 1840 г., положилъ собственноручную резолюцію: „Полковникъ князь Д... совершенно достоинъ присужденнаго наказанія[2]), вина его сугубо тяжка тѣмъ, что онъ носилъ званіе моего флигель-адъютанта и, бывъ родственникомъ корпуснаго своего командира, какъ бы обязанъ былъ симъ еще болѣе удаляться отъ всего законопротивнаго, служа скорѣе другимъ примѣромъ строгаго соблюденія порядка службы. Нарушивъ столь наглымъ образомъ свою обязанность, онъ недостоинъ никакого помилованія. Желая однако и въ семъ случаѣ оказать возможное вниманіе къ службѣ генералъ-адъютанта барона Розена, повелѣваю: лишивъ полковника князя Д... чиновъ, орденовъ, княжескаго и дворянскаго достоинствъ и вмѣнивъ ему трехлѣтнее содержаніе въ казематѣ въ наказаніе, отправить на жительство въ Вятку"[3]). Въ 1844 г. Д... былъ разрѣшенъ въѣздъ въ Москву, а въ 1856 г. Императоромъ Александромъ II ему были возвращены всѣ права. Конечно, катастрофа, постигшая Д..., какъ громовой ударъ разразилась надъ Кавказомъ, а слухи о ней пронеслись по всей Россіи, принимая порой самую фантастическую форму. Лореръ, въ своихъ воспоминаніяхъ[4]), говоритъ: „дорогою Государь получилъ доносъ на князя Д..., которымъ его

[1]) Щербатовъ. Op. cit.

[2]) Судомъ онъ былъ приговоренъ къ лишенію чиновъ, орденовъ, княжескаго и дворянскаго достоинства и къ написанію въ рядовые.

[3]) Мартьяновъ. Князь Д... флигель-адъютантъ Императора Николая I. Древ. и Нов. Рос., 1876, № 3, стр. 291.

[4]) Рус. Арх., 1874 г., кн. 2, стр. 371.

обвиняли въ употребленіи солдатъ на свои работы, недодачѣ жалованья рекрутамъ и прочихъ непозволительныхъ поступкахъ... Разводъ назначенъ былъ отъ полка, которымъ командовалъ Д... День былъ прекрасный; наконецъ, вышелъ Государь. Барабаны загрохотали, музыка гремѣла, но Царь махнулъ рукой, и водворилась тишина... Государь громко приказалъ коменданту снять съ князя Д... флигель-адъютантскіе аксельбанты... Тутъ же подъѣхала фельдъегерская тройка, посадили на нее оборваннаго, обезчестеннаго князя Д... и повезли въ крѣпость Бобруйскъ". Въ исторіи Эриванскаго полка [1]), про Д... сообщается, что Государь „въ виду всего народа приказалъ съ полковника Д... снять эполеты и флигель-адъютантскіе аксельбанты за тѣ злоупотребленія, о коихъ Государю было донесено". Полковой же адъютантъ Эриванскаго полка передаетъ и другія подробности этой катастрофы. По его словамъ, Государь, повернувшись къ присутствовавшимъ генераламъ, штабъ- и оберъ-офицерамъ, произнесъ громко и грозно: „торги, барыши ненавижу; Мои адъютанты сдѣлались здѣсь извозчиками и маркитантами. За хорошую и усердную службу Я достойно награждаю, за зло же и противозаконные поступки примѣрно наказываю, и примѣромъ этого будетъ полковникъ князь Д...". Потомъ, указавъ на него рукою, произнесъ гнѣвно: „Брайко [2]), снять аксельбанты!.." Брайко, подойдя къ Д..., никакъ не могъ отстегнуть аксельбантъ; замѣтно было, какъ у старика тряслись руки. Д... сохранившій присутствіе духа, разстегнулъ бортъ мундира и, отвязавъ аксельбантъ, передалъ его Брайко, который поднесъ его Государю. Государь, принявъ аксельбанты и какъ будто взвѣшивая ихъ, громко крикнулъ: „Розенъ"! Подбѣжалъ капитанъ Розенъ, и Государь, не подпустивъ его шага на три, бросилъ ему аксельбанты со словами: „на, но смотри, умѣй ихъ оправдать!.."

Въ дѣлахъ Императорской Главной Квартиры сохранился документъ, относящійся къ другому флигель-адъютанту — Ф..., также испытавшему несчастіе быть исключеннымъ изъ флигель-адъютантовъ. Дежурный генералъ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества, рапортомъ отъ 10 октября 1836 г. [3]), доносилъ Командую-

[1]) Составленной Шабановымъ.

[2]) Тифлисскій военный губернаторъ.

[3]) За № 4328; Д. У. И. Г. Кв., 1836 г., № 4.

щему Квартирою, что Государь, по представленію Главнокомандующаго дѣйствующею арміею, „о недостачѣ значительныхъ суммъ въ Павлоградскомъ гусарскомъ полку и разныхъ другихъ по сему полку неисправностяхъ, допущенныхъ командиромъ онаго флигель-адъютантомъ полковникомъ Ф...“, повелѣлъ его „отчислить по кавалеріи, съ исключеніемъ изъ званія флигель-адъютантовъ“.

Относительно флигель-адъютанта Копьева, командовавшаго Грузинскимъ гренадерскимъ полкомъ, Фелькнеръ [1]) сообщаетъ, что онъ былъ также лишенъ флигель-адъютантскаго званія и преданъ суду по обвиненію въ жестокомъ обращеніи съ подчиненными, изъ коихъ одинъ даже кончилъ жизнь самоубійствомъ, въ недоброкачественности поставляемыхъ въ полкъ продуктовъ и въ увеличеніи смертности среди нижнихъ чиновъ. Однако, военно-судная коммиссія признала полковника Копьева невиновнымъ.

Наконецъ, нужно упомянуть еще о флигель-адъютантѣ Шеміотѣ [2]), поручикѣ Л.-Гв. Гродненскаго гусарскаго полка, переведенномъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ капитаномъ, безъ сохраненія званія флигель-адъютанта. Проступокъ, повлекшій столь тяжелое наказаніе, заключался въ томъ, что флигель-адъютантъ Шеміотъ, командированный въ 1829 г. въ Архангельскъ, для наблюденія за производствомъ тамъ рекрутскаго набора, „прибывъ въ губернскій городъ Архангельскъ, далъ разумѣть всѣмъ, будто Государь Императоръ повелѣлъ ему собрать свѣдѣнія о торговлѣ и вообще о состояніи губерніи и сдѣлать свои предположенія о новыхъ учрежденіяхъ, которыя онъ признаетъ нужными и полезными; къ нему явились первостатейные купцы, занимающіеся лѣсною торговлею, говорили, что они стѣснены въ порубкѣ лѣсовъ и отпускѣ оныхъ за границу. Флигель-адъютантъ обѣщалъ представить о семъ министрамъ и Государю Императору и подавалъ надежду, что все по его представленію будетъ сдѣлано. Купцы и чиновники начали давать обѣды и пикники въ честь флигель-адъютанта. Военный губернаторъ разстегивалъ ему шарфъ въ квартирѣ своей, при собраніи большаго числа чиновниковъ, а въ церкви флигель-адъютантъ стоялъ впереди военнаго губернатора“. Далѣе оказалось, что Шеміотъ, послѣ даннаго имъ обѣда, игралъ до

[1]) Дѣло фл.-ад. Копьева. Рус. Стар., 1873 г.

[2]) Д. И. Г. Кв., 1840 г., № 6.

четырехъ часовъ утра въ банкъ, проигравъ при этомъ 700 р. Наконецъ, онъ танцовалъ въ мѣстномъ дворянскомъ собраніи въ разстегнутомъ мундирѣ. Подобное поведеніе было признано несовмѣстимымъ съ почетнымъ званіемъ флигель-адъютанта и, какъ сказано выше, Шеміотъ былъ переведенъ въ армію, съ исключеніемъ изъ среды Государевой Свиты.

Даже заслуженные генералъ-адъютанты лишались иногда своего почетнаго званія. Такъ, въ Высочайшемъ приказѣ отъ 9 февраля 1853 г. читаемъ: „бывшій предсѣдатель Комитета, Высочайше учрежденнаго 18-го августа 1814 года, генералъ отъ инфантеріи Ушаковъ 1 и члены сего Комитета адмиралъ Колзаковъ, генералъ отъ инфантеріи Мандерштернъ 1 и Арбузовъ 1, генералъ-лейтенанты Граббе 1 и Зассъ, за бездѣйствіе власти, безпечность и допущеніе важнаго государственнаго ущерба, предаются Военному Суду, съ учрежденіемъ особеннаго на сей случай Генеральнаго Военнаго Суда, подъ предсѣдательствомъ Главнокомандующаго дѣйствующею арміею генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго графа Паскевича-Эриванскаго изъ полныхъ генераловъ и адмираловъ, Высочайшею волею въ сей назначенныхъ, и членовъ генералъ-аудиторіата; генералъ отъ инфантеріи Ушаковъ, адмиралъ Колзаковъ, генералъ отъ инфантеріи Арбузовъ и генералъ-лейтенанты Граббе и Зассъ — арестованными, а генералъ отъ инфантеріи Мандерштернъ — неарестованнымъ, въ томъ уваженіи, что, состоя комендантомъ С.-Петербургской крѣпости, директоромъ Чесменской военной богадѣльни и членомъ Военнаго Совѣта, онъ, при исполненіи сихъ обязанностей, не могъ принимать равнаго съ прочими членами Комитета постояннаго въ дѣйствіяхъ онаго участія“. Преданные суду лица состояли въ званіи генералъ-адъютанта, каковое въ приказѣ о преданіи суду не упомянуто.

Приведенные примѣры, конечно, единичны. Это — лишь рѣдкія исключенія. Можно было бы опустить ихъ въ настоящемъ очеркѣ въ силу латинской пословицы—de mortuis aut bene, aut nihil. Но князь В. Ѳ. Одоевскій переиначивалъ эту поговорку и говорилъ—de mortuis seu veritas, seu nihil. Согласно послѣднему изреченію, изложены нѣкоторые случаи исключенія генералъ- и флигель-адъютантовъ изъ персонала Государевой Свиты. Замалчивать о нихъ значило бы скрывать историческую правду. Къ тому же эти исключенія нисколько не измѣняютъ общаго характера отношеній Императора Николая I къ своей

Свитѣ. Если иногда, въ особо выдающихся случаяхъ, Онъ снималъ вензеля и погоны съ нѣкоторыхъ чиновъ Свиты, то вѣдь это совершалось по желанію выше поднять Свою Свиту, къ которой Онъ питалъ, въ общемъ, большое довѣріе и относился весьма милостиво. Потому-то въ Государевой Свитѣ должны были отсутствовать лица, недостойныя съ честью носить высокаго званія генералъ- и флигель-адъютантовъ и генералъ-маіоровъ Свиты Его Величества.

Назначеніе генералъ - адъютантовъ шефами полковъ.

Милостивое отношеніе Государя къ лицамъ своей Свиты проявлялось и въ милостивыхъ выраженіяхъ даваемыхъ имъ рескриптовъ и грамотъ и въ назначеніяхъ ихъ на самыя почетныя должности.

Конечно, самою выдающеюся наградой нужно признать назначеніе шефами полковъ. Въ царствованіе Императора Николая изъ лицъ Государевой Свиты шефами полковъ назначены были: генералъ-адъютантъ князь Меншиковъ—нынѣшняго 9 пѣхотнаго Староингерманландскаго генералъ-фельдмаршала князя Михаила Голицына полка (съ 25 іюля 1851 г.), генералъ-фельдмаршалъ князь Волконскій—13 пѣхотнаго Бѣлозерскаго генералъ-фельдмаршала графа Ласси полка (съ 3 января 1843 г. по 6 декабря 1850 г.); генералъ-фельмаршалъ графъ Дибичъ-Забалканскій—нынѣшняго 29 пѣхотнаго Черниговскаго полка, сохранившаго имя своего шефа (съ 30 іюля 1829 г.); генералъ-адъютантъ князь Воронцовъ—нынѣшняго 79 пѣхотнаго Куринскаго полка (съ 8 іюля 1845 г. по 6 ноября 1856 г.); генералъ-адъютантъ князь Чернышевъ—нынѣшняго 80 пѣхотнаго Кабардинскаго (съ 11 апрѣля 1843 г. по 21 іюня 1857 г.) и 2 драгунскаго С.-Петербургскаго полковъ (съ 2 марта 1844 г. по 2 марта 1864 г.); генералъ-фельдмаршалъ князь Варшавскій графъ Паскевичъ-Эриванскій—нынѣшнихъ Ширванскаго[1]) (съ 13 сентября 1828 г. по 20 января 1856 г.), 7 драгунскаго Новороссійскаго (съ 15 сентября 1852 г. по 20 января 1856 г.) и 15 драгунскаго Александрійскаго полковъ (съ 1 сентября 1845 г. по 1851 г.); генералъ - адъютантъ графъ фонъ - деръ-Паленъ—нынѣшняго 3 драгунскаго Сумскаго полка (съ 19 января 1853 г. по 25 апрѣля 1863 г.); генералъ-адъютантъ Васильчиковъ—нынѣшняго 36 драгунскаго Ахтырскаго полка (съ 1 января 1840 г. по 15 мая 1850 г.).

[1]) Назначеніе шефомъ 84 пѣх. Ширванскаго полка послѣдовало за взятіе Ахалцыха въ персидскую войну 1828 г. Багратіонъ выражался о Паскевичѣ: „онъ не Иванъ, но Левъ Ѳедоровичъ (Полевой, Рус. полководцы, 347).

Назначеніе генералъ-адъютантовъ на высшія государственныя должности.

Изъ лицъ же Государевой Свиты многіе занимали весьма высокіе посты: предсѣдателями Комитета Министровъ были князь И. В. Васильчиковъ (1838—1847) и гр. В. В. Левашовъ (1847—1848); первый же былъ и предсѣдателемъ департамента законовъ Государственнаго Совѣта (1832—1838). Были генералъ-адъютанты и министрами (напр., гр. А. А. Закревскій—внутреннихъ дѣлъ, съ 1829 по 1831 г., гр. П. Д. Киселевъ—государственныхъ имуществъ, съ 1837 г.). Въ составъ Верховнаго Уголовнаго Суда, разсматривавшаго дѣло декабристовъ, были, между прочимъ, назначены генералъ-адъютанты Войновъ, графъ Ламбертъ, Сенявинъ, Бороздинъ, Паскевичъ, графъ Комаровскій, Башуцкій, Закревскій, Бистромъ [1]). Въ слѣдственную по тому же дѣлу комиссію, подъ предсѣдательствомъ Военнаго Министра графа А. И. Татищева, вошли, между прочимъ, Петербургскій военный губернаторъ П. В. Голенищевъ [2]) и генералъ-адъютанты А. Н. Чернышевъ, А. Х. Бенкендорфъ, В. В. Левашовъ и А. Н. Потаповъ.

Примѣры изъявленія Высочайшей благодарности чинамъ Свиты.

Изъ Высочайшихъ благодарностей лицамъ Свиты особаго вниманія заслуживаетъ та, которая была отдана въ дополненіе къ Высочайшему приказу отъ 12 августа 1852 г. и касалась значительнаго числа генераловъ Свиты и флигель-адъютантовъ. Въ этомъ приказѣ [3]) объявлялось „особенное Монаршее благоволеніе за примѣрную быстроту и точность въ передачѣ повелѣній Государя бывшимъ при лицѣ Его Величества во время маневровъ“: Свиты Его Величества генералъ-маіорамъ кн. Голицыну 3, Лутковскому, гр. Орлову-Денисову 1, Демидову 1, кн. Урусову 2 и Гечевичу и флигель-адъютантамъ Ихъ Императорскимъ Высочествамъ Великимъ Князьямъ Николаю и Михаилу Николаевичамъ, полковникамъ Анненкову 7, Волкову 6, подполковнику Исакову 1, маіору кн. Лобанову-Ростовскому 1, ротмистрамъ Стюрлеру, Скобелеву, капитану кн. Оболенскому, штабсъ-капитану Веймарну и штабсъ-ротмистру гр. Левашову.

Изъ лестныхъ грамотъ приведемъ, для примѣра, Высочайшую грамоту, данную 31 декабря 1831 г. на имя генералъ-адъютанта генерала отъ кавалеріи графа Чернышева, управлявшаго въ то время Главнымъ Штабомъ Его Императорскаго Величества и Военнымъ Ми-

[1]) Указъ Правительствующему Сенату отъ 1 іюня 1826 г.

[2]) Онъ былъ возведенъ одновременно съ генералъ-адъютантомъ Бенкендорфомъ въ графское достоинство въ 1832 г.

[3]) Рус. Инв., 1852 г., № 184.

нистерствомъ [1]): „долговременная служба ваша на поприщѣ военномъ и при исполненіи многихъ важнѣйшихъ порученій—всегда сопровождалась отличною ревностію, благоразумною дѣятельностью и пламеннымъ усердіемъ къ пользамъ Нашимъ и Отечества. Болѣе трехъ лѣтъ начальствуя двумя обширнѣйшими частями высшаго военнаго управленія въ Государствѣ, Вы вполнѣ оправдали Монаршія ожиданія. Вашею попечительностію, неусыпностію, рвеніемъ и предусмотрительностію, войска Наши, среди двухлѣтней войны въ Турціи и нынѣ при усмиреніи польскихъ мятежниковъ съ примѣрнымъ успѣхомъ обезпечивались и снабжались всѣмъ, отъ Военнаго Министерства зависящимъ; расходы государственные по военному вѣдомству, не взирая на всѣ трудности военныхъ событій, ощутительно сокращены и во всемъ составѣ военнаго управленія, Вамъ порученнаго, сдѣланы многія полезныя улучшенія“ [2]). Въ рескриптѣ, данномъ генералъ-адъютанту Чернышеву при возведеніи его 22 августа 1826 года въ графское достоинство, пояснено, что это достоинство ему жалуется въ воздаяніе неутомимаго усердія при исполненіи неоднократно возлагаемыхъ на него важныхъ порученій въ Бозѣ почившимъ Государемъ Императоромъ, удостоившимъ его особаго довѣрія, и въ изъявленіе благоволенія къ неусыпнымъ трудамъ, имъ понесеннымъ въ послѣднее время при открытіи злоумышленниковъ и произведеніи о нихъ изслѣдованія.

Въ рескриптѣ, данномъ 26 сентября 1827 г. генералъ-адъютанту Паскевичу, читаемъ [3]): „Иванъ Ѳедоровичъ! Съ особеннымъ удовольствіемъ усмотрѣлъ Я изъ донесеній Вашихъ, что Вы при первой встрѣчѣ съ непріятельскою арміею, предводительствуемою самимъ наслѣдникомъ персидскаго престола, нанесли оной значительное пораженіе и наказали тѣмъ за вѣроломное вторженіе въ предѣлы любезнаго Нашего Отечества. Относя сіе къ благоразумнымъ распоряженіямъ Вашимъ и къ тому испытанному духу храбрости, который всегда служилъ подчиненнымъ Вашимъ первымъ примѣромъ,

[1]) Говоря о ген.-ад. Чернышевѣ, нельзя не обмолвиться о томъ, что Императоръ Александръ I, прочитавъ донесеніе Чернышева передъ отечественною войною, написалъ карандашемъ: „que n'aije beaucoup de ministres comme ce jeune homme“ (Шильдеръ, Воен. Сб., 1902 г., IV, 23).

[2]) Рус. Инв., 1832 г., № 2.

[3]) Рус. Инв., 1827 г., 29 сентября.

Мнѣ пріятно во изъявленіе отличнаго Моего къ Вамъ расположенія и въ память одержанной надъ персіянами побѣды, препроводить къ Вамъ украшенную алмазами шпагу, съ надписью „за пораженіе персіянъ при Елисаветградѣ“, увѣренъ будучи, что оная въ рукахъ Вашихъ укажетъ войскамъ Нашимъ путь къ новой побѣдѣ“ [1]).

Высочайшимъ рескриптомъ, даннымъ 28 января 1826 г. на имя инженеръ-генерала Оппермана, читаемъ [2]): „Карлъ Ивановичъ! Во вниманіе къ отлично-усердной и долговременной службѣ вашей и въ знакъ особеннаго Моего къ Вамъ благоволенія жалую вамъ вензелевое изображеніе Моего Имени на эполеты. Мнѣ пріятно при семъ случаѣ удостовѣрить васъ, что заслуги ваши пріобрѣли вамъ право на всегдашнюю Мою благодарность“ [3]).

При производствѣ Дибича въ генералъ-фельдмаршалы, Императоръ Николай I писалъ ему 22 сентября [4]): „Возблагодаривъ Бога на Марсовомъ полѣ, среди войскъ и огромной толпы, Я обращаюсь къ вамъ, Мой любезный другъ, съ душевной благодарностью“ [5]).

Назначая К. И. Бистрома, 3 марта 1825 г., командующимъ гвардейскою пѣхотою, Императоръ Александръ I назначилъ командиромъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи Великаго Князя Михаила Павловича, а 2-й — Николая Павловича; при этомъ Государь выразился:

[1]) Въ военной пѣснѣ, посвященной графу Паскевичу Эриванскому поется:

Ура! Паскевичъ Эриванскій!
Ты русскій громъ, страхъ Оттоманскій!
Ты обломилъ лунѣ рога!
Грозой войны смирилъ врага!
Ура! Ура! Ура!
(Рус. Инв., 1829 г., № 216).

[2]) Опперманъ преподавалъ инженерныя науки Императору Николаю въ его юношескіе годы (Сб. И. Р. И. Об., т. 98).

[3]) Рус. Инв., 1826 г., № 31.

[4]) В. уч. арх., отд. 2, № 2895, б.

[5]) Въ этомъ же письмѣ Государь писалъ, между прочимъ: „наша умѣренность зажметъ ротъ всѣмъ нашимъ клеветникамъ, а насъ самихъ миритъ съ нашею совѣстью“. Относительно кончины фельдмаршала графа Дибича, графъ Толь, начальникъ штаба арміи, 29 мая 1831 г., доносилъ изъ дер. Клешево, подъ Пултускомъ, Государю: „съ сокрушеннымъ сердцемъ я вижу себя въ обязанности донести Вашему Императорскому Величеству о горестной внезапной кончинѣ г. Главнокомандующаго графа Дибича-Забалканскаго, умершаго нынѣ, въ 12-мъ часу пополудни, отъ припадка холеры, въ одной изъ высшихъ ея степеней“ (Мѣст. первон. погреб. фельдм. гр. И. И. Диб.- Заб.; Истор. Вѣстн., 1901 г., IV).

„Карлъ Ивановичъ! Я долго испытывалъ тебя и убѣдился, наконецъ, что смѣло могу поручить подъ твое начальство Моихъ братьевъ". Отсюда—личная извѣстность Бистрома Николаю Павловичу, называвшаго его и послѣ вступленія на Престолъ Своимъ начальникомъ. Отсюда—послѣдовавшее 20 декабря 1825 г. назначеніе Бистрома генералъ-адъютантомъ [1]).

Въ рескриптѣ отъ 25 іюня 1830 г., при коемъ генералъ-адъютанту Ушакову 2-му былъ пожалованъ орденъ св. Александра Невскаго, Государь излагалъ, что это пожалованіе Онъ дѣлаетъ, „желая вознаградить долговременную и отлично-усердную службу вашу и въ особенности ознаменовать признательность Мою за безотлучное въ продолженіе тридцати лѣтъ ваше при Мнѣ нахожденіе".

Генералъ-адъютантъ Поццо-ди-Борго былъ возведенъ въ графское достоинство „во вниманіе къ отличной службѣ и въ ознаменованіе особенной признательности къ ревностнымъ трудамъ его въ качествѣ чрезвычайнаго и полномочнаго посла при Дворѣ Его Величества Короля французовъ" [2]).

Генералъ-адъютанту адмиралу Сенявину былъ пожалованъ въ 1827 г. орденъ св. Александра Невскаго за труды, оказанные имъ во время плаванія лѣтомъ того года ввѣренной его командованію эскадры, при Высочайшемъ осмотрѣ коей были найдены, по введенному новому порядку, полное устройство и тѣ значительные успѣхи, какіе Государь желалъ видѣть [3]).

Въ 1844 году Императоръ Николай I рѣшилъ, для болѣе удобнаго дѣйствія противъ Шамиля, сосредоточить въ однѣхъ рукахъ разрозненныя до того времени гражданскую и военную власти на Кавказѣ. Кавказскимъ намѣстникомъ былъ избранъ графъ М. С.

[1]) Приведемъ любопытный отзывъ о генералъ-адъютантѣ Бистромѣ инвалида Кремнева. Описывая Бородинское сраженіе, Кремневъ сообщаетъ своему товарищу: „въ гвардейскомъ корпусѣ есть полковникъ Быстрой, дѣтина, какъ будто на заказъ сдѣланъ; кровь съ молокомъ; онъ съ егорями у Бородина защищалъ мостъ; я нарочно хотѣлъ взглянуть на него; ну, сущій, братъ, орелъ! а натура то у него, кажись, львиная; въ сраженіи, говорятъ ужасъ, какъ страшенъ; землю, слышь, такъ деромъ и деретъ, лишь завидитъ нехристя, волосы всклочены, какъ овинъ; нарочно не стрижется и не чешется; глаза, какъ казацкая пика"... Послѣ смерти Бистрома былъ наложенъ трауръ на 24 часа (Лукьяновичъ. Біографія ген.-ад. Бистрома).

[2]) Рус. Инв., 1826 г., № 215.

[3]) Рус. Инв., 1827 г., № 251.

Воронцовъ, коему $^{17}/_{29}$ ноября 1844 г. Государь писалъ, между прочимъ: „считаю нужнымъ избрать исполнителемъ Моей непремѣнной воли лицо, облеченное всѣмъ Моимъ неограничнымъ довѣріемъ: зная ваше всегдашнее пламенное усердіе къ пользамъ государства, выборъ Мой палъ на васъ, въ томъ убѣжденіи, что вы, какъ главнокомандующій войскъ на Кавказѣ и намѣстникъ Мой въ сихъ областяхъ съ неограниченнымъ полномочіемъ, проникнутые важностію порученія и Моимъ къ вамъ довѣріемъ, не откажетесь исполнить Мое ожиданіе“ [1]).

Назначеніе въ Свиту, какъ почетная награда.

Графъ П. Х. Граббе, въ своемъ дневникѣ, подъ 16 іюля 1839 г., пишетъ, что получилъ письмо Вревскаго, въ которомъ онъ сообщаетъ о лестныхъ наградахъ, которыми Государь почтилъ Граббе и его отрядъ за побѣду; „я сдѣланъ генералъ-адъютантомъ; приказъ еще не присланъ; никакая награда не могла для меня быть пріятнѣе“, а подъ 22 іюля: „наконецъ, приказы и письма; великодушный Государь! Сколько счастія посылаетъ мнѣ небо въ сумерки моей жизни“ [2]). Генералъ-адъютантъ Муравьевъ передаетъ свой разговоръ съ Военнымъ Министромъ по поводу отказа его, Муравьева, отъ предлагавшейся ему должности генералъ-квартирмейстера. Между прочимъ, ген.-ад. Чернышевъ ему сказалъ: „какъ? Вы считаетесь при лицѣ Государя, чего ничего не можетъ быть лестнѣе; вы — генералъ-адъютантъ; Государь хочетъ васъ отличить еще отъ среды вашихъ сослуживцевъ, приближая васъ еще къ Себѣ и возводя въ званіе, по полученіи коего всякій почелъ бы себя счастливымъ“ [3]).

Любопытно описываетъ генералъ-адъютантъ Муравьевъ приведенныя выше обстоятельства полученія имъ званія генералъ-адъютанта и его разговоры по этому поводу съ Высочайшими Особами. „Вчера [4]), въ то время, какъ я занимался ввечеру съ офицерами стрѣльбою въ цѣль, прибылъ царочный, присланный изъ Одессы, съ письмомъ отъ графа Орлова, коимъ онъ увѣдомляетъ о сдѣланномъ мнѣ вновь назначеніи отъ 1 іюля генералъ-адъютантомъ“. По прибытіи въ Петербургъ, онъ представлялся Государю; „Государь, — пишетъ Муравьевъ, — наконецъ, спросилъ меня, доволенъ-ли я, что Онъ меня причисляетъ въ число *своихъ*, назначивъ меня адъютантомъ

---

[1]) Щербининъ. Біогр. г.-ф. кн. Мих. Сем. Воронцова, стр. 212—213.

[2]) Изъ записной книжки гр. П. Х. Граббе. Рус. Арх., 1888 г.

[3]) Рус. Арх., 1884 г., № 9.

[4]) 15 іюля 1833 г.

своимъ; я благодарилъ Его за милость“ [1]). На придворномъ балу, 15 октября, Муравьева спросила Вел. Кн. Елена Павловна, имѣетъ-ли онъ уже назначеніе, и онъ отвѣчалъ, что имѣетъ „самое лестное, какое только имѣть можно—генералъ-адъютанта при Его Величествѣ“ [2]).

Генералъ - адъютантъ Мердеръ заноситъ въ дневникъ подъ 22 августа 1826 г. [3]): „Велики милости царскія на меня и на всѣхъ его подданныхъ; Кутузовъ, Дибичъ, Депрерадовичъ, Розенъ, Жомини, Трубецкой — назначены генералъ-адъютантами къ Его Величеству“, слѣдовательно, и Мердеръ, какъ и другіе, считаетъ „великою милостью“ званія генералъ-адъютанта.

Точно также милость Государя выразилась въ повелѣніи въ 1828 г. Одесскому градоначальнику доносить рапортами Командующему Императорскою Главною Квартирою о состояніи здоровья генералъ-адъютанта князя Меншикова.

Особое же высокомилостивое отношеніе Государя къ Свитѣ выразилось въ назначеніи въ Свиту лицъ Августѣйшаго семейства: въ генералъ-адъютанты были пожалованы: Великій Князь Михаилъ Павловичъ (23 сентября 1831 г.), Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ (17 апрѣля 1843 г.) и Великій Князь Константинъ Николаевичъ (26 ноября 1826 г.); въ званіе Свиты генералъ-маіора были назначены: Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ (6 декабря 1836 г.), герцогъ Лейхтенбергскій Максимиліанъ (25 іюня 1843 г.), Великіе Князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ (оба 26 ноября 1852 г.), наконецъ, въ званіе флигель-адъютантовъ были пожалованы: Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ (17 апрѣля 1834 г.), Великіе Князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ (оба 23 апрѣля 1850 г.).

Милостиво отнесся Императоръ Николай I и къ молодому Я. И. Ростовцеву; только что назначенный флигель-адъютантомъ, онъ пишетъ въ своихъ запискахъ [4]): „19 числа вечеромъ [5]), когда матушка по обыкновенію сидѣла возлѣ моей постели, флигель - адъютантъ полковникъ Адлербергъ вошелъ ко мнѣ въ комнату и сказалъ,

---

[1]) Рус. Арх., 1884 г., № 8, 513.

[2]) Ib., 518.

[3]) Рус. Стар., 1885 г., № 2.

[4]) Изъ записокъ Іакова Ивановича Ростовцева (1825 и 1826 гг.). Рус. Арх., 1883 г.

[5]) Т. е. 19 декабря 1825 г.

что Государь желаетъ меня видѣть; я немедленно одѣлся. По прибытіи во дворецъ,—пишетъ далѣе Ростовцевъ,—и войдя въ комнаты, я увидѣлъ, что въ ней „находились генералы Васильчиковъ и Мартыновъ и флигель-адъютанты Перовскій, Делингсгаузенъ, князь Голицынъ, Лазаревъ, гр. Шеличъ и еще кто, не упомню; Государь немедленно вышелъ, подошелъ ко мнѣ и, взявъ за руку, подвелъ къ генералъ-адъютанту Васильчикову; „Ларіонъ Васильевичъ,—сказалъ Онъ,—рекомендую тебѣ Моего друга; Перовскій, отведи ему комнаты во дворцѣ, поближе ко Мнѣ“. Ларіонъ Васильевичъ — это князь Васильчиковъ, пользовавшійся большою довѣренностью Императора Николая. Про значеніе его смерти баронъ Корфъ отмѣчаетъ въ своихъ запискахъ [1]): „для Императора Николая, по чувствамъ Его, эта потеря [2]) была тѣмъ же, что потеря Лефорта для Петра Великаго; князь Васильчиковъ былъ единственнымъ человѣкомъ въ Россіи, который, во всякое время и по всѣмъ дѣламъ, имѣлъ свободный доступъ и свободное слово къ своему Монарху, человѣкъ, котораго Императоръ Николай не только любилъ, но и чтилъ, какъ никого другого, одинъ, въ которомъ Онъ никогда не подозрѣвалъ скрытой мысли, которому довѣрялся вполнѣ и безъ утайки, какъ прямодушному и благонамѣренному совѣтнику, почти какъ ментору; одинъ, можно сказать, котораго Онъ считалъ и называлъ своимъ другомъ! Съ Васильчиковымъ исчезло, въ этомъ отношеніи, совершенно типическое лицо, которое уже не могло болѣе возобновиться въ то царствованіе“.

Отношеніе Императора Николая Павловича къ Своей Свитѣ и вообще черты службы послѣдней рельефно вырисовываются, между прочимъ, и изъ записокъ генералъ-адъютанта графа Е. Ѳ. Комаровскаго.

Заимствуемъ изъ нихъ наиболѣе интересныя свѣдѣнія [3]).

15 декабря „Государь позвалъ меня къ Себѣ и сказать мнѣ изволилъ: „Я ожидаю отъ васъ, любезный графъ, большой услуги... Я хочу послать васъ въ Москву, съ объявленіемъ о восшествіи Моемъ на Престолъ“. Кромѣ того, Государь поручилъ мнѣ удостовѣриться въ духѣ поселенныхъ войскъ и донести Его Величеству, по эстафетѣ, въ собственныя руки, но не изъ Новгорода, а изъ перваго удобнаго мѣста... Я выѣхалъ изъ Петербурга во вторникъ, 15-го

[1]) Рус. Стар., 1900 г., февраль.

[2]) Т. е. смерть генералъ-адъютанта кн. И. В. Васильчикова.

[3]) Рус. Арх., 1867 г., стр. 1314 и слѣд.

декабря, въ 8 часовъ вечера, со мною были адъютанты Новосильцевъ, князь Голицынъ и мой—Жеребцовъ... Пріѣхалъ въ Москву въ ночь съ четверга на пятницу и остановился у военнаго губернатора кн. Голицына. Князь Голицынъ послалъ за старшимъ оберъ-прокуроромъ Сената Московскихъ департаментовъ, княземъ Гагаринымъ, чтобы оповѣстить гг. сенаторовъ собраться въ Сенатъ, для выслушанія манифеста о восшествіи на Престолъ Императора Николая I-го, а къ Архіепископу Филарету, для приведенія къ присягѣ въ Успенскомъ соборѣ, въ 8 часовъ утра. Московское купечество поднесло мнѣ вызолоченый кубокъ весьма древней работы съ тысячью червонцевъ и съ надписью—„Вѣстнику о всерадостнѣйшемъ восшествіи на Престолъ Императора Николая Павловича отъ московскаго купечества“ [1]). Я выѣхалъ изъ Москвы въ ночь на воскресенье 19-го декабря 1825 года, а въ Петербургъ пріѣхалъ 22-го числа того же мѣсяца... Государь былъ очень доволенъ моимъ скорымъ возвращеніемъ. При вторичномъ пріемѣ меня на другой день Государь сказалъ: „Я этой службы твоей никогда не забуду“.

Про церемоніалъ встрѣчи и погребенія тѣла Императора Александра I гр. Комаровскій пишетъ: „Я ѣздилъ до станціи Чудово, на встрѣчу тѣла покойнаго и незабвеннаго моего благодѣтеля Императора Александра Павловича и имѣлъ нѣсколько разъ счастіе стоять при его гробѣ... Въ церкви Чесменскаго дворца тѣло Императора переложено было въ свинцовый гробъ; переложеніе это было сдѣлано одними только генералъ-адъютантами, бывшими при Его Величествѣ, въ числѣ которыхъ и я находился. Во все время, какъ тѣло находилось въ Казанскомъ Соборѣ, одни только генералъ-адъютанты покойнаго Государя были дежурными при его гробѣ“.

Про обрядъ Св. Коронованія гр. Комаровскій отмѣчаетъ: „Внезапный пріѣздъ Его Высочества Цесаревича къ этому всерадостному

---

[1]) Относительно обычая подношеній командированнымъ чинамъ Свиты князь Д. Голицынъ писалъ 26 апрѣля 1841 г. В. П. Барышникову: „мнѣ кажется, напрасно уклонялся г. генералъ-адъютантъ Кавелинъ отъ принятія назначенныхъ ему, какъ вѣстнику радостнаго событія (бракосочетанія Наслѣдника Цесаревича), подарковъ отъ дворянъ и купечества Москвы, ибо всегда были примѣры тому, что въ подобныхъ случаяхъ привезшій радостную вѣсть принималъ предлагаемый подарокъ, который могъ служить воспоминаніемъ для него изъявленныхъ жителями чувствованій“ (Рус. Арх., 1901 г.). Обычай этотъ сохранился въ первопрестольной столицѣ по настоящее время.

дню восхитилъ какъ всю Императорскую Фамилію, такъ и жителей Москвы, равно и всѣхъ бывшихъ при этомъ великомъ случаѣ. Цесаревичъ во время коронаціи былъ въ генералъ-адъютантскомъ мундирѣ, а потому и намъ всѣмъ приказано было имѣть тотъ же мундиръ. Въ самый день коронаціи Государю угодно было послать меня съ возвѣщеніемъ жителямъ Петербурга объ этомъ счастливомъ для Россіи происшествіи. Со мною посланы были нѣкоторыя награды; между прочимъ, мнѣ пріятно было почтеннѣйшей и всѣми уважаемой графинѣ Ливенъ самому вручить браслетъ съ портретомъ Императора, осыпанный бриліантами, и объявить ей, что она и все ея потомство возведены на степень князей, съ титломъ свѣтлости".

„Итакъ, — заключаетъ генералъ-адъютантъ Комаровскій свои записки,— Государю угодно было возложить на меня два важныя и пріятныя порученія и содѣлать меня свидѣтелемъ восторга жителей обѣихъ столицъ Имперіи"...

Возложеніе почетныхъ обязанностей на Свиту при погребеніи Императора Николая I.

Отмѣтимъ, наконецъ, участіе Государевой Свиты въ церемоніалѣ погребенія Императора Николая I, въ каковомъ имъ, по примѣру прошлаго, было отведено исключительно почетное мѣсто.

Императоръ Николай I въ Бозѣ почилъ въ 11 ч. 20 м. пополудни, 18 февраля 1855 г., въ Своемъ кабинетѣ Императорскаго Зимняго Дворца, въ С.-Петербургѣ.

Государева Свита принимала большое участіе въ печальной церемоніи погребенія почившаго Монарха.

Въ самый день кончины Министръ Императорскаго Двора увѣдомилъ Командующаго Квартирой [1]), что Государю Императору „угодно, чтобы при тѣлѣ въ Бозѣ почившаго Императора Николая Павловича, пока оное будетъ находиться въ той комнатѣ, въ которой Онъ скончался, дежурили одинъ генералъ-адъютантъ, одинъ флигель-адъютантъ и одинъ генералъ Свиты Его Величества". Первое дежурство заступило въ отправленіе своей обязанности въ 11 часовъ вечера 18 же февраля; первыми дежурными были: генералъ-адъютантъ Огаревъ, генералъ-маіоръ Свиты князь Паскевичъ и флигель-адъютантъ Чертковъ; смѣна происходила чрезъ каждые три часа.

20 февраля, въ 7 часовъ вечера, происходило положеніе во гробъ и перенесеніе тѣла почившаго Императора изъ опочивальной комнаты

[1]) Отношеніе за № 493; Д. У.-Г. Кв., 1855 г., № 24.

въ траурную залу. Согласно Высочайше изъявленной волѣ, перенесеніе тѣла было совершено двѣнадцатью старшими генералъ-адъютантами [1]) барономъ Жомини, графомъ фонъ-деръ-Паленомъ, графами Орловымъ и Киселевымъ, Кноррингомъ, графомъ Клейнмихелемъ, Бергомъ, графами Апраксинымъ и Адлербергомъ, Арбузовымъ, Сумароковымъ и графомъ Строгановымъ 2. По перенесеніи тѣла въ тронную залу смѣна дежурныхъ происходила для генералъ-адъютантовъ и генералъ-маіоровъ Свиты—чрезъ четыре часа, а для флигель-адъютантовъ—чрезъ шесть часовъ.

Въ дѣлахъ Императорской Главной Квартиры имѣется любопытная записка графа Орлова, датированная 22 февраля: „Графъ Мюнстеръ изъявилъ мнѣ желаніе дежурить въ очередь флигель-адъютантовъ при тѣлѣ покойнаго Государя Императора, на что нынѣ Царствующій милостиво согласился. Прошу тебя съѣздить къ нему и спросить у него, въ какомъ часу ему удобнѣе. Я также въ Берлинѣ дежурилъ при тѣлѣ покойнаго Короля; само по себѣ разумѣется, сдѣлай такъ, чтобы ему не было безпокойно“. Изъ списка же дежурныхъ видно, что флигель-адъютантъ короля Прусскаго графъ Мюнстеръ дежурилъ уже съ 8 час. утра до 2 часовъ пополудни 22 февраля, вмѣсто флигель-адъютанта. Въ очередь же съ генералъ-міорами Свиты дежурилъ 3 марта, отъ 12 до 4 часовъ дня, генералъ-маіоръ Свиты Его Величества короля Прусскаго Браухичъ; Высочайшее соизволеніе на разрѣшеніе ему дежурить при гробѣ было сообщено собственноручною запискою Министра Императорскаго Двора Командующему Квартирою [1]).

При перевезеніи праха почившаго Императора изъ Зимняго дворца въ Петропавловскій соборъ, 27 марта, лица Свиты отправляли самыя почетныя обязанности: при кистяхъ печальной колесницы состояли генералъ-адъютанты графъ Клейнмихель, Кноррингъ, Бергъ, Сумароковъ, Зассъ, баронъ Мейендорфъ, Фельдманъ и Толстой, а у штанговъ—генералъ-адъютанты баронъ Притвицъ, Ростовцевъ, Назимовъ и баронъ Вревскій; изъ генералъ-маіоровъ Свиты –Пашковъ, Шварцъ, Назимовъ, Путята, фонъ-Бринъ и князь Долгоруковъ 2—

---

[1]) Освобождены были генералъ-адъютанты князь Чернышевъ—„по слабости здоровья“, Сухозанетъ—„по неимѣнію ноги“ и Бибиковъ—„по неимѣнію руки“ (отн. Мин. Им. Дв., 20 февр., № 520).

[2]) 1 марта.

состояли при кистяхъ печальной колесницы, а князь Прозоровскій, Голицынъ и Анненковъ 5—для поддержанія передней кисти покрова; наконецъ, ассистентами при Государѣ Императорѣ состояли графъ Орловъ и Киселевъ.

Посмертные останки Императора были выставлены въ Петропавловскомъ соборѣ, до субботы 5 марта; дежурными при гробѣ по прежнему состояли лица Свиты по одному генералъ-адъютанту, Свиты Его Величества генералъ-маіору и флигель-адъютанту, при чемъ первому было поручено наблюденіе за общимъ порядкомъ въ соборѣ [1]).

Погребеніе совершилось 5 марта. Императоръ Александръ II отправился въ соборъ верхомъ, впереди экипажей Государынь Императрицъ, въ сопровожденіи Великихъ Князей и прибывшихъ иностранныхъ принцевъ; верхами же слѣдовали за Государемъ дежурные чины Свиты и состоявшіе при иностранныхъ особахъ генералъ-адъютанты, генералъ-маіоры Свиты и флигель-адъютанты; вся же остальная Свита Государя и иностранныхъ особъ должна была заблаговременно прибыть въ соборъ въ экипажахъ [2]).

Послѣднее дежурство чиновъ Свиты продолжалось до совершеннаго задѣланія могилы; дежурство составляли: генералъ-адъютантъ графъ Красинскій, Свиты генералъ-маіоръ Озеровъ и флигель-адъютантъ Чебышевъ.

Для полноты очерка участія Свиты въ печальныхъ церемоніяхъ упомянемъ, что по Высочайшему повелѣнію были командированы съ манифестомъ о кончинѣ Императора Николая I генералъ-адъютанты: Ланской 3—въ Москву, Ефимовичъ 1—въ Варшаву, графъ Ржевускій въ Тифлисъ, генералъ-маіоръ Свиты князь Варшавскій графъ Паскевичъ-Эриванскій — въ Севастополь, флигель-адъютанты кн. Шаховской въ Кишеневъ и гр. Строгановъ—въ Гельсингфорсъ; для сопровожденія же, по окончаніи всѣхъ церемоній, Императорскихъ регалій въ Москву былъ назначенъ генералъ-адъютантъ Ланской [3]).

---

[1]) Отношеніе Верховнаго Маршала печальной коммиссіи графа Гурьева, отъ 27 февраля, за № 518, къ Командующему Квартирою.

[2]) Отнош. Мин. Имп. Дв., 21 марта, № 701.

[3]) Подробности печальной церемоніи изложены въ отдѣльной брошюрѣ—Опис. погреб. бл. пам. Имп. Ник. I, съ присовок. истор. о погреб. цар. и импер. всер. и нѣк. друг. евр. гос., 1856 г.

VI.

Военно-Походная канцелярія Его Императорскаго Величества.

При общей реорганизаціи высшаго управленія всѣми военно-сухопутными силами Россійской Имперіи, 1 мая 1832 г. была снова учреждена Военно-Походная Его Императорскаго Величества Канцелярія, существовавшая ранѣе съ 1797 г. по 1812 г. — Учрежденіе Военно-Походной Канцеляріи.

Въ виду того, что Военно-походная Канцелярія, испытавъ нѣсколько преобразованій, въ настоящее время соединена съ Императорскою Главною Квартирою, представляется необходимымъ въ настоящемъ очеркѣ изложить—хотя бы въ нѣсколькихъ словахъ—также и исторію Военно-Походной Канцеляріи [1]).

Согласно проекту образованія Военнаго Министерства, удостоенному Высочайшаго утвержденія 1 мая 1832 г. [2]), во главѣ Военно-Походной Канцеляріи поставленъ начальникъ ея, подчиненный, какъ входящій въ составъ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества, лишь Военному Министру [3]) и вполнѣ независимый отъ Командующаго Императорскою Главною Квартирою. — Первоначальная организація Канцеляріи.

Все дѣлопроизводство военнаго управленія, „какъ по частямъ, въ непосредственномъ вѣдѣніи Военнаго Министра состоящимъ, такъ

---

[1]) Ко дню 50-лѣтія Военно-Походной Канцеляріи былъ составленъ Н. К. Шведовымъ, въ 1882 г., краткій историческій очеркъ этой канцеляріи.

[2]) Собр. Закон. и Пост. до части воен. упр. относящ., 1832 г., кн. II, стр. 365.

[3]) П. Г. Дивовъ, въ своемъ дневникѣ (Рус. Стар., 1900 г., янв.), подъ 4 мая 1832 г. отмѣчаетъ: „появился указъ объ упраздненіи Главнаго Штаба военнаго вѣдомства; вся власть сосредоточена въ лицѣ Военнаго Министра“.

и отъ Военнаго Совѣта зависящимъ", сосредоточивалось въ одной канцеляріи, названной Канцеляріей Военнаго Министерства. Изъ этой канцеляріи, „въ случаѣ отбытія Государя Императора изъ столицы", должна была образовываться Военно-Походная Его Величества Канцелярія.

„Особое назначеніе" начальника Военно-Походной Канцеляріи, долженствовавшаго присутствовать въ Военномъ Совѣтѣ, на одинаковыхъ правахъ съ членами сего Совѣта, заключалось въ сопровожденіи Особы Государя Императора, „для принятія и объявленія Высочайшихъ повелѣній и разрѣшеній по дѣламъ военно-сухопутнаго управленія, если Военный Министръ лично не сопровождаетъ Его Императорское Величество" [1]). „На сей конецъ", т. е. для ознакомленія съ общимъ устройствомъ и характеромъ дѣлопроизводства высшаго военнаго управленія, начальникъ Военно-Походной Канцеляріи обязанъ „присутствовать при ежедневномъ докладѣ Военному Министру Директора Канцеляріи Военнаго Министра" [2]).

Кругъ дѣйствія Начальника Военно-походной Канцеляріи ограничивался „собственно объявленіемъ Военному Министру и обращеніемъ къ дальнѣйшему его исполненію Высочайшихъ разрѣшеній и повелѣній по дѣламъ военно-сухопутнаго управленія, къ Его Величеству поступившимъ" [3]). Приказы по арміи должны отдаваться за подписью Начальника Военно-Походной Канцеляріи, съ добавленіемъ словъ „за отсутствіемъ Военнаго Министра" [4]). Въ случаѣ, если „для выигрыша времени Его Величество за благо признать изволитъ поручить начальнику Военно-Походной Канцеляріи войти въ непосредственное сношеніе съ находящимися внѣ столицы мѣстами и лицами, Военному Министру подвѣдомственными, или объявить имъ прямо отъ себя Высочайшія разрѣшенія и повелѣнія по поступившимъ отъ нихъ представленіямъ" [5]), то „о предметѣ сихъ сношеній, разрѣшеній и повелѣній Начальникъ Военно-Походной Канцеляріи въ то же время доноситъ во всей подробности Военному Министру, для сохраненія общей связи дѣлъ и распоряженій по Министерству, если они ка-

---

[1]) § 116. Существо обязанностей начальника Военно-Походной Канцеляріи.

[2]) § 117.

[3]) § 123.

[4]) § 124.

[5]) § 125.

саются перемѣны въ составѣ, вооруженіи, снаряженіи или расположеніи войскъ, перемѣны въ назначеніи лицъ, или расхода денежныхъ и вещественныхъ капиталовъ, въ вѣдѣніи Министерства состоящихъ"[1]. Но Начальникъ Военно-Походной Канцеляріи не обязанъ доносить Военному Министру въ случаѣ затребованія имъ дополнительныхъ свѣдѣній, „къ объясненію поступившихъ представленій необходимыхъ", или если имъ сдѣланы сношенія, относящіяся „до обстоятельствъ и случаевъ, прямой связи съ дѣлами Министерства не имѣющихъ"[2]. Наконецъ, Начальникъ Военно-Походной Канцеляріи имѣлъ право объявлять непосредственно Высочайшія повелѣнія подлежащимъ „министерствамъ и вѣдомствамъ", если означенныя повелѣнія не имѣютъ „связи съ дѣлами военно-сухопутнаго управленія"[3].

Обращаясь къ изложенію организаціи личнаго состава Военно-Походной Канцеляріи, помимо ея Начальника, слѣдуетъ замѣтить, что въ мирное время эта канцелярія, въ видѣ отдѣльнаго, самостоятельнаго органа, вовсе не существовала, а въ случаѣ Высочайшаго отъѣзда изъ столицы, персоналъ ея пополнялся изъ чиновниковъ и писарей Канцеляріи Военнаго Министерства[4]. Для сего въ штатѣ Канцеляріи Военнаго Министерства положены по штату одинъ старшій и четыре младшихъ чиновника Военно-Походной Канцеляріи, изъ коихъ первый состоитъ въ „качествѣ" помощника директора Канцеляріи Военнаго Министерства, „раздѣляетъ его занятія въ наблюденіи за правильнымъ и безостановочнымъ движеніемъ дѣлъ по всѣмъ отдѣленіямъ канцеляріи и въ особенности по отчетности департаментовъ и пріобрѣтаетъ, такимъ образомъ, полное о положеніи каждой изъ составныхъ частей Министерства свѣдѣніе, на случай образованія Военно-Походной Его Величества Канцеляріи"[5]. Младшіе же чиновники „распредѣляются въ качествѣ помощниковъ къ начальникамъ 1, 2, 3 и 6 отдѣленій Канцеляріи Военнаго Министерства"[6].

Такимъ образомъ, персоналъ Военно-Походной Канцеляріи, учреждаемой въ видѣ самостоятельной единицы лишь въ случаѣ Высо-

---

[1] § 126. Существо обязанностей начальника Военно-Походной Канцеляріи.
[2] § 127.
[3] § 128.
[4] § 131.
[5] § 171.
[6] § 172.

чайшаго изъ столицы выѣзда, имѣлъ всѣ данныя для возможно полнаго ознакомленія съ дѣлопроизводствомъ Военнаго Министерства и къ удовлетворительному исполненію своихъ обязанностей по Военно-Походной Канцеляріи.

Измѣненія въ организаціи канцеляріи.

Вскорѣ послѣдовало первое въ царствованіе Императора Николая Павловича преобразованіе Военно-Походной Канцеляріи, и въ 1834 г. она совершенно отдѣлена отъ Канцеляріи Военнаго Министерства: во главѣ ея поставленъ Управляющій [1]), а штатомъ установлены двѣ должности чиновниковъ [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ тогда же на Военно-Походную Канцелярію была возложена обязанность помимо сопутствованія Государя Императора — заниматься, „подъ непосредственнымъ распоряженіемъ Министра, дѣлами по общему устройству управленія и другими выходящими изъ разряда дѣлъ текущихъ" [3]).

На долю Военно-Походной Канцеляріи выпала въ это время, вплоть до 1836 г., тяжелая работа, по разработкѣ постановленій, относящихся до образованія Военнаго Министерства, на новыхъ указанныхъ Высочайшею волею началахъ. Этотъ обширный трудъ удостоился Высочайшаго утвержденія 29 марта 1836 г. [4]). Вмѣстѣ съ тѣмъ и Военно-Походная Канцелярія получила новую организацію [5]).

Къ штату Канцеляріи былъ прибавленъ одинъ писарь и, кромѣ того, разрѣшалось, при усиленныхъ занятіяхъ, прикомандировывать къ Военно-Походной Канцеляріи чиновниковъ изъ Канцеляріи Министерства и имѣть, сверхъ штата, нѣкоторое число молодыхъ людей, для подготовки къ занятію дѣлами.

Кругъ дѣятельности Канцеляріи, по положенію 1836 г., былъ двоякаго рода: во время Высочайшихъ путешествій—съ одной стороны, и во время пребыванія Государя Императора въ столицѣ—съ другой. Въ послѣднемъ отношеніи Канцелярія занималась дѣлами по общему устройству управленія и другими, выходящими изъ разряда

[1]) Управляющимъ Канцеляріею состоялъ съ 1834 г. по 1840 г. дѣйств. статск. совѣтн. М. П. Позенъ.

[2]) Высочайшее утвержденіе новаго положенія о Военно-Походной Канцеляріи послѣдовало 19 апрѣля 1834 г.

[3]) Ст. 7 Положенія.

[4]) Конечно, этотъ трудъ не могъ быть выполненъ скромными силами одной Военно-Походной Канцеляріи и къ послѣдней были прикомандированы чины Канцеляріи Военнаго Министерства.

[5]) П. С. З., 2-е собр., 1836 г., т. XI, № 9038.

дѣлъ текущихъ (напр., изданіями новыхъ положеній, измѣненій дѣйствующихъ положеній и пр.). Такимъ образомъ, чины Канцеляріи принимали участіе въ занятіяхъ по устройству Закавказскаго края — въ 1837 г., по изданію Свода Военныхъ Постановленій—въ 1838 г., по организаціи мѣръ народнаго продовольствія въ среднихъ губерніяхъ—въ 1840 г.

Однако, въ 1841 г. послѣдовало, вмѣстѣ съ сокращеніемъ штатовъ всѣхъ вообще военныхъ управленій, уменьшеніе круга обязанностей Военно-Походной Канцеляріи, которая должна была заниматься только текущими дѣлами; обязанности же ея во время Высочайшихъ путешествій были оставлены прежнія, опредѣленныя положеніемъ 1836 г.; кромѣ того, было упразднено званіе Управляющаго дѣлами Канцеляріи [1]). Съ назначеніемъ же въ 1842 г. генералъ-адъютанта В. Ѳ. Адлерберга Главноначальствующимъ надъ Почтовымъ Департаментомъ, было повелѣно, „дабы во время Высочайшихъ путешествій, онъ же, генералъ-адъютантъ Адлербергъ, представлялъ Его Величеству доклады по дѣламъ Военнаго Министерства, по примѣру тому, какъ это исполняемо имъ было въ качествѣ Начальника Военно-Походной Канцеляріи".

Въ 1844 г. въ штатъ Военно-Походной Канцеляріи была введена должность младшаго чиновника [2]), и затѣмъ, въ царствованіе Императора Николая Павловича, въ ней не произошло уже болѣе никакихъ измѣненій.

Во главѣ Военно-Походной Канцеляріи стоялъ во все продолженіе царствованія Императора Николая I графъ Владиміръ Ѳедоровичъ Адлербергъ 1.

Начальникъ Канцеляріи графъ В. Ѳ. Адлербергъ.

При томъ значеніи, какое имѣло въ то время лицо, вѣдавшее этою Канцеляріею, порученіе ея В. Ѳ. Адлербергу нужно объяснить, конечно, особою близостью его къ Особѣ Монарха. Нельзя забывать, что В. Ѳ. Адлербергъ „принадлежалъ къ числу первыхъ товарищей въ играхъ Великаго князя Николая Павловича" [3]). Фельдмаршалъ же Дибичъ [4]), въ своихъ воспоминаніяхъ подъ 1830 г., выражался о генералъ-адъютантахъ Адлербергѣ и Бенкендорфѣ, что „они

[1]) П. С. З., 2-е собр., 1841 г., т. XVI, ст. 15081.

[2]) П. С. З., 2-е собр., 1844 г., ст. 17586.

[3]) Сб. И. Р. И. Общ., т. XCVIII.

[4]) Фельдм. кн. Дибичъ-Забалк. въ его воспом. Рус. Стар., 1891 г., № 5.

одни во всякое время и во всѣхъ обстоятельствахъ всегда готовы пожертвовать самою жизнью для своего Монарха".

Вотъ какими лестными выраженіями, какъ нельзя болѣе ярко обрисовывающими отношеніе Императора Николая I къ графу В. Ѳ. Адлербергу, удостоилъ его Императоръ Александръ II въ рескриптѣ отъ 5 марта 1855 г. [1]):

„Графъ Владиміръ Ѳедоровичъ! Отдавъ сегодня послѣдній долгъ блаженныя памяти и вѣчныя славы достойному Августѣйшему Родителю Моему, Мнѣ остается еще исполнить долгъ душевный предъ Вами, какъ ближайшимъ и неразлучнымъ сопутникомъ Его жизни. Чувства привязанности Его къ Вамъ, возникшія съ самыхъ юныхъ лѣтъ—Вы оправдали, бывъ Ему всегда слугою вѣрнымъ и ревностнымъ исполнителемъ Его воли. Не буду говорить теперь о Вашихъ трудахъ и заслугахъ государственныхъ: Монаршія награды служатъ тому доказательствомъ предъ всею Россіею; но обращусь къ особеннымъ, исключительнымъ отношеніямъ Вашимъ къ Моему незабвенному Родителю и Благодѣтелю. Зная Вашу къ Нему безпредѣльную преданность, Онъ питалъ и къ Вамъ довѣренность безпредѣльную, предъ Вами не имѣлъ Онъ душевной тайны, съ Вами дѣлилъ Онъ и радость, и горе. Его чистая, прекрасная душа не могла не оцѣнить Вашихъ высокихъ достоинствъ, и Онъ, любя Васъ—какъ человѣка, радовался, что въ подданномъ Своемъ нашелъ Себѣ друга. Въ тяжелой утратѣ, Мною понесенной, Я постигаю Ваши чувства: въ Бозѣ почившемъ Императорѣ вы лишились болѣе, чѣмъ Государя! Да послужитъ Вамъ въ вашей скорби утѣшеніемъ, что Вы были такъ близки сердцу Монарха, котораго всѣ минуты были посвящены благу и счастію Россіи. Я же, съ согласія Вселюбезнѣйшей Родительницы Моей, препровождаю къ Вамъ, для ношенія въ петлицѣ, украшенный бриліантами портретъ Незабвеннаго Нашего Благодѣтеля. Какъ вы были первымъ сопутникомъ Его жизни, то, по Вашимъ Ему заслугамъ, да украшаетъ Васъ послѣдняго—Его изображеніе".

Приведемъ еще два эпизода, характеризующіе отношеніе Императора Николая къ Его Военно-Походной Канцеляріи и къ графу В. Ѳ. Адлербергу.

По окончаніи Венгерской кампаніи, во время которой на долю

[1]) Рус. Инв., 1855 г., № 51.

Канцеляріи выпала значительная работа, Императоръ Николай I удостоилъ ее, въ Варшавѣ, Своимъ высокимъ посѣщеніемъ, объявилъ чинамъ Военно-Походной Канцеляріи объ окончаніи кампаніи и заключеніи почетнаго для Россіи мира и Собственноручно соизволилъ возложить на графа Владиміра Θедоровича Адлерберга орденъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго, присовокупивъ: „не забудь своихъ тружениковъ и представь ихъ къ наградѣ".

Въ данной по этому случаю, на имя графа Владиміра Θедоровича, грамотѣ выражено слѣдующее:

„Управляя къ совершенному удовольствію Нашему почтовою частію въ Имперіи и постоянно улучшая эту важную отрасль государственнаго благоустройства, вы, вмѣстѣ съ тѣмъ, по личному Нашему довѣрію къ отличнымъ качествамъ вашимъ, сопутствуя Намъ во всѣхъ предпринимаемыхъ Нами по Россіи и за границу поѣздкахъ, продолжали управлять Нашею Военно-Походною Канцеляріею. Занятія ваши по исполненію сей послѣдней обязанности получили особое развитіе во время пребыванія Нашего въ Варшавѣ, для ближайшаго наблюденія за ходомъ военныхъ въ Венгріи событій и распоряженій, Нами указанныхъ, къ полному снаряженію и снабженію войскъ дѣйствующихъ и резервныхъ. Передавая Наши повелѣнія со всею точностью и быстротою, вы непосредственно способствовали успѣшному и видамъ Нашимъ вполнѣ соотвѣтствующему исполненію оныхъ всѣми частями военно-сухопутнаго вѣдомства. Нынѣ, по благополучномъ и достославномъ окончаніи военныхъ дѣйствій противъ Венгерскихъ мятежниковъ, Мнѣ пріятно было Собственноручно возложить на васъ орденъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго, въ справедливое воздаяніе столь полезнаго служенія вашего Престолу и Отечеству и въ изъявленіе того особеннаго уваженія и дружбы, которыя къ вамъ питаю съ юныхъ лѣтъ".

Въ 1853 году, во время пребыванія Императора Николая I въ Варшавѣ, Военно-Походная Канцелярія была вновь осчастливлена Высочайшимъ посѣщеніемъ. Графъ В. Θ. Адлербергъ, по нездоровью, переслалъ докладъ Государю въ запечатанномъ конвертѣ. Положивъ на всѣхъ присланныхъ бумагахъ Собственноручныя резолюціи, Государь послалъ ихъ съ фельдъегеремъ, для исполненія, въ Канцелярію, приказавъ ему объявить чинамъ ея, что Онъ Самъ сейчасъ туда прибудетъ. Императоръ былъ встрѣченъ на подъѣздѣ чинами Канцеляріи

и, обратившись къ нимъ, повелѣлъ исполнить бумаги по Его Собственноручнымъ резолюціямъ и затѣмъ представить къ подписи графа В. Ѳ. Адлерберга. Затѣмъ Его Величество, пріотворивъ дверь въ квартиру графа Адлерберга, изволилъ сказать ему, чтобы онъ не безпокоился объ исполненіи доклада, такъ какъ всѣ приказанія уже отданы Имъ.

Участіе Канцеляріи въ Высочайшихъ путешествіяхъ.

Въ царствованіе Императора Николая I Военно-Походная Канцелярія сопровождала Государя въ цѣломъ рядѣ Высочайшихъ путешествій.

Въ 1832 г., съ 31-го августа по 26-е сентября, Канцелярія сопровождала Государя въ Смоленскъ, Бобруйскъ, Козелецъ, Кіевъ, Лубны, Полтаву, Харьковъ, Чугуевъ и Бѣлгородъ, и потомъ обратно, чрезъ Воронежъ, Рязань и Москву, въ С.-Петербургъ. Въ августѣ 1833 г., на пароходѣ „Ижора“ она отправилась моремъ за границу, но, за бурею, возвратилась съ Его Величествомъ въ Кронштадтъ, откуда уже отправилась сухимъ путемъ въ Богемію, въ Мюнгенгрецъ, гдѣ Его Императорское Величество имѣлъ свиданіе съ Императоромъ Австрійскимъ. Затѣмъ 27 октября 1834 г. Канцелярія отправилась въ Берлинъ, а оттуда чрезъ Варшаву въ С.-Петербургъ, съ 24 апрѣля по 28 мая 1835 г. была отправлена въ Москву и обратно въ С.-Петербургъ, съ 7-го августа по 17-е сентября 1836 г. ѣздила въ Москву, Нижній-Новгородъ, Казань, Симбирскъ, Пензу, Тамбовъ, а отсюда, чрезъ Рязань и Москву, обратно въ С.-Петербургъ и съ 30-го іюля по 5-е ноября 1837 г. находилась при Его Величествѣ при кавалерійскомъ сборѣ кавалеріи въ Вознесенскѣ и во все время путешествія Его Величества по Россіи: въ Псковъ, Динабургъ, Ковно, Вильно, Бобруйскъ, Кіевъ, Николаевъ, Одессу, Севастополь, Бахчисарай, Симферополь; на южный берегъ Крыма: въ Оріанду, Массандру и Ялту, откуда на пароходѣ въ Геленджикъ, Анапу, Керчь-Ениколь и Редутъ-Кале; отсюда сухимъ путемъ въ Кутаисъ, Ахалцыхъ, Ахалкалаки, Александрополь, Сардарь-Абадъ, Эривань, Тифлисъ, Владикавказъ, Екатериноградъ, Пятигорскъ, Георгіевскъ, Ставрополь и Новочеркасскъ; отсюда же, чрезъ Воронежъ, Тулу и Москву, обратно въ С.-Петербургъ. Далѣе съ 3-го мая по 2-е іюня 1838 г. Канцелярія сопровождала Государя въ Берлинъ, Потсдамъ, Штетинъ, а оттуда на пароходѣ въ Стокгольмъ и обратно въ С.-Петербургъ, и съ 13-го іюня

по 27-е сентября въ Динабургъ, Новогеоргіевскъ, Варшаву, замокъ Фюрстенштейнъ (въ Силезіи), Теплицъ, Крейтъ, Мюнхенъ, Аугсбургъ, Саксенъ-Веймаръ, Магдебургъ, Потсдамъ и Берлинъ и, обратно, въ С.-Петербургъ, съ 7-го по 16-е ноября того же года Канцелярія сопровождала Его Величество въ Москву и обратно въ С.-Петербургъ, а съ 16-го августа по 14-е сентября 1839 г., по случаю сбора войскъ, для открытія памятника, воздвигнутаго въ честь павшихъ со славою на поляхъ Бородинскихъ во время Отечественной войны, находилась съ Его Величествомъ при Бородинѣ, а оттуда возвратилась чрезъ Москву въ С.-Петербургъ. Въ 1840 г., съ 9-го мая по 18-е іюля, Канцелярія была съ Его Величествомъ въ заграничномъ путешествіи, предпринятомъ, чрезъ Динабургъ и Варшаву, въ Берлинъ, Потсдамъ, Веймаръ, Франкфуртъ на Майнѣ и Эмсъ, откуда возвратилась въ С.-Петербургъ, а съ 29-го іюля по 3-е сентября того же года находилась при Государѣ, при Его путешествіи по Россіи: въ лагерь при Княжемъ Дворцѣ, по случаю сбора тамъ войскъ Гренадерскаго Корпуса, чрезъ Полоцкъ и Витебскъ, въ Гомель, для осмотра собранныхъ тамъ войскъ, и чрезъ Кіевъ, Брестъ-Литовскъ, Варшаву и Динабургъ, обратно въ С.-Петербургъ. Въ 1841 г. Канцелярія сопровождала Государя въ Высочайшемъ путешествіи: съ 7-го по 23-е мая чрезъ Угличъ, Рыбинскъ и Ярославль, въ Москву и обратно въ С.-Петербургъ, и съ 16-го августа по 12-е сентября въ Ковно и Варшаву, по случаю сбора въ этихъ мѣстахъ войскъ, а оттуда въ С.-Петербургъ. Въ 1842 г., съ 1-го сентября по 5-е октября, Канцелярія сопровождала Его Величество въ пути изъ Царскаго Села въ Тверь, Москву, Тулу, Орелъ, Курскъ, Чугуевъ, Харьковъ, Полтаву, Елисаветградъ, Вознесенскъ, Каменецъ-Подольскъ, Кременецъ; отсюда чрезъ Люблинъ, въ крѣпость Ивангородъ, Варшаву, кр. Новогеоргіевскъ, Ковно, кр. Динабургъ и обратно въ С.-Петербургъ. Въ 1843 г., съ 20-го августа по 7-е октября, Канцелярія находилась въ вояжѣ за границу: изъ Петергофа моремъ до Штетина; отсюда сухимъ путемъ въ Берлинъ и потомъ обратно [1]), чрезъ Варшаву, Новогеоргіевскъ,

[1]) „Въ 1843 г., въ ночь съ 6-го на 7-е сентября, Императоръ Николай Павловичъ выѣхалъ изъ Берлина на Познань, въ Варшаву. Его Величество сопровождали: графъ (впослѣдствіи князь) Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ, генералъ-адъютантъ (впослѣдствіи графъ) Владиміръ Ѳедоровичъ Адлербергъ, лейбъ-медикъ Рейнгольдъ, фли-

Брестъ-Литовскъ, Кіевъ, Орелъ, Тулу и Москву, въ С.-Петербургъ. Въ 1844 г., съ 10-го мая по 7-е іюня, Канцелярія находилась въ путешествіи, чрезъ Берлинъ, Брауншвейгъ и Гагу, въ Лондонъ и Виндзоръ, откуда обратно тѣмъ же путемъ до Штетина и моремъ въ Петергофъ, въ 1845 г. сопровождала Его Величество въ путешествіяхъ: съ 2-го по 29 мая: по Ковенскому тракту до Динабурга, далѣе въ Новогеоргіевскъ и Варшаву, а оттуда, чрезъ Ивангородъ, Брестъ-Литовскъ, Ковель, Луцкъ, Дубно, Острогъ, Новоградъ-Волынскъ, Житоміръ и Радомысль, въ Кіевъ, а отсюда чрезъ Черниговъ, Могилевъ и Витебскъ до Полоцка, чрезъ Рѣжицу, Островъ и Лугу, въ С.-Петербургъ, и съ 23-го августа по 30-е декабря: изъ Гатчины по Бѣлорусскому тракту, чрезъ Островъ, Полоцкъ, Витебскъ, Могилевъ на Днѣпрѣ, Бобруйскъ, Гомель, Черниговъ и Кременчугъ, въ Елисаветградъ; отсюда въ Николаевъ, моремъ въ Севастополь и Херсонъ, а потомъ, чрезъ Екатеринославль и Харьковъ, въ Чугуевъ, гдѣ Его Величество пробылъ съ 17-го по 22-е сентября; отсюда Канцелярія сопровождала Государя Императора, чрезъ Харьковъ, Полтаву, Кіевъ, Житоміръ, Устилугъ, Люблинъ, Новую Александрію, Краковъ и Тешенъ, въ Лейпцигъ, откуда по желѣзной дорогѣ въ Прагу, а потомъ чрезъ Будвейсъ, Линцъ, Зальцбургъ, Инспрукъ (гору Бреннеръ), Бресчіа, въ Миланъ, куда прибыла 5-го октября; на слѣдующій день, по выѣздѣ Его Величества изъ Милана вмѣстѣ съ Государынею Импе-

гель-адъютантъ (впослѣдствіи генералъ-адъютантъ) князь Меньшиковъ и чиновники Военно-Походной Его Величества Канцеляріи Суковкинъ (впослѣдствіи статсъ-секретарь, управлявшій дѣлами Комитета Министровъ) и Кирилинъ (впослѣдствіи управлявшій Канцеляріею Императорскаго Двора).

„На другой день, 7-го числа, около 9 часовъ вечера, Государь прибылъ къ Познани. У въѣзда въ городъ Его встрѣтили начальствующія лица и доложили, что, по случаю большой похоронной процессіи (прусскаго генерала Крона), Его Величеству неудобно ѣхать чрезъ городъ, а потому просили объѣхать Познань кругомъ. Такимъ образомъ всѣ экипажи послѣдовали за Государемъ: коляска же Военно-Походной Канцеляріи подъѣхала къ городу позже другихъ экипажей, а потому сидѣвшіе въ ней Суковкинъ и Кирилинъ, не бывъ никѣмъ предупреждены о похоронной процессіи, въѣхали прямо въ Познань. При слѣдованіи по главной улицѣ, на углу маленькаго переулка, произведены были выстрѣлы. Пули, въ числѣ десяти, пробили кузовъ коляски и три изъ нихъ остановились въ ватѣ шинели Андрея Николаевича Кирилина.

8-го сентября, къ обѣду, Его Величество благополучно прибылъ въ Варшаву" (Рус. Стар., 1880 г., т. XXVIII, стр. 137—138).

ратрицею, сопровождала Ихъ Величества, чрезъ Павію и Нови, въ Геную, а оттуда моремъ въ Палермо. Здѣсь находилась при Его Величествѣ съ 11-го октября по 23-е ноября; по выѣздѣ въ ночь на 24-е число сопровождала Его Величество въ Неаполь, гдѣ находилась по 1-е декабря; изъ Неаполя слѣдовала, чрезъ Капуа и Террачино, въ Римъ, гдѣ оставалась при Государѣ Императорѣ со 2 по 5 декабря; изъ Рима чрезъ Сіену, прибыла 6-го декабря во Флоренцію; 9-го декабря Его Величество имѣлъ пребываніе въ Болоньѣ; отсюда, чрезъ Феррару, Падуа и Фузино, прибыла въ Венецію, гдѣ Высочайшее пребываніе продолжалось съ 11 по 13 декабря; 14-го декабря Канцелярія изъ Венеціи съ Его Величествомъ отправилась, чрезъ Местръ, Удино, Тревизу, въ Брюкъ; отсюда по желѣзной дорогѣ въ Мюрцъ-цу-Шлагъ до Глогница, а потомъ въ Вѣну, куда прибыла 17-го декабря; здѣсь Его Величество изволилъ оставаться 18-го и 19-го числа; изъ Вѣны сопровождала Его Величество по желѣзной дорогѣ въ Лейпцигъ, откуда, чрезъ Тешенъ, Краковъ и Радомъ, въ Варшаву, гдѣ Высочайшее пребываніе продолжалось 25 и 26 декабря; утромъ 27 декабря съ Его Величествомъ отправилась изъ Варшавы по Ковенскому тракту въ С.-Петербургъ, куда прибыла 30-го декабря. Далѣе Канцелярія ѣздила: въ 1846 г. — съ 7-го по 20-е марта, въ Москву и обратно въ С.-Петербургъ, съ 2-го мая по 3-е іюня, въ Варшаву, чрезъ Динабургъ и Ковно, и обратно въ С.-Петербургъ, и съ 27-го сентября по 6-е октября, въ Москву и обратно въ С.-Петербургъ; въ 1847 г. — съ 2-го сентября по 11-е октября, въ Москву, Тулу, Орелъ, Кіевъ, Елисаветградъ, Винницу и обратно въ С.-Петербургъ; въ 1849 г. — съ 25-го марта по 8-е апрѣля, въ Москву и обратно въ С.-Петербургъ, и съ 2-го мая по 10-е сентября, въ Варшаву, по Царству Польскому, въ Галицію, до границъ Венгріи, при переходѣ туда дѣйствующихъ войскъ, и обратно въ С.-Петербургъ; въ 1850 г., съ 2-го по 28-е мая, въ Бобруйскъ, Брестъ-Литовскъ, Варшаву, Ковно, Вильно и оттуда обратно въ С.-Петербургъ, и съ 7-го сентября по 22 октября, въ Москву, Тулу, Орелъ, Чугуевъ, Полтаву, Кіевъ, Бѣлую Церковь, Варшаву, и оттуда обратно въ С.-Петербургъ. Въ 1851 г., съ 28-го апрѣля по 2-е іюня, Канцелярія сопровождала Государя Императора въ Ломжу, куда и прибыла 1-го мая; на другой день по выѣздѣ Его Величества вмѣстѣ съ Государынею Императрицею, сопровождала Ихъ Величества въ Варшаву;

5-го мая—въ Скерневицы, на встрѣчу Его Величества Короля Прусскаго, а 8-го сопровождала Государя Императора и Короля Прусскаго въ кр. Новогеоргіевскъ и обратно въ Варшаву; 11-го—въ Ловичъ для осмотра собранныхъ тамъ войскъ; 13-го вмѣстѣ съ Ихъ Величествами и Его Величествомъ Королемъ Прусскимъ — въ Скерневицы, а оттуда, 15-го числа, по желѣзной дорогѣ, чрезъ ст. Граница и Мисловицы, въ Ольмюцъ (въ Австріи); 19-го обратно, тѣмъ же путемъ, въ Скерневицы; отсюда въ Ловичъ и Варшаву; 23-го мая отправилась вмѣстѣ съ Ихъ Величествами въ Скерневицы; 24—25 мая -въ Ловичъ, для осмотра собранныхъ тамъ войскъ, и оттуда возвратилась, чрезъ Скерневицы, въ Варшаву. Въ ночь съ 28-го на 29-е мая отправилась съ Его Величествомъ, чрезъ Сувалки и Динабургъ въ Царское Село; съ 18-го августа по 24-е сентября тою же Канцеляріей совершенъ переѣздъ по желѣзной дорогѣ въ Москву, а оттуда, чрезъ Бобруйскъ, Брестъ-Литовскъ, Луцкъ, Кіевъ, Елисаветградъ, и обратно, чрезъ Кіевъ, Черниговъ, Могилевъ, Витебскъ, Островъ и Лугу, въ Царское Село; въ 1852 г. съ 17-го апрѣля выѣхала съ Государемъ Императоромъ въ Варшаву; 24-го апрѣля отправилась по желѣзной дорогѣ, въ Вѣну, Дрезденъ, Веймаръ, Берлинъ и Потсдамъ; 14-го числа, по желѣзной дорогѣ, изъ Потсдама, чрезъ Берлинъ и Бреславль, въ Варшаву, а оттуда, чрезъ Новогеоргіевскъ, Ковно и Динабургъ, въ Петергофъ, куда и прибыла 2-го іюня; съ 25 іюня того же года, Канцелярія отправилась изъ Петергофа моремъ въ Штетинъ, откуда по желѣзной дорогѣ, чрезъ Берлинъ, въ Потсдамъ; изъ Потсдама, 2-го іюля, вмѣстѣ съ Государемъ Императоромъ и Государынею Императрицею, отправилась обратно [1]), тѣмъ же путемъ, въ Петергофъ, куда прибыла 6-го іюля; съ 3-го сентября по 5-е ноября того же года Канцелярія ѣздила въ Гомель, Чугуевъ, Харьковъ, Полтаву, Елисаветградъ, Вознесенскъ, Николаевъ, Севастополь, а оттуда, чрезъ Нико-

---

[1]) Въ это путешествіе Императора Николая I, на Варшаво-Вѣнской желѣзной дорогѣ близъ Ченстохово произошло крушеніе поѣзда, при чемъ писарь Военно-Походной Канцеляріи Трифоновъ въ присутствіи Ея Величества получилъ сильный ушибъ и переломъ ключицы, почему и былъ отправленъ для излѣченія въ Варшавскій Уяздовскій военный госпиталь и положенъ по Высочайшему повелѣнію въ Офицерскую палату, гдѣ, во время посѣщенія Государемъ означеннаго госпиталя, Трифоновъ былъ удостоенъ особымъ вниманіемъ Его Величества и тогда же Всемилостивѣйше произведенъ въ первый классный чинъ.

лаевъ, въ Кіевъ и, обратно, въ С.-Петербургъ; въ 1853 г., съ 1-го сентября по 1-е октября, она сопровождала Государя Императора, по желѣзной дорогѣ, въ Москву, куда прибыла 1-го сентября и оттуда, 4-го числа, чрезъ Бобруйскъ и Брестъ-Литовскъ, отправилась въ Варшаву, куда прибыла 9-го сентября; 11-го числа, по желѣзной дорогѣ, отправилась въ Ольмюцъ (въ Австріи) и возвратилась тѣмъ же путемъ въ Варшаву 17-го сентября; 24-го числа она выѣхала изъ Варшавы, по желѣзной дорогѣ, чрезъ Бреславль и Берлинъ, въ Потсдамъ, куда прибыла 25-го числа; съ 27-го сентября сопровождала Государя Императора изъ Потсдама, по желѣзной дорогѣ, чрезъ Берлинъ, Штетинъ, до Кенигсберга и далѣе, чрезъ Ковно и Динабургъ, въ Царское Село, куда прибыла 1-го октября. Наконецъ, въ 1854 г., съ 1-го по 5 марта Канцелярія находилась въ путешествіи въ Великое Княжество Финляндское, чрезъ Выборгъ и Фридрихсгамъ въ Гельсингфорсъ и обратно въ С.-Петербургъ.

Предыдущее изложеніе даетъ вкратцѣ общій образъ организаціи и дѣятельности, въ царствованіе Императора Николая I, Императорской Главной Квартиры и Военно-Походной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, а также сообщаетъ черты службы Государевой Свиты и отношеніе къ ней Императора. Заключеніе.

Появившаяся впервые въ это царствованіе должность Командующаго Императорскою Главною Квартирою, оставаясь все время совмѣщенною съ должностью шефа жандармовъ, тѣмъ не менѣе повлекла за своимъ учрежденіемъ образованіе сперва Управляющаго дѣлами Квартиры, а затѣмъ и отдѣльнаго, самостоятельнаго Управленія.

Военно-Походная Канцелярія, возобновленная въ 1832 г., вначалѣ имѣла весьма обширный кругъ дѣятельности, которая затѣмъ значительно съузилась; была уничтожена даже должность Управляющаго Канцеляріею.

Служба чиновъ Государевой Свиты была весьма разнообразна. И если въ торжественныхъ церемоніяхъ, Свита увеличивала собою общій блескъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ она несла полезную и многотрудную службу по исполненію самыхъ отвѣтственныхъ порученій и командировокъ.

Справедливость требуетъ признать, что, повидимому, чины Свиты оправдывали Монаршее къ себѣ довѣріе и, въ мѣрѣ силъ и возможности добросовѣстно и точно исполняли свои обязанности. Наградой же за ихъ службу, помимо одного счастія нахожденія въ Государевой Свитѣ, явилось милостивое завѣщаніе отъ 4 мая 1844 г. Императора Николая I, 23 статья коего гласила: *„искренно благодарю всѣхъ бывшихъ при Мнѣ господъ генералъ-адъютантовъ, генераловъ Моей Свиты и флигель-адъютантовъ за вѣрную ихъ службу; прошу ихъ съ тою же любовію и преданностію служить Моему Сыну“.*

2007081646